

Литературный МІХ

дайджест

2
ноябрь 2006

Окно в детство

Александр Мадисон. Испытание детством 2

Виктор Плиев. Ход конем по диагонали 4

Обратный билет

Леонид Л. Смирнов. Не к Пушкину - в Норвегию! 10

Легенда

Александр Мадисон. Сердце спящего духа 13

Книжный салон

Борис Жердин. Вишенка 3

Леонид Л. Смирнов. Это Космос смотрит в тебя 29

Виктор Плиев. Начало восхождения 31

Стихотворения

Надежда Воронова, Дарья Одинцова 32

Марина Ковалевская, Валентина Федорова,
Леонид Измайловский 33

Письма в редакцию

Лада Киревичева. Корректорская рапсодия 34

Валерий Сергеев. Одностишья 34

Ушибленные Америкой

Надя Норсен. На качелях судьбы 35

Шлягер

Константин Игрунов. Банджо 36

Виктор Плиев. Поцелуй 36

ТЕКСТЫ С ПОДТЕКСТОМ

Главный редактор

Елена
Мошко

География вытуска
Калининград
Лондон
Москва
Осло
Санкт-Петербург
Якутск

Поощрительные гонорары авторам после публикации

Журнал «МІХ» можно приобрести
на русском и английском языке
в Санкт-Петербурге в издательстве
«Нордмедиздат»
по адресу Лиговский пр., д. 56/Г,
тел. 764-79-31, 764-67-80.

© Коллектив авторов. Все права защищены.
© Верстка и редакция: Елена Мошко.
Корректура: Лада Киревичева.
ISBN 5-98306-026-0. Подписано в печать 17.11.06 г.
Заказ № 12621. Тираж 1000 экз. Печать офсетная.
Отпечатано в типографии «Турусел».
Санкт-Петербург, Миллионная ул., д. 1. Тел. (812) 571-54-74.

«МІХ»

Заявка на получение литературы
«КНИГА-ПОЧТОЙ»

Серия книг
«3D BOOK»
CD-диск
журнала
«Девушка
с веслом»

Ваш адрес,
кому:

100 рубл.

50 - 150 рубл.

100 рубл.

Адрес для заявок: 198206, Санкт-Петербург,
ул. Пионерстроя, д. 21/3, кв. 81. Мошко Е.В.
(812) 764-79-31.
medizdat@mail.wplus.net

Дорогие читатели!

Новогодний коктейль из художественных творений, который мы приготовили своим МІХером, подан. Почувствуйте тонкий вкус ностальгии, романтики, грусти и теплоты! Да будет сказка! Янтарным листопадом в такт уронит свой шлейф мистика! Пусть распахнется окно в детство, чудеса позовут в дальние дали, и все сокровенные желания сбудутся!

Е. Мошко

Окно в детство

МІХ

ТЕКСТЫ С ПОДТЕКСТОМ

Александр Мадисон

ИСПЫТАНИЕ ДЕТСТВОМ

«Оглянись, незнакомый прохожий.
Мне твой взгляд неподкупный знаком...»

Ждем отклики:

almad@yandex.ru

medizdat@mail.wplus.net

Это — страшная вещь. Это зеркало. Ты держишь в руках своё отражение. Готов ли ты увидеть себя? Готов ли ты вспомнить себя? Готов ли очнуться? И осудить судом страшным. Ибо есть в нашей жизни только один судья, которого нельзя купить или обмануть. Суровый и непреклонный. Этот судья - ты сам. Вспомни себя. Каким ты был? О чем мечтал? Чего желал? А как ты Любил? Любил с большой буквы, просто так, ни за что... Вспомни, как ты входил в комнату... Вспомни, какие чувства переполняли тебя. Свобода. Гордость. Счастье. Любовь. Как все радовались тебе и Любили тебя. Любили с большой буквы, просто так, ни за что...

Стал ли ты другим? Изменилось ли что-нибудь в тебе? И кем ты хотел быть?

И когда вообще ты в последний раз ставил перед собой этот вопрос: “Кем быть?” Изменил ли ты себе? Изменил ли ты своей мечте? Достиг ли ты того, чего желал тогда? Желал искренне и по-детски непосредственно. Наивно веря, что наступит священный день, когда ты станешь взрослым... Вдруг. И ты станешь полным хозяином своей жизни и все будешь делать и решать сам. Вспомни, как ты хотел этого, - все решать самому. И вот ты взрослый... Не вдруг, а как-то потихоньку, почти предательски, его величество Время сделало тебя взрослым. И стал ли ты тем, кем хотел? Или, может быть, ты так сильно хотел стать летчиком или художником, или капитаном, что стал бандитом? А вон та женщина, что стоит на углу, привычным взглядом оценивая тебя, независимо покуривая сигаретку. Она мечтала быть балериной или врачом, или учительницей. Дарить людям мир, здоровье, красоту. Она дарит... За деньги. Ничего не поделаешь - обстоятельства так сложились. Жить-то как-то надо. Никто не виноват... Никто. Жизнь такая. Время такое. Сложное время, тяжелое.

И ты уже ничего не решаешь сам. Твоей жизнью управляют обстоятельства. Ты уже не создаешь свое будущее. Накатанным путем ты катишься к своей старости. Какой она будет? Давно ли ты заглядывал вперед? Твоя жизнь страшна и непонятна, и ты уже чужой в ней. Она так часто и так сильно била тебя, что ты спрятался от нее. Спрятался. Сам в себя. Тебе было очень страшно и очень больно жить, и ты решил умереть. Умереть немножко, совсем чуть-чуть... И еще раз... Чтобы не так больно было жить. И опять... Чтобы не так страшно было потом умирать. И снова... И тогда, когда все останется в прошлом и придет время уйти, уйти навсегда, окажется, что ты так часто умирал по чуть-чуть в своей жизни, что тебе уже не больно и не страшно... Совсем. Потому что давным-давно ты уже немножко, совсем чуть-чуть жив. Ты создал себе укрытие. Выстроил прочный панцирь, раковину, в которую ты привычно залезал при любой опасности. Или ты уже не вылезал оттуда вовсе. Потому что трудно. Потому что больно. Потому что страшно и неприятно. И вот уже несет тебя непонятная и неуправляемая волна жизненных обстоятельств. И ты уже не плывешь в прекрасном корабле к светлому будущему, а беспорядочно толкаясь среди подобных себе, в утлой лодчонке, готовой в любую минуту пойти ко дну, топишь таких же, как ты. Кто послабее. Кто поближе. Кто отстал. Кто отчаялся так же, как ты. Друзей, родных, может быть жену... Топишь не ради своего счастья и будущего. Просто иначе утопят тебя. Утопят, чтобы выжить. Утопят самые близкие тебе люди. Друзья, родные, может быть жена... Прости их. Ничего не поделаешь - обстоятельства так сложились. Их обстоятельства. Жить то как-то надо. Никто не виноват... Никто. Жизнь такая. Время такое. Сложное время, тяжелое.

Ты уже не чувствуешь боли. Ни своей. Ни чужой. Ничьей. Ты даже не замечаешь, что делаешь больно другим. Вспомни, когда ты давал своему сыну слово (в который раз уже) не повышать голос. Или объяснял дочери, что любишь ее и маму больше всех на свете. А может, ты обещал купить ребенку игрушку, о которой он тайно мечтал давным-давно? И не купил. Потому что не было денег. Так бывает. Денег всегда не хватает. Так сложились обстоятельства. И бил жену. И ругал депутатов, правительство, всех на свете. И шел к пивному ларьку. Чтобы залить боль. Чтобы укрепить свой панцирь. Чтобы еще чуть-чуть умереть. Потому что очень страшно и очень больно жить. И шел домой. И твой ребенок входил в комнату... Какие чувства переполняли его? Может быть Свобода, Гордость, Счастье, Любовь? И видел тебя... И плакал... И брал из твоих рук, из твоего панциря крохотный кусочек железа. Потому что страшно. Потому что очень больно жить. И хочется умереть. Совсем чуть-чуть умереть, чтобы не так страшно было умирать потом. Потому что жизнь чужа и непонятна. И не для него.

И пройдет не так много времени. Может, лет двадцать, когда он выстроит свой панцирь. Очень хороший, очень крепкий панцирь и впервые сам отдаст кусочек его своему сыну, твоему внуку. Совсем крохотный кусочек, пылинку. Ведь для того, будущего сердца, сердца, которое еще не появилось на свет, больше не надо. Ему хватит. Маленькое пятнышко затмит маленькое

солнышко, и еще один человечек впервые в своей жизни немножко умрет. Умрет для того, чтобы потом, став взрослым, впервые немного убить свое дитя.

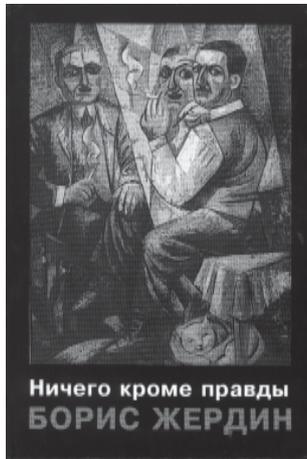
Совсем недавно это было с тобой. Вспомни, как впервые в своей жизни ты получил кусочек панциря из рук своего отца. А может это была твоя мать? Или самый близкий друг? Вспомни, что ты почувствовал тогда? Каким он был, этот страшный могильный камень, когда впервые коснулся твоего сердца? Ты испугался? И, наверное, заплакал. Но нашелся человек, который сказал тебе, что плакать стыдно. Что ты уже большой. Уже мужчина. Мужчины не плачут. Мужчины никому не показывают своих чувств. Живут в среднем на одиннадцать лет меньше, чем женщины. Зато не плачут. И ты стиснул зубы. И не плакал. Ты стал мужчиной. Точнее, ты перестал быть ребенком. Ребенком с чистым и светлым сердцем.

Кто, если не ты, разорвет эту страшную цепочку? Кто, кроме тебя, оплатит по твоим векселям? Только в твоих силах встать над твоими обстоятельствами, выполнить все твои обещания. Измени свою жизнь. Ибо, как ни тяжела она, другой не будет. Стань другим. Стань взрослым ребенком. Честным и верным себе и всем. Живи с чистым и горячим сердцем. Отдавай себя людям. Просто так. Ни за что. Сделай это. Это в твоих силах! Это зависит только от тебя. Никто не заменит тебя твоим близким, детям, жене. Сделай это сейчас!

Книжный салон

МІХ

Ничего кроме правды.
СПб: Корона принт, 2002. – 336 с.

Заказ книги:
medizdat@mail.wplus.net

Борис Жердин

Вишенка

(Автобиографическое)

Когда я был маленький, я очень восхищался Мичуриным. Мичурин был моим героем. Я даже посадил во дворе маленькую косточку вишни и собрался, когда она вырастет, скрестить ее с грушей. Каждое утро я выходил во двор посмотреть как ведет себя моя вишенка, не выросла ли еще.

Я усердно поливал ее из зеленого чайника, который брал на кухне с разрешения бабушки. Потом я заболел перитонитом, вернее сначала у меня был аппендицит, а потом, когда все прорвалось и загноилось, начался перитонит. Мне сделали операцию: сначала одну, потом другую. Все думали, что я умру, и очень жалели меня.

Но я выжил.

Я совсем забыл про свою вишенку, но однажды, выйдя во двор, я увидел огромное развесистое дерево, все покрытое цветами. Это была моя вишня!

Позже я скрестил ее с грушей, яблоней и сливой, потом привил к ней смородину, лимон, апельсин, ананас и шиповник. Вишня цвела и плодоносила.

Не успевали снять урожай яблок, как на соседней ветке начинали желтеть бананы, большие румяные груши просвечивались на солнце сквозь густые цветы ананаса, а когда я привил к ней манго и дуриан, она и вовсе стала похожа на волшебное дерево

из какой-то удивительной сказки.

Позднее я привил к моей вишенке маленькую веточку марихуаны с далекого острова Ямайка. Люди отовсюду приезжали посмотреть, как она прижилась.

Соки марихуаны, циркулируя по капиллярам дерева, создавали удивительный эффект – стоило съесть всего одну вишенку, как ты оказывался где-то далеко-далеко.

Все восхищались моим деревцем, и только много лет позднее, когда наступили холода, люди спилили мою вишенку и сожгли в печке, как простое бревно.

(Отрывок из книги)

Прими же, искренний читатель,
Историй чудных хоровод.
В них внука описать Создатель
Мне помогал из года в год.

Возможно, вы таким же были
В четыре года или в пять
И с умной девочкой дружили;
Она ходила в детский сад.

Прошли стремительные годы,
И все труднее быть собой.
Другие дети в сад приходят
И наслаждаются игрой.

И до чего они прелестны
Неповторимостью поры,
И говорят они без лести,
Ведь им всего лишь года три.

Ждем отклики:
medizdat@mail.wplus.net

Виктор Плиев

Ход конем по диагонали

О. Терек

Занятные истории из жизни Ванечки

Рассказ о том, как Ваня появился на свет

Ольга - молоденькая беременная женщина - очень обрадовалась, узнав, что у нее родится мальчик. Ее муж хотел именно мальчика. Тетя Наташа и тетя Тамара тоже хотели, чтобы родился мальчик - шалун и проказник. А как обрадовалась этой новости бабушка Люда. И только дедушка и бабушка Валя готовы были одинаково делиться и внука и внучку. Для них главное - чтобы роды прошли легко. Рождения мальчика ожидали с нетерпением. Его уже любили. Купили кроватку, детскую коляску, соски и погремушки.

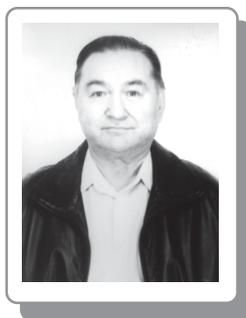
- Как вы его назовете? - спросила бабушка Люда, трогая детскую кроватку.

- Ванечкой, - сквозь счастливые слезы просияла Олечка.

- Почему именно Ваней? - поинтересовались и бабушки, и тети.

- Потому что на Иванах Россия держится! - с гордостью ответила Ольга.

Когда начались роды, мальчик пошел, как и положено, головкой вперед. Он стучался ею в материнские дверцы и никак не мог пройти через них. В течение шести часов Ольга старалась помочь ему выбраться на свет Божий. В конце обессилив, она заплакала. И тогда пригласили опытного врача. Врач разрешил Олечке животик и вынул оттуда покрасневшего мальчика. Мальчик зашевелил ножками и ручками и звонко закричал. Этот

Плиев Виктор Владимирович

Родился 3 августа 1944 года. Окончил ЛПИ в 1969 г. Инженер-конструктор. Работал в КБ металлургического завода. С 1980 г. приступил к работе над Матрицей, объемной структурой словесного восприятия, книги: «Матрица вокруг нас», СПб, 2004 г.; «Регуляция словом», СПб, 2005 г.; «Наследники Гермеса Трисмегиста», СПб, 2006 г.

Параллельно занимался литературной деятельностью. Совместно с Фриевым В.Х. им написаны книги: «Расчлененная на паперти», СПб, 1996 г.; «Уаларий или Матрица серебряная», СПб, 2003-

2004 г.; «Серебряные струны», СПб, 2004 г.

Пишет стихи и детские рассказы.

Живет и работает в Санкт-Петербурге.

О, Терек, ты был моим другом,
Свободным, как вольный Кавказ,
Когда вдруг теченьем упругим
Меня подхватил, как Перас.

Рождалось заветное слово
В стремительном блеске реки.
Оно пробудиться готово,
Чтоб частью стать этой строки.

И хочется выразить в рифме,
Как отроком лет девяти,
Я бросился в Терек с обрыва
И плыл до спокойной воды.

Ты нес меня, Терек, игриво,
Добычею стал я твоей.
Я выглядел тонкою ивой,
Но ты мне шептал: «Не робей!»

Швырнуть меня мог бы на камни,
Сломать, словно хрупкий цветок,
Умчать, не раскрыв свои тайны,
Измерив мой страх и восторг.

Мой страх улетучился сразу,
Взлетел я на гребне волны,
Смеялся, кричал я, и «Асса»
Мне слышалось в ритме весны.

Те дни я запомнил навеки.
Пусть Терек уж нынче не тот,
Но лишь закрываются веки,
Я чувствую солнца восход.

Мне кажется, будто я молод,
Что снится букет белых роз,
С любовью не страшен и холод,
Живет в моем сердце Христос.

13.01.2006 г.

крик наполнил радостью операционную. Новорожденного показали молодой маме и унесли.

Вот так наш герой появился на свет.

Костюмчик для презентаций

Ване купили нарядный костюмчик черного цвета, белую рубашку и черную бабочку.

- Для презентаций, - сказала бабушка Люда и расмеялась.

Ваню нарядили в этот костюм, надели на шею бабочку. Он выглядел в нем совсем взрослым. Он отправился в этот костюмчик в бабушкин офис. В нем же отметил свой день рождения.

Ему исполнилось два годика. И поверьте, для мальчика это очень серьезный возраст. В этом возрасте уже не нужны ни соски, ни памперсы, ни коляска. Кроватка полагается уже с железной пружиной, а не деревянная с палочками - ограждениями.

На Ванин день рождения приехали бабушка Люда, тетя Наташа, тетя Тамара. Был и дедушка с бабушкой Валей. Крестная и крестный и, конечно, его молодые родители. Все они собрались на улице Руднева в этот прекрасный зимний вечер.

А тетя Тамара приготовила торт. Когда его внесли в комнату, на нем горели две маленькие свечи - розовая и белая. Ваня сразу же задул их и отломал от торта маленький кусочек. Торт был очень вкусный - этакая высокогоркая бизе, обильно покрытая вареным сгущенным молоком.

Ваня скушал кусочек торта, и так он ему понравился, что он начал прыгать от радости на своей кроватке. Он подпрыгивал под музыку, которую очень любил. И когда она заканчивалась, просил ее повторить.

Веселый был день рождения. И этот день запомнился мальчику еще и потому, что тогда впервые дедушка вдруг зашел на английском языке:

- Happy birthday to you...

А Ваня приговаривал: «Еще, дедушка, еще!»

Живой рисунок

В два годика Ваня влюбился в машины. Он часами мог рассматривать журналы, на страницах которых были изображены автомобили. Его голубые глаза цепко подмечали детали и внешние различия, делая его округлое лицо не по возрасту сосредоточенным и смысленным.

- Наша, наша, - приговаривал Ваня, - иномарка. Авария, - показывал он пальцем на разбитый автомобиль.

И на улице мальчик ходил исключительно для того, чтобы поглядеть на настоящие автомобили.

- Москвич, Волга, Лада, - легко узнавал их Ваня.

И однажды, придя домой с улицы, взял и нарисовал фломастером автомобиль с колесами, фарами и дверцами. Нарисовал одной непрерывной линией. Эта линия изгибалась в овалах колес, окрылялась в дверцах машины. Казалось, что рисунок движется - еще секунда, и нарисованная Ваней машина выскользнет за рамки листа и умчится под кровать, где ровным строем стояли игрушечные автомобили.

Когда родители Ванечки увидели его рисунок, они не поверили, что он его сам нарисовал, решив, что ему помогала бабушка. А поверив, отправили это маленькое чудо на выставку детских рисунков. И Ваню даже при-

гласили на эту выставку, похвалили за рисунок и вручили мягкую игрушку. С ней он не расстается ни днем, ни ночью. А нарисованный мальчиком автомобиль висит в рамке на стене. Это его первое выдающееся достижение в жизни. А сколько их у него еще впереди!

Запомни эту лунную ночь!

Ольга вынесла Ваню на руках во двор. Стояла ясная августовская ночь. Звезды горели на небе алмазными россыпями. Золотая луна сияла.

- Надо же, луна взошла! - поразилась Олечка. - Она, оказывается, как наше солнышко движется. Только солнышко восходит днем, а луна ночью.

- А ты этого не знала? - удивленно закричал Ваня.

- Я-то знала. Нам об этом в школе рассказывали. А ты знал, что луна ночью восходит?

- Я только теперь увидел, - честно признался мальчик.

- Ты должен эту ночь навсегда запомнить, сынок.

- Конечно, запомню. А когда вырасту, буду своим деткам о ней рассказывать.

- И о чем ты будешь им рассказывать?

- О том, как луна ночью взошла.

Мама, я тебя так люблю

Сегодня особенный день - Восьмое марта! Людмила Михайловна с внуком, невесткой и сыном отправилась в ресторан. Ехали они с ветерком на машине Андрея, сына Люды, как ласково называл бабушку Ванечка.

В ресторане было немногочисленно. Их обслужили быстро. Подали меню. Все стоило очень дорого. Но Людмила Михайловна специально привезла в ресторан внука, чтобы его удивить. Заказала всем шашлыки, бутерброды с черной и красной икрой. На десерт им подали мороженое. Причем Ольге подали воздушную кукурузу в виде шоколадных шариков, которые обожал Ванечка.

Он тут же нагнулся к матери и зашептал ей нежно в самое ухо:

- Мамочка, я так тебя люблю. Возьми мое блюдечко, а мне отдай свое с шариками. Мое гораздо вкуснее. - Прямо не сказал, схитрил. Но Ольга поняла его невольную хитрость и расмеялась.

- Как же ты будешь есть эти шарики, если ты их не любишь? - весело спросила она.

- Я их съем, мамочка. Ведь я тебя очень люблю!

Как стать героем?

Ваня в два годика жалел и комаров и мух. Так жалел, что не позволял бабушке их убивать. А бабочек он просто обожал. В городе он жалел тараканов. Сердился на бабушку, когда она их убивала.

- Их нельзя давить. Они ведь живые, - кричал на нее мальчик.

Но однажды Ваня разозлился на таракана. Таракан был большой, нахальный и его совершенно не боялся. Он полз по стене и шевелил усиками. Полз медленно, не обращая на мальчика внимания.

И тут Ваня заметил таракана. Заметила его и бабушка. Она устремилась к таракану, чтобы раздавить его тряпкой. Но Ване этот таракан показался вдруг отвратителен. Он прицелился в него из игрушечного пистолетика и нажал на курок. Резиновая присоска обрушилась на таракана и раздавила его.

- Ты герой, Ванечка, - похвалила внука за меткий выстрел бабушка.

- Мне его совершенно не жалко, - похвастался внук.

- А чего же ты их раньше жалел?

- Не знаю. Я теперь буду по ним стрелять из пистолетика.

- Ты стал настоящим мужчиной, - улыбнулась бабушка.

Никто меня не любит

Ваня проснулся капризный. Посмотрев мультик по видео, позавтракал и принялся играть в солдатиков. Тамаре он вручил игрушечный автомат и велел ей стрелять в солдат.

- Пух, пух! - кричал Ваня.

- Тыщ, тыщ! - вторила ему тетя Тамара.

- Не тыщ, тыщ! А пух, пух! - поправил тетю мальчик и больно ударил ее по руке. Тетя Тамара ответила ему тем же. Правда, не так сильно. Но этого оказалось достаточно, чтобы он заплакал.

- Чего же ты плачешь, Ванечка? - спросила тетя Тамара

- Никто меня не любит, потому что я похой, - всхлипывая, ответил Ваня.

- Ты совсем не плохой. Ты хороший.

- Нет, я похой.

- Но я люблю тебя

- Ты со мной дерешься.

- Ну и что, что мы с тобой деремся. Мы же любим друг друга.

Эти слова успокоили мальчика, и он снова принялся за игру.

- Пух, пух! - кричал Ваня.

- Тыщ, тыщ! - приговаривала тетя Тамара.

- Ага, ты убит, - обрадовалась она.

- И совсем я не убит, - бойко возразил мальчик, - мы же играем понарошку. Неужели ты этого не понимаешь?

Елки зеленые

Тетя Тамара вытирала пыль в комнате и уже несколько раз наступала на игрушечную железную дорожку, в которую играл Ваня. Мальчик сердился на нее за это и, не выдержав, обозвал ее «гадиной».

- Ванечка, прости, пожалуйста, я исправлюсь! - опешила тетя Тамара. - Но я тебе советую больше не произносить в слух этого обидного слова. Говори «елки-палки или елки зеленые» или начинай считать до пяти.

Ваня, казалось, ее не слушал и продолжал увлеченно играть. А вечером уехал с родителями в Сестрорецк к бабушке. Люда, как называл ее Ванечка, тоже случайно наступила на его железную дорожку. И мальчик,

не выдержав, закричал: «Елки-палки, елки зеленые. Раз, два, три, четыре, пять!»

Бабушка просто обомлела от его вежливости. И сказала, что так другие мальчики не говорят. Но Ванечку не смутили ее слова. Он был весь в игре; настоящий маленький мужчина, а на щеках его горел сочный румянец.

Секрет этой сосредоточенной игры заключался в том, что он запомнил, как учила его вести себя тетя Тамара. И когда чем-то обидел тетю Наташу, очень эмоционально заявил:

- Наташа, прости, пожалуйста, я исправлюсь! - и опять своей вежливостью привел бабушку и тетю Наташу в изумление.

За его вежливость Наташа угостила племянника сыром.

Это «Чедел»? - вежливо спросил мальчик, произнеся вместо «р» «л».

- Нет, обычный «Костромской», - изумилась Наташа его гастрономическим знаниям.

- Надо же, какой кусный, - промолвил Ваня.

- Не кусный, а вкусный, - поправила его тетя. Он еще плохо выговаривал отдельные слова. Но своей наблюдательностью и вежливостью мог очень и очень удивить. Ведь ему недавно исполнилось четыре годика.

Вы уже папы?

Ваня с бабушкой Валею отправился на прогулку. После морозных дней в Питере установилась теплая погода. Золотой диск солнца весело висел над детской площадкой. Выпавший накануне снег хорошо лепился. И дети, томимые солнцем, лепили снежную бабу. Их было двое - мальчик и девочка.

- Можно я вам помогу? - спросил Ваня детей.

- Можно, - ответил мальчик.

- А сколько вам лет? - спросил Ваня.

- Мне одиннадцать, - сказала девочка.

- А мне двенадцать, - ответил мальчик.

- А мне четыре годика, - похвастался Ваня. А потом вспомнил, что в двенадцать лет собирался быть папой. И поэтому совершенно серьезно поинтересовался:

- Простите, а вы уже папы?

- Нет, мы еще в школе учимся, - весело ответила девочка!

- Бабушка, а я буду папой, когда мне исполнится двенадцать лет? - спросил Ваня свою любимую бабушку, помогавшую ему катать снежный ком.

- Нет, Ваня, ты будешь таким же, как они, - ответила бабушка.

- Я буду ходить в школу? - не поверил Ваня. Ведь он давно уже решил, что в двенадцать лет станет папой.

- Да, ты будешь ходить в школу, а я буду тебя встречать, - улыбнулась бабушка.

Очень примерные мальчики

Оля решила познакомить трехлетнего сына с Владиком, сыном ее подруги. Они вместе выросли на даче и вот теперь вышли замуж, обзавелись детьми.

Владик был хорошим мальчиком, и Ваня к нему тянулся. Их дружбе мешало лишь то обстоятельство, что Владик дружил с Андреем, мальчиком хитрющим и шаловливым. Андрей был на год старше Владика. Разница в возрасте у них всех была небольшая - три годика, четыре и пять.

Когда Ольга привела сына к Владiku - их дача находилась за водокачкой в низине - мальчик играл с Андреем. Они бегали друг за другом. Их головы были закрыты ситцевыми кепочками - было жарко. Ясное небо выщело. Не хватало дождя, радуги и прохлады. Увидев Ваню, Владик обрадовался и подбежал к нему.

- Ты будешь играть с нами? - спросил он.

- А во что вы играете? - поинтересовался Ваня.

- Ни во что. Просто бегаем друг за другом.

- Что это за игра такая? - улыбнулась Ольга. А Ваня забрался в детскую машину и начал крутить педалями. Машина заскрипела и двинулась с места!

- Это моя машина, ее нельзя трогать, - сказал Андрей.

- Тогда я поиграю в песочнице.

- В песочнице тоже нельзя играть - она моя.

- А во что будем играть?

- Будем доставать джип, - сказал Андрей.

- Вот здорово! - обрадовался Ваня. Андрей подвел Ваню к ванне, наполненной водой. На дне ее лежал новый игрушечный джип.

- Я его сейчас достану, - сказал Владик.

- Нет, пусть Ваня достанет, - сказал Андрей.

- Он - маленький, еще утонет, - решил Владик и наклонился над ванной. Он потянулся рукой за джипом, и вдруг бултыхнулся в ванну. Он не умел плавать, испугался, наглотался воды. Хорошо, Ольга оказалась рядом: она разговаривала с бабушкой Владика и все видела. Первой подбежала к ванне и вытащила мальчика из воды. Его переодели и отпустили играть.

- Чего же ты сам в ванну не полез? - спросила Ольга Андрея.

- А у меня мозгов нет, - ответил он ей.

- А ты чего полез? - спросила она Владика.

- И у меня мозгов нет.

- Это не правда. У кого-то из вас мозги есть и мозги очень хорошие.

- Нет у нас мозгов, - весело сказал Владик.

- Были бы у тебя мозги, - не полез бы в ванну, - согласилась с ним мать Ванечки.

- И у меня мозгов нет, - сказал Андрейка.

- А вот ты самый старший из них, сам не полез, маленьких заставил. Вот почему мозги у тебя есть, но мозги у тебя не правильные - очень хитрые.

- Ванна что, - сказала бабушка Владика, - на той неделе Андрейка уронил в колодец мяч и заставил Владика его доставать. И что вы думаете - полез. Еле я его успела за ногу схватить. - Сказав эти слова, выпроводила она Андрейку за калитку. А Ванечка с Владиком, как примерные мальчики, принялись играть.

Что под ковриком?

Ванечка играл с Владиком в песочнице. Они сидели на резиновых ковриках и приговаривали: «Тыщ, тыщ! - убит». Они играли в войну.

- А давай посмотрим, что находится под моим ковриком? - вдруг предложил Ваня, когда все его алюминиевые солдаты оказались убиты.

- Давай, - согласился Владик.

Ваня приподнял резиновый коврик. Под ним росла редкая белесая травка, прятался черный жук с глянцево-спинкой и рыжая сороконожка. Яркие солнечные лучи потревожили жука, и он побежал на коротких быстрых лапках в тень. Ваня тут же опустил коврик и накрыл им жука и сороконожку.

- Давай теперь посмотрим, кто живет под твоим ковриком, - сказал Ваня. Владик тут же отодвинул коврик - и мальчики увидели с дюжину дождевых червей. Потревоженные черви зашевелились и поползли по своим подземным ходам. Владик быстренько опустил свой коврик на место.

И тогда Ванечка приподнял свой коврик и стал смотреть на жука и сороконожку. Сороконожка полезла в нору и спряталась, а жук выбрался на зеленую траву и быстро побежал в ней. Травка, наверно, казалась ему лесом.

Владик не удержался и тоже заглянул под коврик. И последний дождевой червь спрятался в норке. Под ковриками осталась одна бледная травка.

- Ничего, - весело сказал Ваня. - Зато теперь мы знаем, что спрятано под ковриками.

- Ничего не спрятано. Под ковриками пусто, - грустно сказал Владик.

- А давай больше не будем поднимать коврики, чтобы жук, сороконожка и дождевые черви вновь возвратились под них.

- Давай, - обрадовался Владик.

А вечером, когда из города приехала мама Ванечки, он ей бойко рассказал, кто живет под ковриками.

Школа «Каратэ»

Ваня пел песенку про солдат. Пел себе под нос, и тетя Тамара никак не могла разобрать, что он такое поет. Тогда она начала ему подыгрывать на игрушечной гитаре, и Ваня отчетливо пропел свою песенку: «Мои солдаты в бой идут. Пых, пых, пых!»

- Ды, ды, ды! - приговаривала тетя Тамара, стреляя из игрушечного автомата. Приговаривала так потому, что Ваня плохо выговаривал звук «Д». Он его зажимал в гортани и у него вырывалось короткое «Д» вместо свободного и звучного «Дэ». Оттого тетя занялась с ним школой карате. Она брала за хвост громадного плюшевого тигра, а Ваня, сделав широкий шаг к ней на встречу, поднимал правую ногу и легонько ударял ею тигра и приговаривал вместе с тетей: «Каратэ!».

Это было не только спортивное упражнение, но и хорошая тренировка речи.

А потом тетя Тамара брала Ваню за ноги, и он на руках шел от своей кровати к окну. Затем шел на руках назад и делал это упражнение с удовольствием.

И заканчивалась школа карате взмахами рук - Ваня должен был левой и правой руками, сжатыми в твердые кулачки, попасть в широкие теплые ладони тети. Он делал это ловко, приговаривая вместе с нею: «Тейквандо». И звук «До» у него получался звонким и свободным.

Концерт

Ваня, как проснется, в одной маечке бежит по дому и будит всех. Дом наполняется топотом, его звонкими криками и мяуканьем - это кошки разбегаются в разные стороны от его крепких объятий.

Ваня одевается сам. Завтракает. А затем принимается играть. Он - великий организатор - поэтому в его игры вовлечены все. И бабушка, и тетя Тамара.

- Давайте играть в концерт, - говорит Ваня. - Пойте. - Сам он забирается по винтовой лестнице на пятую ступеньку и устраивается поудобнее слушать.

- Жили у бабуся два веселых гуся, - запела Тамара.

- Мама ё кару! - спел дедушка. Наступила очередь петь Ване.

- А на рассвете вперед уходит рота солдат, уходит, чтоб победить и чтобы не умирать. Товарищ старший сержант, он верит в души солдат, - спел мальчик.

Тетя Тамара спела песню о травах: «Травы, травы, травы не успели...»

Дедушка спел песню о священной войне.

Подошла очередь петь Ване. Он встал возле двери и запел:

- «А на рассвете вперед уходит рота солдат...»

- Ваня, спой песенку про гусей, - попросила Тамара.

- Я не помню этой песенки, - отмахнулся Ваня.

- Давай вместе петь и ты вспомнишь.

- Нет, я буду только эту песенку петь! - настойчиво сказал Ваня. Когда он так говорит, с ним лучше не спорить, а то польются слезы.

Концерт продолжался. Дедушка спел песенку про звено такое дружное. Оно на свете не одно. Он не только пел, но и вспоминал свое счастливое детство. Тамара спела песенку про журавля.

Но вот вышел на импровизированную сцену Ваня и запел «А на рассвете вперед...»

- Ну что это такое, Ваня. Это никуда не годится, - расстроилась Тамара. Но как она ни старалась изменить репертуар Ванечки, у нее ничего не получалось. Мальчик упорно стоял на своем.

Но вот приехала Оля - мама Ванечки, и мальчик на радостях запел с Тамарой: «Жили у бабуси два веселых гуся, один серый, другой белый, два веселых гуся...»

Надо было видеть лицо мальчика. Оно утратило суровость и обрело детскую непосредственность.

А как обрадовалась этой маленькой победе тетя Тамара. Она кланялась вместе с Ванечкой - так гуси кланялись бабусе, и смотреть на них было радостно и легко.

Розовая коза

Ваня раскрашивал льва в книжке-раскраске желтым цветом. Спинку льва он почему-то раскрасил синим цветом. А когда смешал желтую краску с синей, у него получился зеленый. Тут уж он начал экспериментировать. И когда бабушка подошла к нему, царь зверей был раскрашен желтым, синим, зеленым и малиновым цветами.

- Что же ты так покрасил льва? - удивилась бабушка. Лев же желтый. Он, наверно, говорит тебе: «Я - царь зверей. А ты нарисовал меня похожим на павлина».

- Бабушка, я случайно соединил желтую краску с синей и у меня получился зеленый.

- Совсем, как в песенке.

- Какой песенке?

- Ну, я ее забыла. Помню только, что песенка про козу, - сказала бабушка, и тут ее начали по радио исполнять: «Сделать хотел грозу, а получил козу, розовую козу с желтой полосой...»

- Вместо хвоста нога, - подхватила бабушка, - а на ноге рога. Нет, не хотел бы я встретиться с той козой».

Ванечке песенка так понравилась, что он много раз просил бабушку спеть ее. И каждый раз смеялся над розовой козой с желтой полосой.

Опять нет бабушки

Ване купили новую игру - баскетбол. По этому поводу Люда позвонила Вале, чтобы первой сообщить ей эту новость.

- Вам теперь придется целыми днями играть с Ваней в баскетбол, - весело сказала она.

- Я к этому привычна, - рассмеялась Валя, - буду стирать и готовить, играть с Ваней в войну, рисовать, гулять, изображать из себя паровозик, читать ему книжки и играть в баскетбол.

А вечером Ваня приехал на дачу из Сестрорецка и начал ходить по комнатам.

- О, ё моё! Опять бабушки нигде нет, как всегда! - обиженно заявил он своим родителям.

- Она, наверно, около елки стирает, - сказала Ольга.

- Вот бабушка-то обрадуется, - просиял Ваня, разворачивая свою новую игру. Он побежал вокруг дома к старой высокой ели, возле которой бабушка Валя полоскала белье.

- Бабушка, ты больше не будешь стирать и готовить, - радостно произнес мальчик. - Мы будем теперь целыми днями играть в баскетбол!

Блестящая грязь

День выдался теплый. Это когда еще в апреле стояла такая дивная погода, чтобы в четыре часа дня на небе под ослепительными лучами солнца висела бледная луна. Ванечка увидел это чудо, гуляя с бабушкой по детской площадке. Никогда ранее он не видел луну и солнце на небе одновременно, тем более в апреле. Поэтому остаток дня он был задумчив и молчалив. А собираясь в Сестрорецк, выдал неожиданно прелюбопытную фразу, достойную этого необыкновенного дня.

Он стоял на полу, запачканном гуталином...

- Мама, я стою на грязи, которая блестит на моих ботинках! - удивленно воскликнул мальчик.

Чего не знала мама

Стоял чудесный апрельский день. За окном светило высокое солнце. Оно проникало своими золотистыми лучами в комнату и ласково падало на играющего Ваню.

Мальчик играл в карты сам с собою и поглядывал на мать, которая мыла пол тряпкой.

- Мама, у меня четырнадцать хороших карт, - похвастался он.

- Хорошо, сынок, - весело ответила Оля, выжимая мокрую тряпку. А потом Ваня отложил карты в сторону. Взял небольшую тряпку на кухне, сполоснул ее в ведре и принялся мыть пол.

- Какой ты у меня молодец, - обрадовалась Ольга.

- А ты и не знала?

- Чего я не знала?

- Что у тебя такой сыночек растет!

«Собака»

Оля учила Ваню читать. Начала с простого - со слова «рама».

- Р - А, РА; М - А, МА. РАМА.

Мальчик очень быстро научился читать это слово. Но когда Оля предложила сыну прочесть слово «луна» - начались чудеса.

- Л - У, ЛУ; Н - А, НА - что получается?

- РАМА.

- Ну какая рама, когда не рама, а луна. Давай думай, сынок.

- Л - У, ЛУ; Н - А, НА. РАМА.
 - Какая рама, когда это - луна.
 - Собака! - вдруг выдал Ваня.
 - Какая еще собака? - опешила Оля.
 - Л - У, ЛУ; Н - А, НА. Получается «СОБАКА»?
 - Ты что, издеваешься надо мной? - рассердилась
 Ванина мама. Но мальчик вовсе не издевался над ней -
 просто он совсем не умел читать! Но избежать наказа-
 ния ему не удалось:
 - Пока не научишься читать это слово, не будешь
 смотреть мультики, - строго сказала ему мама. Вот так
 Ванечка на целый день был отлучен от мультиков.
 Он сидел за письменным столом и никак не мог по-
 нять, от чего у него из такого простого слова выскаки-
 вало и выскакивало слово «СОБАКА».

Сбереженное счастье

Дедушка отправился с Ваней погулять. Они вошли на
 территорию детского садика, где стояла чудесная снежная
 крепость. Ее построили два мальчика. Они учились уже в
 четвертом классе и гуляли совершенно самостоятельно.

Ваня с любопытством наблюдал за ними. А потом
 сам начал лепить снежную крепость. Дедушка помогал
 внуку делать большие комья из снега; ставил их друг на
 друга - крепость получилась неказистая и неровная. Не
 то что у играющих мальчишек.

Но вот мальчики наигрались и решили идти домой.
 И тогда один из них взобрался на стену крепости - на-
 столько она была прочная.

- Давай оставим ее так, Макс, - воскликнул второй
 мальчик. - Пусть другие играют.

- Все равно ее разрушат, - возразил Максим и, под-
 прыгнув, развалил снежный бастион.

- И то верно, - согласился с ним его приятель и тоже
 принялся валить крепость.

Дедушка мог бы упросить ребят не разрушать ее,
 чтобы поиграть в крепости с внуком. Но он не хотел
 искусственно влиять на ситуацию. А Ваня глядел, как
 валят крепость, с удовольствием.

А тут к мальчишкам подошла длинноногая девочка.
 Возможно, она даже училась с ними в одном классе.

- Я сейчас вам помогу, - сказала она и начала снару-
 жи валить стены крепости. Крепость рушилась на гла-
 зах под ее мощными ударами. И когда мальчики ушли,
 она все еще разрушала стены.

- Видно, придется нам свою крепость достраивать, -
 сказал дедушка.

Когда девочка убежала домой, дедушка перенес из руин
 несколько снежных комьев в новую крепость, которую он
 строил вместе с Ваней. Он проделал в стене бойницы и,
 просунув в них палки, воскликнул: «Гра-та-та». И Ваня
 тут же оставил порушенные бастионы, схоронился за сво-
 ей крепостью и принялся стрелять из ее укрытия.

Наигравшись, он вместе с дедушкой ушел домой. Но,
 в отличие от тех вихрастых мальчишек и длинноногой
 девчонки, он своей крепости не разрушил. И дома толь-
 ко и было разговоров об этой крепости, превратившейся
 на целых два дня в его сбереженное счастье.

Маленькая бабушка

Бабушка Валя решила переодеться, сняла с себя
 юбку и куртку и повесила их на спинку стула. А затем

сверху пристроила бережно шляпу, да так, чтобы она
 не помялась. После чего пошла в свою комнату за пла-
 тьем. Она слышала, как Ваня звал ее. Он ходил по ком-
 натам и нигде не находил ее. Вдруг он увидел на стуле
 бабушкину одежду и, приняв ее за живую бабушку, по-
 бежал, как ошпаренный, к своей матери. Взяв ее за руку,
 потащил в дом.

В гостиной, где на стуле лежала одежда бабушки,
 сверху накрытая шляпой, он показал рукой на нее и вос-
 кликнул:

- Это что, такая маленькая бабушка?

Подарки-невидимки

Ваня ходил на новогоднюю елку. Там он пел и пля-
 сал, за что получил приз - мягкую игрушку.

Придя домой, он первым делом позвонил тете Та-
 маре.

- Я ходил на елку! - радостно сказал он в телефон-
 ную трубку.

- Тебе там понравилось? - поинтересовалась тетя
 Тамара.

- Очень!

- А подарки тебе там дали?

- Дали. Я сейчас тебе их покажу, - сказал Ванечка.
 Некоторое время его не было слышно - должно быть он
 ходил за подарками.

- Ты видишь их? - радостно спросил он тетю Тамару.

- Как же я могу их видеть по телефону? Ты разве
 меня видишь?

- Я тебя очень хорошо вижу! - сказал Ваня, чем при-
 вел тетю Тамару в некоторое замешательство, пока она
 не поняла, в чем тут дело.

- Ты меня видишь в своем воображении. А как я могу
 видеть твои подарки, если их ни разу не видела?

- Но ты же меня видишь! - не унимался Ваня. И тете
 Тамаре нечего было ему возразить.

Жод конем

Тамара играла с Ваней в шахматы. Они сделали не-
 сколько быстрых ходов пешками и слонами. Но вот
 дошла очередь до коней. Тетя Тамара сходила конем,
 как положено, буквой «Г». Но Ванечка придумал для
 своего коня движение буквой «Г» по диагонали. Ока-
 зывается, так тоже получалась буква «Г».

- Ваня, так кони не ходят, - искренне засомневалась
 тетя Тамара.

- Ты ничего не понимаешь, - уверенно возразил Ваня.
 - Именно так они и ходят.

- Ну что же нам делать? - спросила Тамара, - папы
 нет и некому рассудить наш спор.

Она понимала, что Ваня ей никогда не уступит.
 И скорее всего их конфликт закончится слезами.
 Но тут произошло то, чего она никак от него не ожи-
 дала.

- А давай уберем коней и будем играть дальше, -
 предложил Ваня и тут же сгреб с шахматной доски
 двух белых и двух черных коней, и они продолжили
 игру.

Когда Тамара рассказала дедушке, какой Ваня на-
 шел выход из этой непростой ситуации, дедушка рас-
 смеялся и сказал: «Надо же, как мудро поступил Ва-
 нечка!».

Оказывается, давно и продуктивно многие из наших земляков работают на севере этой страны: на Шпицбергене, буровых платформах на океанском шельфе, на судах танкерного и рыболовного флота.

Норвегия, кстати, - третий в мире судовладелец, если считать не по числу судов, а по общему тоннажу флота. Впереди таких морских держав, как Германия, Великобритания и США. И это при численности населения в четыре с половиной миллиона человек!

Норвегия давно живет самодостаточно: ее реки, озера, окружающие моря богаты рыбой, горы - полезными ископаемыми. Но страна стала сказочно богатой, после того, как норвежцы открыли нефть и газ на океанском шельфе, превратившись в своем роде в «Европейские Арабские Эмираты».

И тогда обозначилась проблема: как удержать людей, живущих и работающих на Севере. Богатое коренное население Норвегии стало перебираться в южные районы государства, где климат мягче, лето дольше. Как выход - всем желающим стали предлагаться выгодные вакансии, как местным, так и приезжим. Естественно, что разнорабочие хлынули в северную Норвегию. Даже из России оказалось довольно много желающих приехать на заработки. Среди них были и такие, кто со временем обосновался в столице, и, открыв там свою фирму, по сей день успешно занимается выгодным бизнесом.

Среди звездных имен Норвегии имена великих путешественников и первооткрывателей Фритьофа Нансена, Руальда Амундсена, Тура Хейердала, писателя Кнута Гамсуна, драматурга Генрика Ибсена, композитора Эдварда Грига, художника Эдварда Мунка. В нашей стране долго замалчивали имя Гамсуна. Как же! Любимый писатель Гитлера! Впервые сборник Нобелевского лауреата Кнута Гамсуна вышел в послевоенном СССР только в 1973 году. Сейчас писатель доступен для читателей в России. А мало ли кто чьим творчеством восхищался? И из-за этого не издавать, запрещать?

Если заглянуть в прошлое, то можно понять, что взаимоотношения России и Норвегии намного глубже - они имеют более чем тысячелетнюю историю. Как всякая история, она не обошлась без правдоподобных и спекулятивных моментов.

Например, в эпоху правления Анны Иоанновны расцвела нормандская теория: дескать, славяне были совершенно дикими, и только представители более высокой (западной) цивилизации могли установить на Руси государственность. Конечно, это крайность.

Но и в советской историографии были такие же аналогии: сознательно умалялась историческая роль викингов в процессе образования древнерусского государства. Замалчивался целый ряд исторических фактов.

Эпизоды показательны. По сути, каждый раз история, факты, события искажались в тех или иных интересах.

Нам с вами интересна та субстанция, которая формировалась естественно, веками, тысячелетиями, независимо от тех или иных исторических трактовок.

Эта субстанция – язык.

Несмотря на то, что язык - это подвижное живое существо, видоизменяющееся каждый день, только он является неподдельным ключом к древним загадкам.

Королевский дворец – официальная резиденция и дом нынешнего короля Харальда. Дворец, стоящий на холме, доминирует над главной улицей города Карл Юханс гате. В качестве архитектора в 1823 году был приглашен датчанин Х.Д.Ф. фон Линстов, а первый камень был заложен в 1825 году. Странно, но дворец немного похож на наш Смольный.

Стоит у меня на полке книжка - «Суо-молайнен-венелайнен санакиря» (финско-русский словарь). Для финнов **русские** (это отражено в языке) – **венеды**. А русами они зовут... **шведов**. Как, собственно, и звали на Руси викингов тысячу лет назад. Сейчас, конечно, об этом мало кто помнит, но в языке (в частности, в финском) исторический факт отражен. Можно ли оспорить этот факт?

Ратуша – сердцевина Осло.

В 1931 году был заложен первый камень будущего здания. В годы войны строительство было прекращено, и лишь в 1950 году, когда праздновался 900-летний юбилей основания Осло Харальдом Суровым, здание было полностью готово и торжественно открыто королем Хоконом Седьмым. На фасаде здания красуется конная скульптура основателя города.

В языке народов, как в зеркале, неизбежно отражается история.

К примеру, в целом ряде европейских языков можно найти одно и то же удивительное совпадение. В английском языке: «слэйв» – славянин, «слэйв» – раб. Совершенно эти понятия и в немецком языке. Можно предположить, что древний викинг, желая видеть в славянах рабов, представлял их таковыми в Европе. Его восприятие невольно отразилось в языках народов, с которыми викинг общался. На этом факте тоже спекулировали. Строили теорию национального превосходства. И не так уж это было давно.

Что на это можно сказать? Снобизм, как и рабство, – позорны!

Вековая история многих народов так и двигалась – от порабощения до освобождения от рабства. И от освобождения до порабощения других народов.

Так было в определенной степени и с Норвегией.

После крушения могущественной империи викингов, державшей в страхе всю Европу, Норвегия на 400 лет попала в вассальную зависимость от датской короны. После окончания наполеоновских войн страны-победители наказали Данию, передав Норвегию под шведскую корону, как бы в утешение за отошедшую от Швеции к России Финляндию.

И только с 1905 года Норвегия – независимое государство, проделавшее за столетие колоссальный путь в развитии.

Сегодня, когда передо мной стоит невыполнимая задача: описать словами Норвегию, я не решаюсь сделать это. Цитируя слова писателя Юрия Нагибина, я доверяю сделать это фотообъективу и кисти художника: «Когда Господь Творил эту землю, то наверняка был в состоянии душевного подъема. Потому что только в состоянии душевного подъема можно Создать такую красоту».

...Сегодня все зеркала
изнанкой дразнят
ты словно всю ночь ждала
рассветной казни

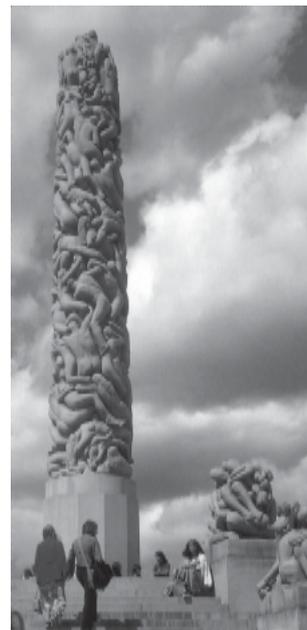
и вот она - в полный рост
влюбленно-пьяно
бросает на серый холст
твои изъяны

и пишет, и пишет их
акрилом едким
ты знаешь, последний штрих
он самый меткий...

[http://subscribe.ru/catalog/
lit.poetry.kravicina](http://subscribe.ru/catalog/lit.poetry.kravicina)

Эту картину ее автор Леонид Л. Смирнов посвятил 70-летию Короля Норвегии Харальда Пятого. Может быть, это удивительно, ведь он – россиянин, родившийся в Санкт-Петербурге и всю свою жизнь проживший в России. А почему бы и нет? Порыв вдохновения, своеобразный мотив для написания этой картины (об этом сказано в зарисовке о поездке в Королевство Норвегия), интуитивное название «Пророчество Конунга Харальда» - и перед нами изумительное творение. Смотришь – будто космос вбирает тебя, чувствуется дыхание Планет, Вселенной, утонченность и ранимость Влюбленных.

А который из Харальдов на полотне – Харальд Прекрасноволосый, основатель королевства викингов, Харальд Суровый, основатель Осло, или наш современник Харальд Пятый? В искусстве всегда есть доля условности и обобщения...

Норвежцы гордятся Парком скульптур Густава Вигеланна и его музеем во Фрогнер-парке в Осло. В 1924 году отцы города в дар 55-летнему художнику торжественно передали эти 32 га, на которых горделиво застыли 192 скульптурные группы из 650 фигур, высеченные твердой рукой мастера.

Большой олимпийский трамплин в Холменколлене украшает статуя короля Улафа Пятого. В возрасте 19-ти лет король стал чемпионом по прыжкам с трамплина среди юниоров. Норвежцы – очень спортивная нация. Мне довелось видеть, как один из норвежских бегунов тренируется. Следом за ним бежит собачка. Собачка уже язык высунула, уже еле лапы волочет, а норвежец – бежит, бежит.

Это легенда, мой мальчик. Древняя легенда... Истоки её помнят только вековые деревья, что растут у верховьев Великой реки Чи...

Прекрасное было когда-то королевство Арола. Цветла земля и приносила плоды. Добрые люди творили добрые дела, а злых людей не было в этой стране. Прекрасная фея Релина помогала волшебством и советом каждому, чьё сердце было горячо, а помыслы были чисты.

Так шепчут деревья...

И жил в Ароле маг, чьё имя ныне проклято забвением и не называется здесь. Делал он Ароле добро, но силою, ибо был горд, горяч, молод и честолюбив. Более всего желал он двух вещей: благодарности и Релины.

Так говорит река Чи...

Но если первое получал он сполна, то во втором было отказано ему, и не было покоя сердцу его. Тиетно искал он любви прекрасной феи, желая быть лучше всех и сильнее всех, и гордость его кипела в нём.

Так помнят скалистые горы...

Боль и горе сломали его, горечь и гордость жгли его горячее чистое сердце.

И взял Неназываемый посох странствий и ушёл в страну Ор, что в самом сердце Великой Горы Рум, на чьей груди спит Небо... И стал искать магический камень Хут, что даёт силу великую, добрым людям добрую, а злым людям – злую. Людям же слабым, подлым и низким ничего не даст камень Хут, ибо вся сила его – в воле человека.

Об этом поют ветры...

И повстречал он в дороге трёх людей: монаха, торговца и нищего, которые несли заветный камень, дрались и ругались, пытаясь разделить его меж собою. И выторговал Неназываемый магический камень Хут у трёх презренных людей, отдав им в уплату за камень сердце своё вместе с болью сердечной.

С жутким смехом вставил он камень в тело своё и стал велик, тяжёл, силен, жесток и бездыханен... Каменным извергом вернулся в Аролу Неназываемый. И, руша всё, стал искать Релины, но камень – не сердце и долго в груди быть не может. Нашёл Неназываемый Релину в волшебном гроте, где берёт начало Великая река Чи, и хотел взять её. Да выгал Хут из груди его, и окаменел он, навеки закрыв грот собою...

Пропала Релина. Обмелела Великая река Чи, и горьки теперь воды её. Сухой и безжизненной стала земля Аролы. Ветер и песок убивают души. Но люди верят, что, быть может, найдётся герой, который спасёт их землю от спящего духа...

Про презренных же сказано здесь, что разбили они сердце Неназываемого на три части, да так и не поделили меж собою, а продали, и где теперь оно – неизвестно...

Специально для конкурса «Заветная мечта»

Рисунки О.Орфинской

тексты с подтекстом

Александр Мадисон

СЕРДЦЕ СПЯЩЕГО ДУХА

*Наступит вечер Света, воспрянет утро Тьмы.
Погибнут Великие, а Малые порабощены.
Встанет на Путь гонимая, лишённая всего.
Возьмёт своё у Времени и не отдаст своего.
Данное ей право и жизнь передаст Ему.
Примет Свет сердцем и осияет Тьму.*

(Древнее пророчество...)

Книга первая

Пролог

Рене Чиару с трудом разлепил глаза. Яркое холодное солнце врывалось в помещение сквозь маленькое круглое окно, разрезая сырой осенний воздух косыми лучами. Это утро, как и все остальные, не предвещало ничего хорошего. Рене потрогал сыняк и поморщился. Левый глаз совсем запыл. Ссадины на лбу и щеке неприятно саднили. Так глупо попасться!

Уже больше месяца Храп со своими друзьями охотились за ним по всему приюту, но до вчерашнего вечера Рене удавалось скрываться. Если он и выходил из своего убежища, то старался не отходить от воспитательницы, в столовую всегда приходил одним из первых и сбегал, едва только Храп с друзьями появлялся на горизонте. Он правильно рассчитывал, что вечно голодные Храповы прихвостни не будут гоняться за ним, рискуя пропустить скудную трапезу.

Заказ книги: almad@yandex.ru

Александр Евгеньевич Мадисон

Родился 8 января 1963 года в Санкт-Петербурге. В 1986 году окончил Ленинградский Электротехнический институт (ЛЭТИ) и получил специальность акустика и ультразвукового техника.

Занимался созданием аппаратуры категории Hi-Fi. Великолепно выучил компьютер. Окончил около десятка курсов по аппаратной и программной части. Занимался компьютерным моделированием.

Последние несколько лет работает в школе учителем физики.

Живет мирно, никого, кроме своих учеников, не трогает.

Полностью роман опубликован в интернете: http://zhurnal.lib.ru/m/madison_a_e/

Позавчера ему здорово повезло. Он заработал десять монет за «переход». Но именно поэтому вчера ему не удалось позавтракать. Когда он вернулся в приют, уже стемнело. Усталый и голодный, Рене подгадал как раз к ужину и сразу же набросился на тарелку с постной гороховой кашей. Он успел съесть только пару ложек, когда воспитательница подошла к нему сзади и сурово развернула его к себе.

- Рене Чиару, немедленно вымойтесь! Вы грязны так, что похожи на трубочиста.

- Да, мама, – это было просто издевательство со стороны взрослых заставлять воспитанников называть себя мамами и папами. Хотя, для Рене это слово в общем-то ничего особенного не означало. Как, впрочем, и для большинства мальчишек из приюта, – Я сейчас вымоюсь и вернусь.

Конечно, будешь тут похож на трубочиста, если ползать по дымоходу. Но оправдываться было бесполезно. Да и опасно. Поэтому Рене тяжело вздохнул, медленно сполз со стула и поплёлся в туалетную комнату. Непростительная глупость! Можно было вымыться и позже. Если бы ему и удалось вернуться в столовую, его порция всё равно была бы съедена, а последнюю добавку в приюте выдали задолго до того, как в нём появился первый воспитанник...

Вода была ужасно холодной. Дешёвое мыло почему-то пахло мышами и щипало глаза. Рене долго не мог смыть его, а когда поднял голову, то увидел их. Всех пятерых. Они стояли полукругом и глупо скалились...

Его спас переросток Дик Мартон. Крупный парень, на вид – лет восемнадцати. Маленькие, глубоко посаженные глаза смотрелись на большом плоском прыщавом лице, как изюм на булке. Низкий покатый лоб венчали тёмные прямые и вечно грязные волосы, торчащие во все стороны взъерошенными перьями. Они придавали ему вид мрачный, опасный и чрезвычайно глупый.

По возрасту он уже не мог считаться воспитанником и был настолько туп, что, будучи выброшенным из приюта по достижении шестнадцати лет, проболтался где-то в Большом Мире около двух месяцев и вернулся обратно. Такой же угрюмый и молчаливый. Чем он занимался всё время – неизвестно, сам он ничего не рассказывал, а спрашивать было бесполезно. Поперёк его прыщавой физиономии красовался свежий тёмно-красный шрам, нос был сломан, а на левой руке недоставало пальца. Приютское начальство посоветалось и назначило его старостой.

Для малышей это было, пожалуй, даже неплохо. Дик никогда никого не задирал. Ему и в голову не приходило, что это можно было делать. Но зато и объяснить что-либо словами Мартон не мог. Единственным аргументом, и аргументом весомым, в любом разговоре у него были кулаки. Поэтому, если Дик было что-то нужно, он никогда не спрашивал, а просто подходил к своему собеседнику и тут же пускал их в ход. Рене не помнил, чтобы Дик когда-нибудь вообще сказал хоть слово.

Вместе с должностью старосты он получил новую приютскую униформу, из которой вырос за несколько месяцев. Не прошло и полгода, как она начала трещать по всем швам при каждом повороте его нескладного туловища. Дик пытался, было, приспособить её к своим безмерно растущим телесам, но вскоре плюнул на это, и ходил как есть, просто срезав все пуговицы.

Храпу Мартон сразу чем-то не приглянулся, и он в первый же день прошёлся по поводу новой Диковой

физиономии. Дик медленно подошёл к Храпу, для вежливости шмыгнул носом, и оставшимися четырьмя пальцами левой руки сжал ему шею. Лицо Храпа мгновенно стало синим. Полюбовавшись на выпученные глаза обидчика, Дик, также молча, отбросил его в сторону и, не говоря ни слова, вышел. Храп рухнул как сложенная кукла. Прямо на Рене. С тех пор Рене Чиару не стало от Храпа житья.

Заслышав шаги Мартона, шайка бросила Рене в ближайшую кабинку и быстро закрыла дверь. Кол тут же прислонился к ней снаружи на тот случай, если Рене постарается выбраться. Компания быстро организовала шумную перепалку, чтобы заглушить Рене, вздумай тот кричать.

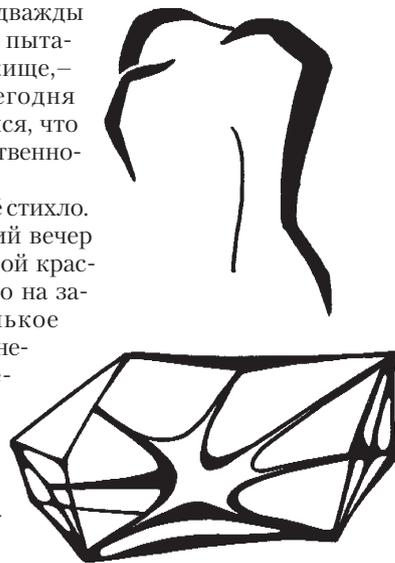
Дик вошёл, равнодушно оглядел следы крови на полу, подошёл к раковине и стал спокойно мыть руки.

Рене немного пришёл в себя и попытался протиснуться под перегородкой. Ему это не сразу удалось, но, в конце концов, он оказался в соседней – крайней кабинке. Чуть-чуть приоткрыв дверь, он стал выжидать. Когда Мартон привёл себя в порядок и, выходя, оказался между Рене и его обидчиками, Рене рванул со всех ног.

Быстро бежать он не мог, но и Мартон никогда не спешил, и это спасло Рене. Пока шайка пыталась его обойти, предельно аккуратно, – все помнили, как Дик расправился с Храпом, – Рене уже был на лестнице, ведущей к спасительному убежищу. Добежав до третьего этажа, Рене быстро забежал за статую, стоящую в стеной нише около библиотеки, нырнул в крохотную дверь и оказался в подсобке. Там он взобрался по приставной лестнице и пролез в люк, ведущий на чердак, а затем прошмыгнул в небольшую боковую кладовку, расположенную между чердачным помещением и высокой двускатной крышей. Заскочив в кладовку, Рене подпрыгнул, уцепился за стропила и, обдирая лоб и спину о торчащие из досок гвозди, пролез в узкое подкрышное пространство, расположенное ещё выше, над чердаком. Теперь он был в безопасности.

Его искали долго, грохотали чем-то внизу, несколько раз заглядывали в кладовку, но так и не догадались, что Рене находится прямо над ними. Мальчик лежал, ни жив, ни мёртв, пытаясь успокоиться. Он не особо боялся, что его здесь найдут. Храп и раньше знал, что Рене скрывается где-то на чердаке. Компания дважды устраивала облаву, пытаясь найти его убежище, – безуспешно. Но сегодня Рене всерьёз опасался, что его выдаст стук собственно его сердца.

Мало-помалу всё стихло. Прохладный осенний вечер лениво догорал сырой красноватой зарёй где-то на западе. Через маленькое круглое окошко виднелись далёкие-далёкие горы и лес, сиреневый на фоне быстро темнеющего неба. Было холодно. Свернувшись клубком, Рене уснул.

Родителей своих Рене не знал. Раньше, давным-давно, ему, правда, снился сон, как большая красивая женщина берёт его на руки и называет ласково Чиару. Во сне она говорила ему:

- Я назвала тебя Чиару, как просил твой отец. Ты уже такой большой, жаль, что он так и не увидел тебя. Скоро три года, как он ушёл. А ещё потому, что «Ар» на древнем языке значит не только «пламенный дух», но и «добрый огонь». Будь достоин своего имени и всегда помни, кто ты.

Но вся беда была как раз в том, что именно этого-то Рене и не помнил. Его первые воспоминания застали его уже в приюте и воспоминания эти не были такими радостными, как этот прекрасный сон. Со временем красивая женщина стала сниться всё реже, пока не превратилась в смутное видение где-то в самых глубоких закоулках памяти.

Осеннее утро

Приют располагался в огромном полуразрушенном замке, стоявшем на берегу высокого обрыва. Южные ворота замка, сорванные с петель и валявшиеся тут же, выводили на огромную городскую площадь, когда-то величественную и красивую. В центре площади выселись остатки какого-то древнего сооружения, не то монумента, не то фонтана циклопических размеров.

Снаружи, за внешней стеной замка, от разрушенных ворот, начинались четыре ряда высоченных белых колонн, которые полукругом огибали площадь справа и слева. Левая часть колоннады была разрушена достаточно сильно. Многие колонны торчали из земли вспалёнными обломанными зубами. Но правая колоннада была целой. Кое-где остались даже элементы перекрытий, а четыре самых дальних ряда колонн венчали каменные ноги, такие гигантские, что у Рене всегда захватывало дух, когда он думал о размерах статуи, которая там когда-то стояла.

Замковые ворота вели в небольшой внутренний дворик, который оканчивался центральным входом, и сегодня нёсшим на себе печать бывшего великолепия. За входом начиналась широкая внутренняя лестница, расходящаяся полукругом. Лестница, словно древний амфитеатр, поднималась на высоту, от которой кружилась голова, и... обрывалась где-то далеко внизу грудой обломков. Замок был разрушен. Осталась только небольшая трёхэтажная пристройка, правый флигель, в котором теперь и располагался Сарский приют.

В Сарском приюте выживал сильнейший. Причём всегда – за счёт самых младших и самых слабых. Поэтому Рене частенько приходилось сносить придирки и издевательства более взрослых воспитанников. Выживали не все. Воспитателей это, по-видимому, устраивало. Во всяком случае, на это никто никогда не обращал внимания. А когда что-нибудь было нужно сделать по приюту, то обычно отлавливали того, кто первым попадался под руку. И тогда уж на него взваливали всю работу, которую удавалось припомнить. Поэтому сразу после завтрака все воспитанники старались мгновенно убраться с глаз долой, и приют целый день, до ужина, казался мёртвым и необитаемым.

Изредка приезжало приютское начальство. Побродив по холодным гулким коридорам, оно убеждалось, что приют пуст и сваливало в его стены ещё десяток-другой грязных и одичавших пацанов. На прошлой не-

деле во дворе приюта выгрузили шестерых, из которых теперь остались двое, а вчера привезли ещё двенадцать. Одиннадцать тут же, после ужина, сбежали, но сегодня четверо уже вернулись. Охраны у приюта не было. Бежать было некуда. Вокруг – брошенный город, Сар, бывшая столица.

Уже много лет сюда высылали разного рода сброд. Это было как приговор. У попавшего сюда было два пути: стать зверем или умереть. Правда, среди поселенцев попадались и такие, которые остались в Саре добровольно. Сначала было много искателей золота. Всё-таки Сар был столицей. Мародёры довольно ловко и споро разрушили и разграбили всё, что можно было разрушить или разграбить. Восточная дорога превратилась в широкий тракт, по которому днём и ночью текли караваны. Кровь лилась рекой. Про те времена даже ходила поговорка, что в Саре утром можно быть нищим, днём – богатым, а вечером – мёртвым.

Потом появились мелкие ремесленники, в основном кузнецы-оружейники. И действительно, в развалинах города осталось немало металла, причём металла высшего качества. Прошло совсем немного времени, и Сар снова стал славиться своим оружием. Но немногие, кто рискнул за ним сунуться сюда, живыми вернулись в Большой мир. А Сарское оружие стало в Большом Мире орудием воров и убийц, тёмным оружием ужаса и ночи...

Появлялись ещё изредка какие-то люди, искавшие забытое знание, древние книги, рукописи, чертежи. Сарский приют притягивал их, как магнитом. Именно здесь осталась последняя крупная библиотека бывшей империи. По счастливому стечению обстоятельств библиотека почти не пострадала от пожаров и разрушений. Приют в основном и существовал за счёт неё. Больших денег стоило пришлым людям заглянуть в приютские книги. Но приходили они нечасто. Многие гибли тёмными ночами на опасных Сарских дорогах. Эти люди плохо умели себя защищать, поэтому воспитанники приюта в поисках заработка поджидали их на дальних подступах к Столице. Младшие – чтобы проводить. Старшие – чтобы ограбить.

Рене приподнялся на руках и пополз вперед. Он полз очень медленно и старался не шуметь. Мальчик понимал, что, хотя и вряд ли, но преследователи ещё могут сторожить его. Кроме того, Рене могла выдать труха, просыпавшаяся из щелей в потолке. Рене замер и прислушался. Стояла полная тишина. Только за окном шумел ветер, срывая с деревьев последние осенние листья. Рене прополз ещё несколько метров и взглянул через щель в полу. Это был его секретный наблюдательный пункт. Через эту щель можно было посмотреть в старое зеркало, стоящее на чердаке. Когда-то, давным-давно, Рене сам перетащил его сюда и установил в углу среди прочего хлама, валявшегося здесь. В этом зеркале, мутном от грязи и времени, окованном в широкую раму из черного дерева, отражался весь чердак. Внимательно осмотрев помещение и никого не обнаружив, Рене спустился и подошёл к зеркалу.

Из стекла на него смотрел худой невысокий мальчишка на вид тринадцати – четырнадцати лет с тонкими длинными руками и копной черных растрёпанных волос. Синие форменные брюки были немного великоваты, куртка была порвана в двух местах, а на рубашке были видны коричневые пятна застывшей крови. Под левым глазом красовался лиловый синяк. Распухший нос и не-

сколько довольно крупных царапин на лбу и щеках были не в счёт. Рене глубоко вздохнул и судорожно дёрнулся, почувствовав резкую боль в правом боку.

Старик

Итак, он был жив. Учитывая вчерашнее, это было совсем неплохо. Кроме того, в этой непростой заварушке он практически не получил серьёзных повреждений. Если не считать, вероятно, сломанного ребра. Сняв куртку и задрав рубашку, он ощупал свой правый бок. Крупный багровый кровоподтёк причинял сильную боль, но все кости вроде были на месте. Что ж, по приотским меркам это тоже не так уж и мало. Решив, что произошедшее вчера можно считать чистым везением, Рене отошёл от зеркала. Он сел на кучу тряпок, валявшихся в углу, и стал размышлять:

«Почему Храп так долго преследует меня?» – думал он. – «Ведь бывало много раз, когда банда старших приотсняла кого-нибудь. Однако никогда это не длилось так долго... И никогда – так жестоко»...

Рене действительно помнил пару случаев такого преследования. В одном случае всё решилось как-то само собой примерно через неделю, а во втором – это было месяца три назад, – пришлось откупаться. Адан тогда отдал Колу десять монет, стандартная такса за «переход». Рене помнил этот «переход». Тогда, чтобы спасти Адана, он открыл ему свой старый путь из замка, через бывшие конюшни. Адан исчез на неделю, четверо суток сидел на Восточной дороге и привёл-таки какого-то книгочея. Богатый такой, старый, но не дряхлый. Чувствовалась в нём какая-то сила. Порода, что ли. Мальшня его монахом прозвала, боялась очень. Тот две недели провёл в библиотеке, всё камень какой-то искал, а потом пропал вдруг.

Это, кстати, было странно. Рене ещё тогда показался очень подозрительным это исчезновение. Уйти сам он не мог, для пришлых это было просто самоубийством. По неписаному правилу проводников вывести книгочея из города должен был тот, кто его привёл. По самым скромным подсчётам, туда и обратно, – это дня два пути. А Адан ведь не исчезал! На это не обратили внимания потому, что обычно никто не знает, кто кого приводит. Это всегда главное условие «перехода». Да и небезопасно в Саре рассказывать всем, что у тебя есть десять монет. Но Рене-то знал. Знал точно. Наверняка.

Кроме того, старик этот собирался провести в Саре ещё месяца два-три. Это Рене тоже знал наверняка. Рене – единственный из воспитанников, а может и среди воспитателей, разбирает грамоту. Не то, чтобы он умел читать, нет. Но два-три слова с трудом разобрать мог. Поэтому приотское начальство всегда поручало ему искать и носить книги для пришлых, когда те работали в библиотеке. Это была единственная работа, от которой Рене не прятался. Много раз, прикасаясь к какому-нибудь древнему фолианту, он испытывал неудержимый трепет, ни с чем не сравнимое чувство общности и возбуждения. Ему нравилось, сопя и морщась, по буквам разбирать названия книг. Он радовался, когда ему удавалось отгадать слово ещё до того, как он прочёл его до конца, и совершенно искренне сердился, когда все его попытки оказывались тщетны. Рене не знал, что в библиотеке есть книги, написанные на разных языках. Да и само понятие «разные языки» было ему незнакомо.

Те две недели Рене безвылазно провёл в библиотеке, помогая пришлому колдуну. Они довольно быстро сблизились, старик даже часто помогал Рене прочесть трудное или незнакомое слово. Где-то на десятый день, Рене с удивлением обнаружил, что стал разбирать названия книг значительно легче. Это открытие так захватило его, что он даже открыл одну из книг старика – огромный старинный фолиант с обложкой из тёмного дерева, обшитого мягкой кожей с двумя широкими кожаными застёжками, – и начал читать её вслух. Старик возник сзади мгновенно, словно ниоткуда, и положил худую узловатую ладонь на текст. Рене оглянулся и вздрогнул. Что-то в глазах старика заставило Рене оцепенеть.

– Никогда, слышишь, никогда не читай вслух такие книги. Только тогда, когда ты будешь точно знать, что хочешь и что получишь, и только тогда, когда научишься читать. И ещё. Знаешь, что... – старик, казалось, успокоился и как-то сразу осунулся и постарел. Медленно, словно взвешивая каждое слово, он проронил, – Приглядывай-ка ты за этой книгой. Больших бед можно наделать с её помощью.

После этого случая старик зла на Рене не держал, но теперь всегда следил за тем, чтобы тот не открывал книги. Особенно ту, с деревянной обложкой. После того, как старик заканчивал работать в библиотеке, он иногда рассказывал что-нибудь Рене. Чаще всего это были истории из давнего прошлого, про великую страну и славный народ, который жил в радости и достатке, трудился и радовался жизни. А в суровое время с оружием в руках и древней магией в сердце защищал себя от набегов завоевателей. Рене, как губка, впитывал эти истории, иногда даже забывая дышать. Кончалось это всегда одинаково. Рене, почувствовав нехватку воздуха, судорожно вздыхал и начинал кашлять, а старик широко улыбался и стучал его по спине...

В одной из таких бесед, узнав случайно, что Рене зовут Чиару, старик вдруг весело рассмеялся. А за день до исчезновения подозвал его к себе. Долго, очень долго расспрашивал о том, что Рене помнит о своём детстве, о родителях. А потом, услышав его рассказ о красивой женщине, сразу вдруг стал серьёзным, суровым даже. Резко взяв Рене за плечо, он повернул его к свету и долго всматривался в лицо. Затем пробормотал что-то и сказал:

– Это всё надо проверить. Это придётся проверять очень и очень тщательно. Придётся задержаться. Может быть, всё ещё удастся... Но сначала – камень.

Затем резко развернулся и, не попрощавшись, вышел.

Негодные сборы

Рене поёрзал на своём месте и устроился удобнее:

«Стоп! Храп – негодяй порядочный, но не будет он кого ни попадя преследовать. У него свои дела, хоть я их и не знаю. Обычно они поколотят кого-нибудь из малышей просто так, для развлечения, и забудут, а не забудут, так сразу деньги требуют. Храп же о деньгах – ни слова. Значит, я ему чем-то насолил. Серьёзно насолил. Но чем и когда?» – продолжал рассуждать Рене. Он так задумался, что очнулся только тогда, когда его окликнули сзади.

– Привет. Вот ты где! Я принёс тебе поесть. – Рене вздрогнул и мгновенно развернулся. Резкая боль в боку, о которой он уже успел позабыть, мгновенно отозвалась во всём теле. Поэтому вместо приветствия у Рене полу-

чилося какое-то шипение. Голова Адана торчала из люка в полу. Ещё через мгновение тот влез на чердак целиком. – Ты сегодня опять пропустил завтрак. Так ты долго не протянешь. На, возьми, – Адан протянул Рене половину батона с куском масла внутри. Это был царский подарок. Интересно, где Адан его взял?

- Спасибо, – Рене тут же принялся уплетать хлеб.

- Сразу всё не ешь, желудок с голодухи свернёт. И ещё. Тебя ищут. Храп совсем озверел. Так что сиди пока тихо и не слезай, – Адан слегка замылся, – Ну, я пошёл.

Адан исчез в полу. А Рене опять задумался. И чем больше он думал, тем больше настаивало его поведение бывшего товарища. Что-то в нём вдруг перестало нравиться Рене. Адан значительно посвежел и окреп в последнее время. Это на приютских-то харчах? Хотя, Адан теперь частенько приводил кого-нибудь, и деньги у него вроде водились. А вот взгляд стал какой-то не такой. Злой взгляд. Нехороший. Да и поймать взгляд этот стало не так-то просто. Всё чаще отводил его в сторону Адан, словно стыдился чего-то.

«Какой-то он не такой стал после того «перехода». И с чего бы это вдруг ему вздумалось носить мне хлеб?» – Конечно, как в любой крупной мальчишеской компании, в приюте часто возникали разного рода группировки. Бывало, что и дружили, делились последним. Но хлеб был всегда на особом счету. Частенько его воровали. Изредка использовали в крупных сделках, как неразменную монету. Но чтобы отдавать хлеб даром? Разгуливать с ним по этажам? Такого отродясь в приюте не выдвали.

Рене взъелся на друга как раз после исчезновения того старого колдуна. Сначала он здорово обиделся на старика. Считал, что он его предал и бросил. А потом не выдержал и всё-таки решил спросить у Адана, куда он запропастился. Вообще-то это было против всяких правил, и тот мог не отвечать совсем. Но Адан растерялся от такого вопроса и, как показалось Рене, испугался. Скосив взгляд и злобно сплюнув (новая привычка, которую он позаимствовал у Храпа), Адан соврал, что старик, мол, выходил в город на денёк, но куда-то запропал. И что Адан очень за него беспокоится, потому что старик уже заплатил ему за обратный переход. И теперь он, Адан, ну совсем не знает, что ему делать с этими деньгами...

Приняв решение, Рене резко встал и снова поднялся в своё убежище. Там у него было всё подготовлено на случай внезапного ухода. Подобрал мешок с сухарями и кое-какими вещами, он положил в него хлеб. Затем достал из тайника все свои деньги – пятнадцать монет, оставшиеся от последних «переходов». Засунув деньги в рот, он подполз к овалу слухового окна и вылез на крышу.

Утренняя черепица была скользкой, но Рене привычно добрался до большой квадратной шахты. Это был дымоход. Когда-то в него выходили трубы всех печей и каминов флигеля, но топить было нечем, и они были уже давно заложены. Остались только трубы из кухни и от каминов в библиотеке. Обычно Рене уходил ночью, но теперь было такое время, что завтрак как раз кончился, а ужин наверняка ещё не начинали готовить. «Ничего, не захохнусь», – подумал он и решил отправляться немедленно.

Рене подтянулся на руках и взобрался на шахту. Сел на край и заглянул внутрь. Изнутри тянуло гарью. Едкий дымок щипал глаза. Рене отодвинулся от зева шахты и вдохнул свежий холодный воздух. Вдруг, оглянув-

шись, он вздрогнул. Раннее утреннее солнце ещё не успело высушить черепицу, и теперь на покрытой росой поверхности была чётко видна смазанная цепочка мокрых следов, ведущая от слухового окна к шахте. «Ерунда!» – решил Рене, – «Солнце уже высоко. Быстро высохнет».

Перехватив сухари, мальчик нырнул в чёрное жерло дымохода. Широкий закопчённый лаз уходил глубоко вниз. По поверхности одной из его стен были вбиты железные скобы. Они служили Рене ступеньками. Скобы ещё хранили тепло утреннего огня. Некоторые держали не очень крепко, но Рене уже не раз пользовался этим выходом, и чувствовал себя достаточно уверенно.

Спустившись на несколько метров, он вышел в почти горизонтальный штрек, в который выходили все трубы третьего этажа. Путь вниз был короче, но Рене не воспользовался им. Он знал, что ниже несколько скоб были вырваны. Однажды он чуть не сорвался там, когда ещё только исследовал дымоход. Повернув по штреку направо, Рене снова двинулся вперёд. Идти в полный рост здесь было нельзя, и он встал на четвереньки. Прямоугольник неба скрылся за выступом. Стало совсем темно. Пришлось двигаться наощупь. Зато воздух стал чище. Кухня осталась позади.

Рене полз вперёд, считая повороты и перекрёстки. Дымоход замка представлял собой сложную систему, и Рене ещё не очень хорошо знал эту его часть. По замыслу, он должен был попасть в библиотеку. Затем, выбравшись из камина, пересечь читальный зал и забраться в другой камин, дымоход которого шёл ниже и выходил в ту самую шахту с выбитыми скобами, обходя опасный участок. Затем вниз. Дымоход спускался ниже первого этажа, и раньше одновременно служил системой вентиляции подвальных помещений и погребов замка. Далее, забирая на север, нужно было добраться до замковых погребов, выбрать удобное место и спрыгнуть вниз.

Рене помнил, как он впервые попал туда. Лаз неожиданно обломился под ним тогда, и он свалился вниз, в полную темноту. Спичек у него с собой не было. Он чувствовал, что вокруг него большое пустое пространство и боялся пошевелиться. Дотянуться до потолка он не мог. Помогла ему верёвка с самодельным крючком, которую он всегда брал на исследование новых территорий. Минут двадцать кидал он её в потолок, стараясь в полной темноте зацепиться за края того отверстия, из которого вывалился. Когда, наконец, ему удалось выкарабкаться, он так испугался, что больше недели боялся вернуться в этот подвал. Только раздобыв свечу и спички, Рене рискнул повторить вылазку.

В погребе двумя рядами стояли огромные бочки, в каждую из которых был вделан деревянный кран. Эта часть подвала была отрезана от остальных погребов двумя оползнями, и содержимое бочек осталось нетронутым. Рене охватила буйная радость. Он понял, что попал в винный погреб замка. Однако когда он решился попробовать замковое вино, радость сменилась жестоким разочарованием, – в бочках был уксус. У него был удивительно тонкий благородный аромат. И всё-таки это был уксус. Стараясь подавить отчаяние, Рене стал пробовать содержимое всех бочек подряд. Когда он повернул кран в бочке, стоящей в самом углу, та неожиданно отъехала назад, и перед удивлённым мальчиком открылся лаз в подземный ход.

Ситуация проясняется

Отсчитав три дымохода справа, Рене свернул в четвёртый и, пройдя около метра, стал спускаться по вертикальной шахте. Это была самая трудная и опасная часть пути. Спускаться приходилось вниз головой. Иначе Рене рисковал очутиться в библиотеке тогда, когда там кто-нибудь есть. Шахта не была широкой. Казалось, что она специально сделана для Рене. Но стенки её были гладкими, поэтому приходилось двигаться, опираясь на них телом. Синяк в боку тут же отозвался резкой пульсирующей болью. Рене сжал зубы и продолжил спуск. Наконец шахта стала наклонной, и ещё через несколько мгновений он нащупал в стене широкий выступ, который служит для отражения холодного воздуха, когда ветер задувает трубу. Опёршись на него руками, Рене отдышался и прислушался.

- Вот эта книга. Запомни её хорошенько, чтобы не было, как в прошлый раз, – негромко выговаривал чей-то голос.

- Для меня все книги одинаковы, я всё равно не умею читать. В прошлый раз Вы сказали, что Вам нужна деревянная книга. Вот я и принёс деревянную. Так что Вы должны мне за неё деньги, десять тысяч, как и было договорено, – второй голос Рене узнал. Он, несомненно, принадлежал Храпу.

- Деньги? Ты, кажется, плохо понимаешь, что происходит. Изволь, я тебе объясню. В прошлый раз ты принёс мне советы какой-то повивальной бабки и теперь требуешь за них десять тысяч монет? Ни одна книга не стоит таких денег! Ни одна, кроме вот этой! Смотри, я специально кладу её вот сюда. С краю. На нижнюю полку. Ты возьмёшь её завтра, когда я уйду. Не сегодня, не через неделю, а завтра. И только после того, как приютское начальство убедится, что книга осталась на месте после моего ухода. Об этом позабочусь я сам. Ключ от библиотеки я тебе оставлю, тебе не придётся снова ломать дверь. Кроме того, скоро сорок дней, как ты взял задаток в сто монет и обещал убрать с моей дороги мальчишку. Я прихожу в замок, и что же? Здесь я узнаю, что именно он провёл меня сюда. И это ты называешь хорошей работой?

Рене вздрогнул. Теперь он узнал и первый голос. Он принадлежал чужаку, которого Рене третьего дня нанялся провести в замок. Высокий, не старый ещё, но и не молодой, а как будто высушенный какой-то, одет во всё чёрное, подпоясан широким золотым поясом, а на боку меч. Чувствовался в его облике могучий воин. Рене ещё очень удивился тогда, зачем ему вообще проводник. Пояс, что ли, охранять?

- Мальчишку мы поймаем. Вчера ему просто повезло. Рано или поздно мы узнаем, где он прячется.

- Уж лучше рано, – прошипел первый, и Рене услышал, как Храп вдруг как-то жалобно пискнул, – Для тебя же лучше.

Неожиданно оба голоса смолкли. Скрипнула дверь, и послышались чьи-то шаги. Затем шёпот.

- Мальчишку нашли, – торжественно объявил Храп. – Он на чердаке. Оттуда только один выход и ребята за ним наблюдают. Сейчас его приведут.

- Не надо никого никуда водить. Я сам хочу убедиться, что он мне больше не мешает. Мы пойдём туда вместе и прикончим его прямо наверху. И моли бога, чтобы он был ещё там. Ты слишком часто разочаровываешь меня в последнее время.

Хлопнула дверь. Поворот ключа. Всё стихло. Руки у Рене затекли. От долгого нахождения вниз головой в ушах стучало. Он сделал попытку проскользнуть ниже и осмотреть библиотеку, как делал всегда, выбираясь из замка этой дорогой, но занемевшие руки не слушались его, и он просто вывалился в камин. Кровоток ещё не восстановился от висения вверх ногами. Рене вскочил на ноги, но голова его сильно кружилась, и он снова упал. Ему удалось встать только с третьей попытки. Оглядевшись, он понял, что в библиотеке больше никого нет.

Теперь деньги можно было спрятать поудобнее. Вверх ногами он путешествовать больше не будет. Рене достал их изо рта, завернул в длинную тряпку, которую вынул из котомки, и обвязал её вокруг пояса. Он отдышался и теперь испугался по-настоящему. Рене получил ответы на многие вопросы, которые мучили его в последнее время, но ответы эти его не успокоили, а поставили ещё больше вопросов. Причём вопросов намного более сложных, если не сказать страшных. Конечно, можно допустить, что он чем-то насолил Храпу. Но чем он мог помешать этому воину? Человеку, которого раньше он даже не видел! О существовании которого даже не знал! Чем? Он, мальчишка, встал на пути взрослого, который мог бы убить его одним пальцем. Десять раз. Мог, но не убил. Почему? Он ведь знал его? Или нет? Точнее, он знал про Рене, а не его самого. Кто он? Что ему нужно?

Рене словно очнулся. Книга! Он оглянулся. Что ж, на последний вопрос, пожалуй, он может ответить прямо сейчас. Одного взгляда было достаточно. Это была она. Она! Та самая книга, за которой его просил присматривать старик. Рене никогда не брал чужого. Тем более, тайно. Поэтому сейчас он испытывал сильные сомнения. Казалось, в нём борются две силы. Одна требовала бежать, бежать немедленно. Другая требовала спасения книги. Десять тысяч. Это что, шутка? Разве бывает столько денег? Рене подошёл и нерешительно взял книгу. Неожиданно озорные искорки заглянули в его глаза. Он больше не сомневался. Пройдя вглубь читального зала, он вынул из стенового шкафа похожий фолиант. Рене помнил его название. Это был какой-то трактат о бабочках. Подменив книгу, Рене бросился к камину.

Этот камин выглядел значительно новее, чем предыдущий. Стены его были абсолютно гладкими, и Рене потребовалось приложить немало усилий, чтобы забраться в дымоход. Кроме того, ему сильно мешала книга. Этот дымоход почти сразу выходил в главную шахту. После света библиотеки Рене не сразу привык к темноте, а когда привык, увидел в густом мраке главной шахты две ноги, судорожно пытающиеся нащупать опору. Храп был значительно длиннее Рене, поэтому не доставал до нижней скобы совсем немного. Если бы он это знал, то мог бы просто спрыгнуть. Но Храп этого не знал. Он сильно сопел и плаксиво жаловался. Сверху его подстёгивал грозный крикливый голос. Видно было, что Храп старается вовсю, но не может достать до скобы. Рене тоже не мог спуститься, не задев его. «Быстро они вышли на след, однако», – думал Рене. – «Да, чужак не даст себя морочить, как эти олухи. С ним шутки плохи. Что же делать?» И тут просто шальная идея пришла ему в голову. Послюнявив палец, Рене легонько провёл им по голой Храповой лодыжке.

Почувствовав на своей ноге что-то мокрое и холодное, Храп взвыл со страху так, что гулкое эхо отклик-

нулось во всех печах и каминах замка, породив в дальнейшем множество жутких историй о приведениях и вампирах. Не помня себя от ужаса, Храп рванулся вверх. А Рене проскользнул вниз. Преследователи отстали. Сверху ещё долго сыпались проклятия и угрозы, но, похоже, теперь никакая сила не могла заставить Храпа спуститься.

Под землёй

Вскоре Рене был уже на самом нижнем горизонте, неподалёку от винного погреба. Теперь он полз лёжа по узкому горизонтальному лазу, пол которого был усыпан не то камнем, не то битым кирпичом. Иногда попадались довольно крупные осколки, больно впивавшиеся в ноги и живот. Мешок с книгой и едой приходилось тащить сзади за собой. Большая толстая книга постоянно застревала. Мальчик с большим трудом протаскивал её за собой. Один раз, протягивая застрявший мешок через особо неудобный поворот, Рене подумал, что если он ошибся и перепутал дымоходы, то ему отсюда будет ещё не выбраться. От этой мысли ему стало очень неприятно и как-то неуютно. «С другой стороны», – думал Рене, – «чужак-то сюда точно не влезет». Вскоре он добрался до винного погреба.

Рене с облегчением спрыгнул вниз. Самая трудная и опасная часть пути осталась позади. Абсолютная темнота обступала его со всех сторон. Рене прислушался. Было тихо. Он медленно двинулся, выставив вперёд руки. Пол был неровный, весь в каких-то выщерблинах. Под ногами хрустели мелкие камешки и мусор. Наконец, он добрался до стены. Двигаясь наощупь вдоль неё, он нашарил тайник, в котором хранил свечи, спички и несколько больших факелов, которые он сделал из бересты.

Конечно, свечи горели дольше, чем факелы. Но их было очень мало. И их приходилось покупать, так как сам он их сделать не мог. Поэтому Рене, выходя из замка, всегда заготавливал бересту, резал её на ровные полосы, сушил и скручивал. Главное было скрутить как можно туже, иначе факел прогорал совсем быстро.

Рене пересёк погреб и подошёл к угловой бочке. Повернув кран, он вошёл в подземный ход. Два десятка ступенек вели вниз. Под ногами зачавкало. Почва стала сырой. Потом на полу появилась вода. Со стен и потолка падали редкие крупные капли. Подземный ход вёл на север. Рене не зажёл огня. Идти предстояло долго, но дорога была знакомой. Развилки по пути не было. Рене не боялся заблудиться и побежал довольно быстро. Только изредка он останавливался и ориентировался по звуку падающих капель.

Рене бежал уже несколько часов и сильно устал. Он шёл по колено в ледяной воде, вымок и продрог, и едва волочил ноги. Почувствовав, что дальше идти не в силах, он впервые решил зажечь факел. Спички немного отсырели, и ему удалось это только с третьей попытки. Береста давала неяркое пляшущее пламя и сильно чадила. Хорошо разглядеть дорогу Рене всё равно не мог, но огонь согревал душу, давал надежду. В неровном свете факела проступили красноватые стены, сходящиеся сводчатым потолком на высоте около двух метров. От сырости штукатурка местами обвалилась, обнажив каменную кладку. Камень был грубо отёсан, но подогнан достаточно плотно. Только из некоторых щелей годами

сочилась вода, создавшая кое-где причудливые формы сталактитов всех возможных оттенков.

Заканчивались вторые сутки, как он покинул приют. Погоня продолжалась. Беглец не замечал времени. Под землёй всегда было одинаково темно. Но мальчик привычно ориентировался по звуку падающих капель и плеску воды под ногами. Сейчас Рене мечтал только об отдыхе. Но отдохнуть было негде. Не стоять же, в самом деле, по колено в ледяной воде? К тому же неизвестно, насколько отстали преследователи.

Эхо стало гулким. Мальчик зажёл факел и пошёл быстрее. Через несколько минут показалась развилка. Три дороги расходились в разные стороны, крестом лежали перед ним. Рене задумался. Он всегда ходил в восточном направлении. Но сегодня это было опасно. На востоке – Большая земля, бывшее Орское княжество. Тому, кого выбросили умирать в Сар, пути туда нет. Кроме того, если за ним идут, то искать его будут вероятнее всего там. Красивые сказки о Большой земле знает каждый воспитанник Сарского приюта.

Факел догорал. Наконец Рене решился. Повернув на восток, он прошёл около восьмисот шагов, пока факел не потух окончательно. Тогда мальчик вернулся к перекрёстку. «Они могут идти по запаху факела», – думал Рене, – «Он ещё долго будет ощущаться. Тогда они должны свернуть на восток. Если они поймут, что я их обманул, то вернуться сюда. А понять они могут. Этот чужак – просто ищейка какая-то. Тогда они пойдут в противоположную сторону. То есть, вероятнее всего – на запад. Значит, надо идти на север. Без огня. И уже никаких следов не оставлять».

Рене поморщился. Он знал, что северная дорога опускалась всё ниже и ниже под воду. Иногда даже приходилось плыть. Идти на север значило окончательно вымокнуть и замёрзнуть. Кроме того, Рене никогда не доходил до конца ни на север, ни на запад. Что ждёт его на выходе из подземелья – он не знал.

Погоня

- Быстрее, черви! Что Вы копаются? Тому, кто его догонит, подарю жизнь! – чужак вскинул свой меч. Бледно-синяя змея холодного пламени обвила лезвие, соскользнула с него и молнией ударила в потолок, выбив из него несколько небольших камней и породив долгий протяжный рокот эха. Черви – Адан, Храп и Кол, – разом споткнулись от вспышки. Адан от испуга упал и некоторое время бежал по-собачьи, на четвереньках, воя от ужаса и не решаясь подняться. Они уже ничего не соображали. Чужак, напротив, выглядел ничуть не уставшим. Он был сосредоточенным, обеспокоенным и злым. Очень злым! В его тёмных глубоких глазах плескалась холодная ярость. Один его взгляд гнал преследователей по следу как свору голодных псов. – Вперёд! Я чувю его! Он уже близко. Вперёд. Быстрее. Ещё быстрее, ну!

Время от времени он вскидывал меч, и неистовая синяя молния освещала взмокшие спины преследователей, подгоняя их, словно кнут. Впрочем, быстрее бежать они всё равно не могли, и подгонять их было не нужно. Их гнал вперёд ужас. Дикий животный страх перед лютым жестоким чародеем.

Неожиданно колдун остановился и принялся.

- Стойте. Отойдите назад, не мешайтесь под ногами, потные свиньи, – он шагнул вперёд и снова принялся.

ся. – Ага, кажется, пахнет жареным. Здесь он зажёт огонь. Ну, теперь ему от меня никуда не деться. Эй, вы, вперед. Он уже рядом.

Погоня вылетела на перекрёсток и остановилась в нерешительности. Храп, Адан и Кол рухнули от усталости на четвереньки и тряслись крупной дрожью. Адан потерял в погоне один башмак и теперь растирал кровотокающую распухшую ступню. Чародей вскинул меч и осмотрелся в его неровном холодном свете. Не больше секунды понадобилось ему, чтобы разгадать загадку, которую оставил Рене.

- Он был в восточном туннеле и вернулся. Нам нужно прямо. Поднимайтесь, псы.

Тем не менее, поднять мальчишек было не так-то просто. Погоня продолжалась так долго, что вконец истощила их. Остановившись, преследователи сбили дыхание, и им понадобилось не меньше минуты, чтобы встать на ноги. Поднявшись, они обречённо поплелись к северному туннелю. В этот момент синяя молния, хлестнувшая всех троих по ногам, добавила им прыти.

Рене тоже не мог быстро передвигаться. Он шёл уже по грудь в холодной воде, держа книгу и мешок над головой. Неожиданно он нащупал ногами ступеньку, а через некоторое время – ещё одну. «Вроде лестница какая-то» – подумал мальчик, упрямо двигаясь вперед. Теперь вода доходила ему только до щиколоток. Он так устал и замёрз, что ему было уже всё равно. Достав спички, он снова зажёл факел. Руки не слушались Рене, и, когда он убирал спички в мешок, уронил их в воду. Тихонько чертыхнувшись, Рене поднял коробок, вылил из него воду и сунул в мешок. Огонь высветил узкий длинный зал. Да, это был уже не подземный проход, не нора, а зал. По краям его стояли алебастровые статуи, белые и прекрасные. Все они изображали женщин, одетых в воинские доспехи. Казалось, они выстроились здесь в почётном карауле и приветствовали Рене.

Рене был настолько удивлён, что просто остолбенел. Разинув рот, он медленно двинулся вперед. Он шёл и шёл, огонь факела мерцал и метался, и Рене казалось, что эта прекрасная стража шевелится в неровном свете, молча провожая его глазами. Через каждые сорок–пятьдесят шагов была невысокая ступенька, расходящаяся широким полукругом. На каждой ступеньке стояло по пять статуй с каждой стороны.

Факел догорел. Но темнее не стало. Казалось, что статуи освещены каким-то невидимым источником света. Несколько часов понадобилось Рене, чтобы выйти на самый верхний уровень этого удивительного зала. Статуи по бокам кончились, но прямо перед собой Рене увидел два гигантских изваяния. Два одинаковые женщины, зеркальное отражение друг друга, стояли перед ним. Вырезанные из того же материала, что и статуи, они стояли справа и слева от прохода, протянув к Рене руки в жесте, отгоняющем силы зла. За это время Рене так и не закрыл рта. С трепетом глядя на изваяния, поражённый и буквально подавленный их величием, Рене прошёл между ними и остановился перед тяжёлой закрытой дверью.

Сзади внизу мелькнула вспышка, и Рене услышал звуки погони. Он словно сбросил с себя наваждение и тут же различил сопение, хлопанье и топот мокрых ботинок по лестнице. И голос. Этот голос гнал преследователей прямо на него. Рене бросился к двери и толкнул её, но та была заперта. Поняв, что он в ловушке, Рене просто сел на пол. Он так устал, что ему уже всё было безразлично.

Следующая вспышка сверкнула ближе, и в её свете чародей разглядел Рене. Подняв меч, он торжествующе расхохотался.

- Вот ты где, щенок. Ату его, мои собачки.

Храп и Кол взвыли, почуяв добычу, и рванулись к нему. А впереди всех, хромяя, в одном башмаке на левую ногу, мчался Адан. В его глазах Рене успел заметить страх, отчаяние и ненависть. Рене понял, что именно ненависть гнала его вперед. Адан был уже совсем близко. Рене успел рассмотреть разбитую верхнюю губу, которая делала его улыбку похожей на волчий оскал. Вдруг Адан взвизгнул и... пропал. Храп и Кол вытаращили глаза от ужаса, остановились и попятиться. К ногам Рене подкатился ботинок. Грязная приютская одежда оседала тут же кучей тряпок. Преследователи в панике металась между Рене и чужаком, не решаясь двинуться вперед. Колдун молча остановился, не доходя несколько шагов до каменных гигантов, и опустил меч. Он, казалось, был растерян и озадачен. По вещам Адана будто прошла дрожь, они сжались и исчезли. Гигантские изваяния светились странным оранжевым светом, а их руки обволакивала яркая аура.

- Проклятье, – устало и как-то безразлично произнёс чужак и злобно взглянул прямо в глаза Рене. – Наш поединок не закончен. Он даже ещё как следует не начат, щенок. Но сегодня тебе повезло. Праздную победу, пока можешь, дурачок!

Резким движением набросив плащ на плечо, он развернулся и пошёл, не говоря больше ни слова. Храп и Кол, озираясь со страху, шлепали за ним, стараясь не отстать.

Прошло около получаса. Каменные изваяния погасли. Двери беззвучно отворились. Рене встал и вошёл.

На лестнице

Свет обрушился на Рене со всех сторон. Он стоял на самом краю тесной каменной площадки, расположенной на склоне горы. Прямо от его ног начиналась узкая круглая лестница без перил, вырубленная в скалах. Лестница вела вниз, в долину, которая раскинулась под ним. Стоило Рене сделать первый шаг, как двери, также беззвучно, закрылись. С этой стороны они были совершенно незаметны. Если бы Рене только что не вышел из них, он ни за что не поверил бы, что здесь вообще есть проход сквозь скалу.

Наступил тёплый осенний вечер. Солнце клонилось к закату, приближаясь к горной гряде слева от Рене. Он очень устал и проголодался. События последних дней заставили его забыть о еде. Теперь голод навалился на него со всей силой. Рене сел и стал развязывать мешок. Узел туго затянулся, намок и никак не хотел поддаваться. Наконец, мальчику удалось его одолеть.

Оглядев содержимое мешка, Рене пришёл в уныние. Хлеб, который ему дал Адан, исчез без следа. Девять монет из пятнадцати – тоже. Впрочем, Рене нимало этому не удивился. Сухари намокли и слиплись. Некоторые ещё и раскрошились, образовав малоаппетитный ком. Книга, к счастью, вымокла только снаружи. Она была плотно закрыта и застёгнута на кожаные ремешки, поэтому вода не попала внутрь.

Как бы Рене не спешил, он должен был перекусить и обсохнуть. Впрочем, спешить ему сейчас было никуда. Поэтому он разделся и разложил всю одежду на скалах, согретых лучами заходящего солнца. Также он по-

ступил и с оставшимися сухарями. Отломив от теляного кома большой кусок, он отправил его в рот, а остальное размазал тонким слоем по скале, чтобы тоже высохло. Книгу Рене открывать не стал. Он знал, что кожа, высыхая, может сжаться, и боялся повредить её. Спички пострадали очень сильно. Вылив из коробка воду, Рене отобрал пять штук, на которых остались следы фосфора, и аккуратно разложил их сушиться, каждую отдельно. Остальные спички он выкинул. Разложив таким образом все свои вещи, он повалился на большой чёрный камень, согретый солнцем, и стал наблюдать, как от них валит пар.

То ли усталость сыграла с ним злую шутку, то ли нервное напряжение последних дней, только Рене очнулся в темноте. Солнце ушло за горизонт. Только узкая полоска зари алела далеко на северо-востоке. Занимался следующий день, но до света было ещё далеко. Камень источал могильный холод. Рене продрог до костей. Вскочив, он первым делом бросился к своей одежде. Одежда высохла, но была холодной и задубела. Тем не менее, Рене оделся. Ему стало немного теплее. Всё ещё трясясь от холода, он решил развести огонь. Под рукой ничего не было для костра, и Рене решил использовать факелы. Собрав просохшие спички, он поджёт бересту.

Факелы давали свет, но не тепло. Чтобы не терять зря времени, Рене собрал свои высохшие вещи и уложил их в мешок. Ухватившись за книгу, мальчик почувствовал, что обложка стала твёрдой, как камень. Рене положил мешок на землю и попробовал растянуть застёжки. Около получаса он титился открыть их. Безрезультатно. Ссохшаяся кожа стала крепкой, как железо, и не думала поддаваться. Борьба утомила и согрела

Рене. Обломав два ногтя, он с досадой бросил книгу в мешок. Как есть, не раскрывая.

Белёсий сумрак ещё не разогнал, а только слегка рассеял тьму. Небо на востоке разгоралось широкой светло-серой полосой, которая ещё не начала

розоветь. Костёр догорал. Рене взглянул вниз. Долина просыпалась, блестя от утренней росы. В этот предрассветный час сквозь лёгкий сумрак тумана она казалась серебряной. То тут, то там зажигались огоньки. Яркими светлячками переползали они с места на место, собирались в стайки и снова рассыпались по утреннему серебру. Закинув поклажу на плечо, Рене начал спуск.

Ступени, вырубленные в скале, были предназначены явно не для мальчика. Рене приходилось не то идти, не то прыгать со ступеньки на ступеньку. Временами лестница спускалась довольно полого, а временами, особенно на разворотах, резко шла вниз. Тогда ему приходилось разворачиваться и сползать на животе, рискуя сорваться под уклон. Вскоре небо окончательно рассветлелось, и Рене почувствовал себя совсем уверенно. Больше половины спуска было пройдено.

Долина лежала у его ног, сонная и прекрасная, и Рене подумал, что вот так, наверное, видят мир птицы. Горы здесь были не такими крутыми, как вверху. Появились растения. Сначала трава, а затем, почти сразу – кустарник и даже небольшие деревья. С рассветом Рене вышел на широкий отлогий откос. Лестница превратилась в дорогу, которая вилась по каменистой осыпи между исполинских валунов, величественно лежавших на склоне. По краям дороги росли яблони. На некоторых из них Рене заметил яблоки.

Рене остановился. Он впервые в своей жизни видел фрукты. Когда-то давно, просиживая в библиотеке с очередным книжечком, он видел такие плоды на картинке в одной книге, и, вроде бы, они должны быть съедобны. Но как их готовить? Можно ли их есть сырыми? Рене долго не решался попробовать, а затем подошёл и сорвал один. Он держал в руке яблоко дикой лесной яблони. Осторожно понюхав его, Рене откусил небольшой кусочек. Вкус превзошёл все его ожидания. Он съел его и решил нарвать ещё. Но остальные плоды росли выше, и Рене пришлось лезть за ними на дерево.

- Эй, ты кто? – окликнул его сзади звонкий голос.

Рене оглянулся и спрыгнул. Перед ним стояла девочка, на вид лет тринадцати. Худенькая, с густыми светлыми волосами, заплетёнными в две косички, и выгоревшей на солнце чёлкой. На ней было жёлтое платьице и серенькая вязаная кофточка, местами протёртая до дыр и аккуратно заштопанная. Колени у девочки были расцарапаны и смазаны каким-то составом. В глазах светилось что-то доброе и любопытное. По всему её облику было видно, что она не была домоседкой.

- Я – Рене. А ты кто?

- А я – Сайка. Но часто меня зовут Стрелка. Меня так папа прозвал. Он говорит, что если где-нибудь на свете есть приключение, то я обязательно его найду. Мой папа – кузнец. А ты что тут делаешь?

- Я? Ем. – Рене протянул ей яблоко. – Ты, случайно, не знаешь, это можно есть?

- Можно, – рассмеялась Сайка. – Эти яблоки ничьи. Они дикие. Только они невкусные.

- Невкусные? – Рене был озадачен, – Какие же тогда вкусные?

Издали послышалось какое-то не то пение, не то молитва.

- Ой, уже идут. Давай спрячемся и посмотрим, – зашаркала Сайка.

- Кто идёт? – испугался Рене.

- Люди. Люди из долины. Вчера бабушка сказала, что старая Хирна прервала свою песнь. А сегодня ночью на

юге в горах видели звезду. Значит, великан идёт. Вот я и убежала из дома, чтобы посмотреть на великана.

- Какая Хирна? Какой великан?

- Ты что, ничего не знаешь? Когда Хирна смолкает, можно поднять Покрывало и войти в долину. А когда-то давно предсказатель сказал, что однажды с рассветом Великий Воин придёт в долину и зажжёт звезду на юге. Этот великан победит Архота. Вчера вечером Хирна неожиданно умолкла, а ночью люди увидели свет в горах. Все страшно перепугались и собрались встречать великана. Меня оставили дома, но я убежала. Хотя я и не верю в эти сказки. Я залезла по Лестнице Великана на самый верх и всё там рассматривала. Нет там никакого Покрывала. И двери тоже нет. Лестница просто кончается, и всё... ой, идут. Скорее прячься.

Сайка поволокла Рене к какому-то кусту и буквально бросила на землю. Из-за ближайшего валуна медленно выходила странная процессия. Её возглавляли три старца с длинными бородами до пояса. Они несли в руках камзлы, богато украшенные золотом и драгоценными камнями, и пели какие-то гимны. Следом за ними важно выступали шесть мужчин, каждый из которых нёс знамя. В такт их шагам знамёна слабо колыхались в неподвижном утреннем воздухе.

Потом шествовали восемь воинов, которые несли на плечах чёрный бархатный подиум, на котором лежал богато украшенный меч, наполовину вложенный в золотые ножны. Меч действительно был рассчитан на гиганта. Его длина, по крайней мере, втрое превышала рост взрослого человека. И, хотя носильщики не были слабыми, видно было, что ноша даётся им с большим трудом. Замыкали процессию музыканты и все жители долины, кто пожелал прогуляться к горам в столь ранний час. Торжественно и как-то печально процессия прошла мимо.

Рене поднялся и отряхнул опавшие листья с колен.

- Пойдём, – хмуро произнёс он. – Нет там никакого великана.

Сайка

Рене не умел дружить. Просто у него никогда не было друзей. Тем более, девчонок. Поэтому Рене шёл молча. Сайка, наоборот, носилась вокруг широкими кругами, прыгала на одной ножке, шла перед Рене задом наперёд, размахивала руками и щебетала, щебетала, щебетала... а иногда вдруг начинала петь. Через полчаса Рене начало казаться, что вокруг него носится не одна, а десяток юрких говорливых Стрелок.

Когда они спустились в долину, Рене уже знал, что Сайка – дочь кузнеца. Что живёт она с отцом и старенькой бабушкой, которая знает очень много разных интересных историй. Что Сайкин отец – очень хороший мастер, лучший на всю долину, и люди его очень уважают. Про него даже говорят, что он может ковать магическое оружие, но это неправда, потому что у него нет ни одной магической книги. Вообще-то, Сайкин отец не любит делать оружие, но если для доброго дела, то делает. Это он сделал тот большой меч для великана, только великана всё нет, а Хирна уже совсем старая. Говорят, когда она умрёт, Покрывало может исчезнуть.

- Покрывало – это вовсе не покрывало, а заклинание такое. Давным-давно, когда Хирна была молодой, на страну опустилась тьма. От этой тьмы земля стала бесплодной, а вода – горькой. Тогда Хирна стала петь

заклинание, и тьма отступила. Пока Хирна поёт, никакое зло не может пройти сквозь Покрывало. Выйти может, а войти – нет.

Слушая Сайкину трескотню, Рене чувствовал, что вокруг всё начинает плыть. Он пытался сосредоточиться, но у него разболелась голова. Теперь они шли со Стрелкой через деревню, мимо небольших ухоженных домов с великолепными палисадниками, в которых отцветали последние осенние цветы. Взрослые работали на земле, возделывая и лелея её. Стайки детей играли на улице, что-то рисуя веточками в придорожной пыли.

- Некоторые люди ушли из долины. Кто – по торговым делам, кто – просто так. Из тех, кто задержался снаружи надолго, никто не пришёл обратно, Покрывало Хирны уничтожило их, потому что они заразились тьмой и хотели принести её в долину в своём сердце. Поэтому теперь люди боятся и не выходят. А снаружи долины вообще нельзя увидеть и люди, наверно, совсем забыли о её жителях.

Она, Сайка, живёт очень долго, целых тринадцать лет, и за это время никто не прошёл через Покрывало. Они с подружками даже игру такую придумали: «Тот, кто первый встретит человека оттуда, тот и победит, только никто не победил. Потом всем надоело, перестали встречать. А ты не встречал человека оттуда? Вот было бы здорово встретить. Ты бы тогда победил».

Приближались ритмичные негромкие удары молота о наковальню. Пройдя через деревню, они вышли на берег быстрого говорливого ручья к небольшой закопчённой кузнице, построенной около одноэтажного бревенчатого дома с двускатной крышей. На крыльчике сидела пожилая женщина с волосами белее снега и раскладывала какие-то пряные травы. Рене и Сайка вошли в кузницу. Высокий тёмный человек положил молот и обернулся.

- Это я прошёл через Покрывало Хирны. И мне некуда больше идти, – сказал Рене.

Сайка ойкнула и села.

В долине

Через полчаса, умытый и одетый во всё чистое, Рене сидел за столом и завтракал вместе с семьёй кузнеца. Сладкая каша с черносливом, маслом и молоком, пирожки и фрукты. Не так уж и много, но для изголодавшегося мальчика это был целый пир. Когда завтрак закончился, все взгляды обратились к Рене.

Рене начал свой рассказ. Сайка смотрела на него во все глаза и ловила каждое слово. Однако и для взрослых его повесть была удивительной и невероятной. Больше всего кузнеца заинтересовал колдун. Он попросил Рене описать его очень точно.

- Странно, – задумчиво произнёс он, – по всем приметам, это – Архот. Но Архот должен быть стар. Очень стар. Ему ведь гораздо больше лет, чем Хирне. А мы-то надеялись, что он умрёт своей смертью. А меч этот мне знаком. Много лет назад пришёл сюда путник. И попросил выковать меч для борьбы с Архотом. Огромной силой наделил я тогда это оружие. Ар-Рихат его имя, Дух мести. Плохо, если он в твоих руках, против которых был создан. Вероятно, сегодня – это самое сильное магическое оружие в Ароле. Пожалуй, только один меч может обладать большей силой. Правда, никто не знает, можно ли его достать. И что будет, если и он окажется в руках Архота. Больше об этом может знать только Хирна.

- А кто такой Архот? Откуда он взялся? И почему он преследует меня?

- История Архота начинается с истории Хирны и её старшей сестры Релины. – подала голос старая женщина, – Обе – дочери могущественного мага. Две величайшие волшебницы ушедшей эпохи, две сестры, родившиеся в один день и час, но Релина – на двенадцать минут раньше.

Равные в своем могуществе, Хирна и Релина во всём стремились помогать людям, творившим добрые дела. Они никогда не вмешивались в дела людских правителей, не мешали, но и не помогали им. Их помощи ждали те, кто создавал великие и уникальные вещи. Скульпторы, учёные, архитекторы, художники, музыканты. Только Хирна была осторожна и недоверчива, считая, что целеустремлённый человек и сам достигнет всего, чего хочет, а Релина легко верила людям, иногда награждала их способностями и силой, которые доступны не каждому магу. Однажды сёстры поссорились, и пути их разошлись.

Хирна ушла на север, создала эту плодородную долину, окружила её неприступными горами, и лишь несколько тропинок вели сюда. Люди, пришедшие за ней, добывали хлеб свой трудом своим, и свершения их невелики. А слава Релины росла очень быстро, как и слава людей, которым она благоволила. И вот настал день, когда Релина пала жертвой собственного легковерия. Доподлинно неизвестно, что же на самом деле с ней произошло, но когда её не стало, множество людей, отучённых ею от труда, долгое время не знавшие никаких лишений и забот, стали бороться за первенство в созданной и теперь разворовываемой ими стране.

Особенно старались трое. Их настоящие имена неизвестны людям. Самый сильный из этой троицы получил прозвище Архот – убийца духа. Он ненавидел и презирал любой труд и всех, кто был трудолюбив, кто работал, не покладая рук, стараясь сделать жизнь лучше. Он менял устремления человека, уводя его на путь стяжательства, продажности, измены. Основным оружием Архота были деньги. Он раздавал их щедро, и люди легко брали их, но всё, что они взяли, шло им только во вред.

Коротка была их жизнь и печален конец. Всё, что было создано с помощью денег Архота, либо разрушено, либо разорено, либо пришло в запустение. Говорят, что у него даже сердце из серебра, как монета. И каждый раз, когда он даёт кому-нибудь деньги, он отдаёт частицу своего чёрного сердца. Именно эта частица проникает в душу человека, подчиняет себе его волю, открывает путь предательству. А подчинив, возвращает-ся к Архоту, унося с собой душу человека.

Архот поработил всю западную часть государства и однажды напал на долину. Он – могучий чародей, и главное его оружие – предательство. Многие сражались против него. Все они погибли или изменили нам. Тогда Хирна закрыла вход в долину магическими чарами, которые люди прозвали Покрывалом Хирны. Оно непроходимо для любого зла, которое человек несёт в своём сердце. Армия Архота не смогла пройти через него, и вынуждена была отступить.

Но колдовство не может уничтожить его самого. Кроме того, оно сильно мешает всем жителям долины. Многие семьи оказались разделёнными Покрывалом. Однако, пока Архот жив, только Покрывало спасает нас от его козней. За пределами долины зло множится и

сила Архота растёт. Никто сейчас не может противостоять ему. Хотя пророчество гласит, что победить его можно. Только сможет это сделать лишь тот человек, в сердце которого смешалась кровь четырёх магов, в руках – сила трёх воинов, сражавшихся за правое дело, а в имени – тепло огня и сила воды.

- Значит, его легко найти. Ты мне раньше этого не говорил. У него должно быть особенное имя, – обрадовалась Сайка. – Интересно, какое? Огневода? Или Водогонь? Давайте быстренько найдём его и пойдём Архота воевать.

- Не тараторь, Стрелка. У него действительно должно быть особенное имя. На древнем языке Аролы Водогонь – Чиару. Именно так Хирна назвала своего первого сына. Он ушёл на битву с Архотом и не вернулся. После его гибели и появилось Покрывало Хирны. Много лет прошло с той поры. Архот уничтожил всех магов и волшебниц за Покрывалом, а теперь охотится за всеми, кто носит священное имя. Матери больше не называют из своих детей, Архота боятся. Так что, Сайка, очень нелегко найти теперь человека с таким именем. Тем более – волшебника в пятом поколении... Что с тобой, Рене?

- Я? А... а можно мне увидеть Хирну?

- Только если она сама этого захочет. Она мудра, и многое видит глазами мага. Она прозревает прошлое и предвидит будущее. Её советы опасны.

В этот момент в дверь постучали. Кузнец отворил. В проёме стоял человек с длинной седой бородой, одетый в чёрное. Это был один из трёх старцев, возглавлявших утреннюю процессию. Только теперь у него не было жезла. Церемонно поклонившись всем присутствующим, он обратился к Рене:

- Хирна ждёт тебя, Чиару из Сара. Она просит вернуть ей книгу её сына.

Волшебница

Весть о том, что из-за Покрывала пришёл Чиару, который убьёт Архота, вмиг распространилась по всей долине. Слухи летели от одного дома к другому как искры на пожаре, обрастая самыми невероятными и фантастическими подробностями и собирая людей. Поэтому, когда Рене спустился с крыльца, жители долины двумя рядами стояли слева и справа от дороги, освободив для него проход. Впереди, с видом напыщенным и важным, шествовал старец, за ним – Рене и Сайка, которая после всего, что произошло, не отставала от него ни на шаг. Девочка притихла и испуганно озиралась по сторонам. Кузнец не пошёл с ними. Сразу после разговора он направился в свою кузницу, и теперь чистые и звонкие удары молота доносились им вслед.

Толпа бурлила и волновалась впереди, однако, стоило им приблизиться, всё стихало. Напряжённые взгляды, полные робкой надежды и недоверия, провожали их. Ох, не был Рене великаном, которого ждали столько лет, совсем не был. Обыкновенный мальчик шёл сейчас среди людей для того, чтобы спасти их от могучего и грозного врага. Разве такое возможно? Что он может сделать? Они встречались только один раз, и он едва ушёл живым. Его спасло чудо, колдовство Великой Хирны. Рене было немного не по себе, а Сайка совершенно растерялась, прижалась к мальчику и взяла его за руку.

Они подошли к белому каменному дому с колоннами, стоящему в самом центре посёлка. Дорожка, выложенная жёлтым камнем, привела их к высокому тёмным дверям, которые сами собой беззвучно распахнулись при их приближении. Проводник остался стоять у дверей. Сайка и Рене вошли одни. Здесь царил полумрак, который скрывал очертания стен, поэтому изнутри дом казался значительно меньше, чем снаружи. В доме было всего одно помещение, слабо освещённое четырьмя массивными бронзовыми светильниками, стоящими на полу. Они больше чадили, нежели давали свет.

В глубине зала, поднятое на несколько ступенек, стояло кресло. В кресле сторбилась небольшая сухонькая старушонка. Она была такой дряхлой, что Рене затаил дыхание, подходя к ней. Казалось, что она сейчас развалится от одного колебания воздуха. Старушка постоянно бормотала что-то себе под нос. У неё был вид совершенно безумной женщины, только глаза, чистые и ясные, казалось, просвечивали его насквозь. Сайка робко подошла и встала рядом с Рене. Хирна закашлялась, но ни на секунду не прервала бормотания. Рене развязал свой мешок, достал книгу и протянул ей.

Едва Хирна коснулась книги, в зале вспыхнул яркий свет. Казалось, стены мгновенно раздвинулись. Сайка вскрикнула, а Рене, ослеплённый, зажмурил глаза.

- Спасибо, что принёс книгу, – произнёс чистый светлый голос. Рене осторожно открыл глаза, а потом распахнул их от удивления ещё шире. Перед ним стояла высокая молодая женщина, одетая во всё белое. Она была удивительно похожа на те два изваяния, которые Рене видел в скале. И одновременно – на женщину из его детского сна.

- Кто ты? – пролепетал удивлённый Рене.

- Я – Хирна. Ты вернул мне книгу, а с ней – и большую часть моей силы. Для Архота это – сильный удар. Почему-то он решил не брать книгу сам, а поручил это мальчишке из приюта. То ли что-то задумал, то ли просто перемудрил. А возможно, боялся, что за ним следят. Хотя чего ему бояться? Но об этом потом. Подойдите поближе, я рассмотрю вас... Ты, Чиару, очень похож на моего сына.

- Почему ты называешь меня Чиару? Ведь меня зовут Рене.

- Потому, что это имя дала тебе при рождении твоя мать. Имя Рене тебе дали люди, которые нашли тебя, когда Архот убил её. Узнав, что Архот ищет их, твои приёмные родители тайно отвезли тебя в Сар. Они спасли тебя и заплатились за это жизнью. Но и Архот был сбит с толку. Он даже предположить не мог, что тебя укрыли от него в самом сердце его владений. Ты – наша последняя надежда. Он искал тебя десять лет. И нашёл. А найдя, быть может, сделал грубейшую ошибку. Эта его ошибка – наш единственный шанс. Покажи свои деньги, Чиару!

Рене, порывшись в карманах, достал все свои оставшиеся сбережения – шесть монет, и, сложив их горкой в ладони, протянул Хирне. Волшебница вытянула левую руку ладонью вниз и пропела несколько слов. Пять монет, звякнув, тут же прилипли к руке. Шестая осталась лежать не пошелохнувшись. Зажав монеты в руке, Хирна вернула их Рене. Затем указала на ту, что осталась неподвижной:

- Вот оно, чёрное сердце Архота!

Сайка во все глаза с ужасом смотрела на монету, а Рене с горечью думал, что всю свою жизнь он мечтал иметь маму и папу, а теперь оказывается, что у него их было даже по двое. И что все они, умные, красивые, взрослые люди любили его и даже погибли, защищая. Всю свою сознательную жизнь он мечтал, чтобы взрослые подарили ему частичку своей души, немного простого человеческого тепла, а оказывается, всё это у него было, было в избытке, и было бы сейчас, если бы не этот проклятый колдун с серебряным сердцем, которое он по кускам раздаёт каждому желающему направо и налево, обращая людей в рабов.

- Никаким способом нельзя избавиться от этой монеты, – продолжала Хирна. – Её нельзя отдать, нельзя разменять, потерять, выбросить или уничтожить. Эта монета не принадлежит своему хозяину. Она подвластна только Архоту! Каждый раз, когда человек, имеющий такую монету, что-нибудь покупает или просто отдаёт её кому-нибудь, монета возвращается к тому, кому её дал Архот. Видишь, даже я, используя всю свою магию, не смогла забрать её у тебя! И каждый раз, возвращаясь, монета проходит через сердце человека, оставляя на нём свой серебряный след. Со временем сердце человека одевается в серебряную броню. И тогда уже ни людские страдания, ни чужая боль больше не беспокоят его. Человек становится жестоким, холодным, расчётливым.

Велик, ох, велик соблазн, воспользоваться ей. Она одна делает человека безумно богатым. Все богатства мира в его руках! Но расплата неминуема! И ещё один раб Архота покорно падает к ногам своего господина.

- Но что я могу сделать с ней?

- Победить Архота. А за одно – и всех остальных.

- Остальных???

- Конечно. Архот – не единственный. И серебряное сердце, которое бьётся в его груди – не его сердце. Часть этой истории я знаю. Кое о чём догадываюсь. Что-то от меня скрыто. Я расскажу эту легенду так, как она видится мне.

Когда-то давно, трое презренных людей – нищий, монах и торгаш, заполучили магический камень Хут и стали ссориться, пытаясь разделить его меж собою. Никто не хотел уступать другим. Камень этот даёт людям силу великую, добрым людям – добрую, а злым людям – злую, ибо сила его – в воле человека. Долго, ох, долго несли они камень, долго ругались, дрались и ссорились из-за него. И чем больше они злились и ссорились, тем больше зла давал волшебный камень каждому из них.

На третий день пути так пропитались они злом от камня, что стали великими во тьме. А на четвёртый день повстречали они могучего волшебника, в сердце которого боролись добро и зло, любовь и ненависть. Велик был маг, и всё, что угодно, было в сердце том. Обменяли презренные камень на сердце мага великого, а, обменяв, – разделили. Каждый получил то, что хотел. Маг – камень, нищий – деньги, торгаш – власть. А что получил падший монах – про то мне неизвестно.

Да, каждый получил то, что хотел. Только не принесло это добра никому из них. Выпал камень из груди мага. И сам он окаменел тогда. А что стало с остальными, доподлинно неизвестно. Легенда говорит, что продали они сердце, да только думаю я, что неправда это.

Так что видится мне Чиару, что держишь ты в руках своих не просто чёрное сердце Архота. Это – часть сердца великого волшебника. Мага, который очень любил Аролу. Чьими трудами она была возвышена, и чьим сердцем разрушена.

- Так значит, ужасный и непобедимый Архот – всего лишь нищий? – удивилась Сайка.

- Да, – печально улыбнулась Хирна, – всего лишь нищий. Но нищий, подчинивший себе с помощью камня великое сердце. Отбери его у Архота, и он станет лишь тем, кто он есть на самом деле: бродягой и попрошайкой. А пока – он опасен, очень опасен. И борьба предстоит тебе нелёгкая, Чиару. Длинный путь предстоит тебе пройти. А возможно, и пасть на нём. Тебе понадобится всё твоё мужество. И тебе понадобится друг.

- Эй, какой ещё друг? А я зачем? Я и есть его самый давний друг. Мы уже столько времени дружим. Так дружим, как никогда никто не дружил. – Сайка от волнения тараторила очень быстро, – Я уже большая, я справлюсь, вот увидите, справлюсь, я большая, я тринадцать лет живу. Папа говорит, что этого достаточно, чтобы соображать. Вот я и соображаю. Я очень-очень хорошо соображаю. И потом, я умею искать приключения. А это – самое-самое настоящее приключение. Я сама – сплошное приключение. А ему всё равно без меня не обойтись, потому, что я – просто эксперт по приключениям. У меня их уже столько было, всяких-всяких, – подняв влажные от слёз глаза на Хирну, она неожиданно утихла, а затем произнесла очень жалобно, чуть не плача: – Ну, возьмите меня. Пожалуйста...

- Это не мне решать, милая Стрелка, – мягко произнесла Хирна, – проси разрешения у Рене.

Рене, поражённый, только утвердительно затряс головой.

- Хочешь, я тоже буду звать тебя Чиару? – Спросила Сайка, размазывая по лицу мгновенно высохшие слёзы.

План действий

- Пойдёмте, я провожу вас, – промолвила Хирна. – Теперь, когда моя книга со мной, мне не нужно больше петь, чтобы укрыть долину. Чересчур долго я сидела взаперти. Пора и мне выйти отсюда. А вам надо отдохнуть. Немало значительных событий произошло сегодня для двух напуганных детей. Да и для меня тоже. Мне нужно привести свои мысли в порядок. Множество тёмных дел ускользнуло от моего внимания, пока я пела здесь. Вечером мы снова встретимся и вместе придумаем план нашей борьбы. А пока, спрячь монету, Чиару. Никогда её не доставай, никому не показывай, ни за что не отдавай. Помни, от этого зависит твоя жизнь. И наша тоже!

Рене замотал монету в пояс и надел его на себя. Остальные деньги он отдал Сайке, чтобы не перепутать. Хирна обняла их за плечи и повела к выходу. Помещение разительным образом переменялось. Пол стал прозрачным, как будто застывшая волшебным образом вода. В нём был виден чудесный подводный мир. Проплывали диковинные морские животные, подводные течения лениво изгибали причудливые водоросли.

Пол устилала желто-красная ковровая дорожка. Светильники горели ярким волшебным светом, изгоняя тьму из самых потаённых мест. Помещение, раздвинутое заревом, оказалось прекрасным залом,

украшенным лепниной и золотыми украшениями на стенах. Иссиня-чёрный потолок походил на глубокий проем в самые тайные уголки Вселенной. В этом проеме виднелись звезды, казавшиеся до ужаса близкими и настоящими.

Двери открылись, и радостные крики людей слились в единый ликующий возглас. Все жители долины приветствовали Хирну, чудесным образом вернувшуюся к жизни. Хирна остановилась, вскинула руки, и толпа умолкла.

- Архот должен знать, что мы принимаем бой. Но вступать в открытую драку неразумно. Сегодня вечером мы найдём способ ответить.

Хирна опустила руки, развернулась и вошла в дом. А Сайка и Рене спустились к жителям долины. Толпа была слегка разочарована столь короткой речью волшебницы, поэтому детей встретили как героев, спасших их Хирну. Сотни рук тянулись к ним, сотни голосов что-то кричали, просили, требовали. Сотни глаз взирали на них с нескрываемым любопытством. Рене мечтал только о том, чтобы стать невидимым, но толпа не отпускала их, пока они не вошли в кузницу.

- Я думаю, что тебе будет нужно хорошее оружие, – вместо приветствия произнёс кузнец и бросил взгляд на Сайку. – А, зная свою дочь, я думаю, что оружие понадобится и ей. На это уйдёт около трёх недель.

- Вряд ли, – ответил Рене, – Следует признать, что в открытом бою нам с Архотом не справиться. Во всяком случае, это слишком большой риск, на который мы не имеем права. Не думаю, что Хирна изберёт этот путь. Должен существовать другой способ. Мы должны нанести Архоту удар там, где он меньше всего его ждёт. Поэтому для нас сгодятся обычные клинки, простые и удобные.

Кузнец молча кивнул и снова взялся за молот.

Целый день Сайка и Рене отбивались от местной ребятни, а вечером снова направились к Хирне. Волшебница встретила их на пороге и провела внутрь. Она выглядела усталой и разбитой.

- Итак, их трое, – начала она. – Трое презренных с чужим сердцем. Двоих я вижу. Это Архот на западе, Номут – на юге и третий – на востоке. Весь сегодняшний день я пыталась открыть его тайну. Но восток сокрыт от меня. Что вы там найдёте – для меня неизвестно.

- Но что нам делать с ними? Как их победить? – спросила Сайка.

- Вам нужно вернуть к жизни мага, который отдал им свое сердце.

- Но как это сделать, если у него нет сердца? – удивился Рене.

- В том-то всё и дело. Есть два способа. Первый – найти камень. Мы знаем, что носил он этот камень в груди и жил с ним. Но помните, что даже великий маг, возрожденный таким способом, бессердечен. Вряд ли он поможет вам, если восстанет с камнем. Во всяком случае, самое страшное зло сотворил он как раз тогда, когда был без сердца. Но камень может вам помочь. Он умножит ваши силы. Поэтому найти его было бы очень кстати.

Однако помните, что камень умножает в человеке не только хорошее, но и плохое. Так что, если найдёте камень, берегите свое сердце от зла. А сделать это будет очень трудно, так как ты, Чиару, носишь зло на поясе. Монета будет искушать тебя. Не поддавайся ей! Ты погибнешь, а с тобой – и последние наши надежды. Вто-

рой способ – вернуть магу его настоящее сердце. Но для этого вам нужно победить всех троих. А без сердца мага сделать это трудно, очень трудно.

- А что делает маг, когда оживет? – поинтересовалась Сайка

- Хм... Я думаю, что он вам поможет. Во всяком случае, я очень надеюсь, что он захочет вернуть себе свое сердце. Тогда он будет на вашей стороне.

- А если нет? – осторожно поинтересовался Рене

- Тогда, скорее всего, вам придется бороться самим. – Но как?

- Победить сердце мага. Другого пути нет. Только оно дает им силу и зло. Поэтому-то я и считаю, что Архот совершил ошибку. Он отдал тебе то, против чего ты должен бороться. Это очень сильное и опасное оружие, ещё никто не устоял перед ним, но, направив его против тебя, он стал уязвимым.

На распутье

Наступил поздний вечер. Сайка, как обычно, бегала вокруг и беззаботно щебетала. Рене рассеянно слушал её, медленно вышагивая по посёлку. Мысли его путались. Идя на встречу с Хирной, он надеялся, что волшебница подскажет ему, как справиться с Архотом. Но теперь выходило, что решать надо самому.

Рене остановился и оглянулся. Идти в кузницу не хотелось. Показываться на людях – тоже. Сейчас его очень раздражали эти глаза, смотрящие на него с подострастным восхищением из каждого дома. Поэтому он свернул с дороги и вышел огородами к ручью. Чистый поток весело бежал по каменистому руслу меж берегов, заросших густой зелёной осокой. Плеск воды в вечернем сумраке как-то сразу успокоил Рене. Медленно бредя вдоль воды, они с Сайкой вышли на небольшую песчаную косу, посреди которой лежал большой чёрный камень, плоская вершина которого мрачно проглядывалась на фоне полоски воды, ставшей уже почти чёрной. Он ещё хранил тепло дня. Рене подошёл к камню и положил руки на тёплую шершавую поверхность. Сайка с визгом и смехом влезла наверх, звала Рене и корчила ему оттуда смешные рожи. Но Рене было не до смеха. Тяжело опустившись на песок и привалившись спиной к камню, он глубоко задумался. Вволю напрыгавшись, Сайка, смеясь и тяжело дыша, спустилась с камня и села рядом.

- Похоже, Хирна сама не знает, что делать, – хмуро проговорил Рене.

- Почему?

- Сама посуди. Ну, предположим, нашли мы камень. И что с ним делать? Бежать оживлять мага? Или Архота воевать?

- К магу, конечно. С Архотом нам самим не справиться.

- Не думаю! Маг ведь сам отказался от своего сердца. Захочет ли он вернуть его?

- Конечно захочет. Ведь это его сердце.

- А если нет? Ты ведь слышала, что он натворил, став бессердечным!

- Слышала. Только мне почему-то кажется, что он должен быть с нами, ну, то есть, на нашей стороне.

- Совсем не обязательно! Подумай, ведь вся троица сейчас живёт его злом. И потом, – Рене прищурился и в упор посмотрел на Сайку, – Вот ты бы отдала своё сердце? Променяла бы его на камень, Пусть даже самый волшебный?

- Н-нет, – испуганно пролепетала та и проворно прижала руки к груди.

- И я бы не променял. Ни за что бы не променял! Поэтому-то я и не верю, что маг нам поможет. Как бы ещё не помешал!

- Но Хирна...

- Да! Вот именно! Кажется, для Хирны куда важнее оживить мага, чем известить Архота. Зачем-то он нужен ей, этот маг! Вот только непонятно, зачем? Ведь она сама призналась, что пела всё это время и не знает, что происходит сейчас в большом мире.

- Ну и что?

- Как что? Ведь мы не первые, кого она посылает на эту битву! Это значит, что она всем советовала то же самое! Ей просто некогда было придумать что-то новое. Вот все и шли мага оживлять. И гибли.

- Но ведь она же не нарочно?

- Конечно, не нарочно. Не могла же она сына своего нарочно на смерть послать. Только Архот всё давно уже понял и наверняка там засаду устроил. Места-то лучше не придумаешь. Сиди себе рядышком, да присматривай за дорогой. Не пройдёт ли человек с камешком? Не спросит ли кто, где тут маги бессердечные валяются? И уж в любом случае, если бы боялся он мага этого окаменевшего, то за столько лет уж точно понаделал бы из него кирпичей, ступенек или подсвечников. Он ведь всё равно, что мёртвый и ответить не может. А это значит, что если туда и ходил кто-то с камнем да сгинул, то камень, скорее всего, уже у Архота. Так что искать его не нужно. Найден он давно.

- Как, и камень у него?

- Думаю, да. А раз так, то маг этот каменный у него что-то вроде заводной игрушки. Вставил камушек, оживил ненадолго, поиграл – и опять баиньки... не позавидуешь!

- Что же нам делать?

- Не знаю, – пожал плечами Рене, – Ясно одно: к магу идти нельзя – смерть. И камень искать бесполезно. А это значит, что на западе нам делать нечего. Прямо в лапы к Архоту угодим. Здесь Хирна ошибается. Но в одном она права точно. Чтобы одолеть Архота, надо победить его сердце. Битва предстоит нам нелёгкая. Она уже идёт, хотя я этого и не чувствую. Архот действительно совершил ошибку. С монетой биться надо. Вот только как? Надо легенду эту получше узнать. Только не от Хирны.

- Может, у бабушки? – нерешительно подняла глаза Сайка.

- Пойдём, поздно уже, – помолчав, произнёс Рене вместо ответа и поднялся.

Вечер

Дома их ждал настоящий пир. Бабушка испекла сладкий грушевый пирог. Тонкий аромат чувствовался за добрый десяток шагов до дома. Почуввав его, дети ускорили шаг, а Сайка радостно закричала и бросилась бегом. Рене молчал всю дорогу, но тут тоже не выдержал.

- Стой, всё равно догоню! – весело крикнул он вдогонку и кинулся следом за ней. Они одновременно взбежали на крыльцо, с весёлым шумом застряли в дверях. Каждый хотел попасть в дом первым. Наконец, весело смеясь, они вместе вкатились в комнату, прямо под ноги к бабушке.

- Ну-ка марш мыться и за стол! Фу, какие грязные! Где вас только носило в такой поздний час? – бабушка стояла над ними, грозно уперев руки в бока, но глаза её светились нежностью и добротой. Поэтому дети совсем не испугались.

- Чур, я первая, – Сайка вскочила и метнулась назад. Рене встал, потирая больной бок, и кинулся, было, за ней, чтобы снова устроить свалку в дверях, но юркая Стрелка уже весело щебетала во дворе около умывальника. Стоило Рене подойти, она с визгом обрызгала его холодной водой и бросилась в дом.

Боль в боку напомнила Рене о вчерашних событиях. Он мылся, разбрызгивая холодную колодезную воду, и чуть не плакал от счастья. Впервые в жизни он встретил людей, которых не нужно было бояться. Которые отнеслись к нему с пониманием, добротой и лаской, приветили его как своего, как равного, приняли и приютили. Новые, добрые и непонятные чувства хлынули в грудь, наполнили её всю и просились назад через глаза, заполняя их слезами.

Сейчас именно от него, Рене, зависело, что будет с этой долиной и с этими людьми, которые так понравились ему. Будут ли они свободными или падут к ногам жестокого властелина. Нет, он ни за что не отдаст их ему. Он будет сражаться за них! За всех! До конца! До последнего вздоха! Хирна ошиблась. Она ещё может помочь. Но свою войну она проиграла. Когда и почему – не важно. Просто у него теперь нет права на ошибку.

Сайка уже сбежала за отцом. Кузнец молча вошёл и сел к столу. Бабушка хлопотала по хозяйству, подливая всем чаю и подкладывая ещё пирогов. Рене уплетал за обе щёки. В нём боролись два чувства. Чувство постоянного голода, выработанное за долгие годы жизни в приюте, и чувство ужасной неловкости за свой голод. Впрочем, вскоре он заметил, что бабушка, глядя на него, улыбается широкой доброй улыбкой, и чувство неловкости куда-то улетучилось. Сайка, вымазанная по самые уши грушевым вареньем, прихлёбывала чай и по привычке болтала ногами под столом. Кузнец ел молча, глядя в свою тарелку. Казалось, мысли его витают где-то далеко. Рене поразили размеры его рук. Куски пирога казались до смешного маленькими в огромных узловатых ладонях.

Постепенно ужин перетёк в неторопливую беседу. Рене интересовал меч, который он видел в руках колдуна, и кузнец начал печальную повесть.

- Много лет назад пришёл в долину человек. Он попросил меня сделать ему оружие, которое может сразить Архота. Простым мечом его не убить. Каждый раз, когда обычный меч поражает его, умирает один из его рабов, отдавая жизнь за своего господина. А рабов у него много, очень много. И с каждым днём становится всё больше. И чем больше людей покоряет Архот, тем сильнее он становится. Только оружие чрезвычайной магической силы может сразить его самого, освободив всех людей, поработанных им. Говорят, что такой меч должен быть выкован в Неугасимом Пламени. Но где взять это Пламя, и существует ли оно вообще – неизвестно. Возможно, это просто красивая легенда. Ответов на эти вопросы я не знал. Тогда я обратился к Хирне.

Примерно через месяц человек пришёл ко мне, неся в руках плоскую с огнём. Это было удивительное пламя. Плоская была пуста, но огонь горел, словно питаемый жаром преисподней. Где его взяла Хирна, я не знаю, но оно не гасло даже в воде и жгло нестерпимо. Ещё через неделю клинок был готов. Никогда до этого я не делал такого

оружия, и никогда, наверно, не сделаю больше. Я вложил в него всю свою ненависть к Архоту, который незадолго до этих событий отнял у меня брата. Меч получился тонким, удивительно лёгким и гибельно острым. Однако легко он рубил дерево и сталь, крошил в песок самый твёрдый камень. Он словно впитал в себя всю силу волшебного огня. Пламя жило в нём, яростно обрушиваясь на каждого, против кого поднимался этот меч. Казалось, будто он сам сражается в руках своего хозяина.

Человек принял у меня это оружие. Подняв его над головой, он произнёс: «Я нарекаю тебя Ар-Рихат – Дух мести. И обращаю на Архота, дабы низвергнуть его и иго его навеки». После этого он ушёл и больше уже не вернулся.

- У тебя был брат?

- Да. В нашей долине нет болот, а значит, и железной руды. Незадолго до этих событий он уехал в Сар, чтобы продать оружие и купить железо для работы. Теперь уже никто никогда не узнает, что произошло с ним там. Он погиб совсем близко от дома. Покрывало уничтожило его, когда он возвращался.

- А пламя? – поинтересовался Рене.

- Пламя? Оно словно истаяло. Ещё два клинка выковал я в нём. Нет, оно не погасло совсем. Но каждый раз от соприкосновения со сталью оно точно слабело. Как будто сила уходила из него. Сейчас оно едва теплится. От него можно разве что костёр разжечь. Клинки получились слабые. Магии в них почти нет. Последний я закончил уже в обычном огне.

И всё же Ар-Рихат – чрезвычайно сильное оружие. Пожалуй, только один меч может справиться с ним. Говорят, что такой меч рождает сама Земля. Один раз в тысячу лет.

- А что это вообще такое, Неугасимое Пламя?

- О! О нём мечтает каждый кузнец. И каждый кузнец ищет его всю свою жизнь. С его помощью настоящий мастер может создать уникальные творения. Говорят, что этот огонь сжигает всё и может сплавить вместе сталь и замысел человека, его сокровенную мечту. Поэтому люди, глядя на работу мастера, говорят, что он ковал её в Неугасимом Пламени. Оно горит с начала мира, и именно в этом огне сокрыта сила великих свершений. Древние предания гласят, что оружие, выкованное в Неугасимом Пламени, наверняка исполнит своё предназначение.

Кузнец замолчал. Больше Рене ничего из него не вытянул.

Наумро

Рене проснулся, как обычно, рано. Солнце ещё не поднялось, но на востоке сияла широкая алая полоса зари, отражавшаяся в высоких, причудливо рваных облаках. День обещал быть ветреным. Обычно Рене сразу вскакивал, но сегодня он решил ненадолго остаться в постели. Рене было очень стыдно, но сегодня он впервые в жизни почувствовал лень и приятную истому. Тёплое чистое бельё и сытый желудок способствовали отдыху и не подгоняли его. Сладко потянувшись, он перевернулся на другой бок и смежил глаза. Но сон не шёл. Тогда он просто стал думать, лёжа с закрытыми глазами.

В его памяти вчерашний день остался в виде каких-то неясных обрывков и коротких воспоминаний, поэтому теперь, удобно свернувшись в мягкой кровати, Рене скрупулёзно расставлял эти обрывки в единую цепочку, восстанавливая по крупицам последовательность удивитель-

ных событий. Перед его сознанием вновь прошли Хирна и все детали вчерашней встречи. «Всё-таки она очень много знает и по-своему хочет помочь, но не может», – рассуждал Рене, – «И что-то она явно не договаривает. Ведь знала же она про пламя, хотя ни словом о нём не обмолвилась. Значит, либо не верит, что оно существует, либо думает, что оно не поможет. А ведь это – самое очевидное решение. Ведь пламя рядом, в кузнице». Рене вспомнил огненный меч, который он видел в руках колдуна, и почувствовал неприятный холодок внутри.

Неожиданно на память пришли слова кузнеца: «Пожалуй, только один меч может обладать большей силой, чем меч колдуна. Правда, никто не знает, можно ли его достать. И что будет, если и он окажется в руках Архота». Интересно, что это за оружие?

Рене глубоко вздохнул и открыл глаза. У него осталось впечатление, что он отвлёкся и упустил-таки что-то важное.

- И-и-и-Эх! – Сайка подкралась абсолютно тихо и, внезапно прыгнув на Рене, накрыла его подушкой и стала со смехом мутузить маленькими острыми кулачками, – Вставай, лежебока! Солнце сейчас взойдёт. День начался.

Рене хотел дать отпор, но от неожиданности запутался в одеяле и свалился на пол. Торжествуя взвизгнув, Стрелка вскочила на ноги, бросила в него подушкой и выбежала из дома. Рене долго и смешно дрыгал ногами. Наконец, ему удалось выпутаться, и он, как был, в одних трусах, бросился следом. Сайка шумно плескалась возле умывальника. Увидев Рене, она тут же плеснула на него

холодной водой и со смехом бросилась прочь. Это было уже слишком.

- Эй, ты забыла подушку, – глухо сказал Рене голосом, не предвещавшим ничего хорошего, и кинулся в погону за обидчицей.

Рене раньше видел, как бегают девчонки, выворачивая наружу ноги и смешно поджимая согнутые в локтях руки. Но догнать Стрелку оказалось делом нелёгким. Сайка бежала абсолютно свободно и раскованно, на полной скорости закладывая фантастические петли. Помимо своей воли Рене залюбовался ей. Пару раз она подпрыгивала, делала переворот в воздухе и резко меняла направление. Мальчик по инерции пролетал мимо.

Несмотря на преимущество в возрасте, за пятнадцать минут погони ему так и не удалось ни разу схватить её, и Сайке досталось-то всего три раза подушкой, да и то вскользь и не больно. Наконец они утихомирились.

- Ничего себе, с добрым утром. Ты всех так будишь? – осторожно поинтересовался Рене, когда они возвращались назад.

- Не-а. Только друзей... – хитро прищурилась Сайка, – Давай сюда подушку.

- Хм. Тогда я знаю, что на свете опасней всего, – засмеялся Рене, протягивая Сайке рваную и наполовину выпотрошенную наволочку, из которой в разные стороны торчали перья.

- Что?

- Быть твоим другом... Но я опасностей не боюсь. – Рене расплылся в широкой улыбке. Синяк под левым глазом несколько портил её, но Сайка не обращала на такие мелочи внимания. Она весело засмеялась, затем неожиданно вспыхнула и отвернулась.

- Иди, умойся, – тихо сказала она, – Вон, бабушка молоко несёт. Скоро будем завтракать.

(Продолжение в следующем номере)

Здравствуй, читатель!

Это – первое моё настоящее произведение. Когда-то, ещё в прошлом веке, я увлекался компьютерным моделированием. Однажды я задумал сделать компьютерную игру-бродилку. И сочинил для неё легенду. Ту самую, которая вынесена в начало романа. Согласно сценарию, в этой игре нужно было собрать три артефакта и победить зло. Сценарий простенький, но по тем временам сложных и не было.

А потом универсальное засасывающее устройство из трёх букв (быт) надолго прервало мою работу над ней. А ещё потом вышла компьютерная игрушка «Wizardry 8», и я свой проект забросил. Пока, однажды, совершенно случайно, роюсь в архивах, не наткнулся на легенду. Ни с чем не сравнимое чувство первочтения поразило меня. Она мне понравилась.

И я решил написать рассказ. Маленькую сказку... небольшую сказочную повесть... большую повесть... крупный роман. Мои планы росли вместе с моими героями. Я очень благодарен Рене и Сайке. Не я, а именно они написали это произведение. Потому что каждый раз, когда я брался за окончание, они вели себя не так, как того требовал я. Окончание комкалось. Начиналось продолжение. Новое, более сложное, более красивое, волшебное, лиричное.

Я благодарен своей дочери Надежде и её школьным подругам, которые постоянно требовали от меня продолжения. Я так долго не мог закончить произведение, что мне однажды даже предложили окончить специальные литературные курсы. Я отказался. Я видел особую трогательную ценность написанного именно в непрофессионализме. Переписать образ Сайки с помощью профессиональных литературных приёмов я бы просто не смог. Не поднялась бы рука.

А потом на моём жизненном пути появился Человек. Соратник. Художник. Друг.

Леонид Смирнов. Я смотрел **на** его картины и видел неровные малопонятные образы. Фигуры, линии, уходящие вверх. Но когда я смотрел **в** его картины, я видел правду! Я видел жизнь. Такую, какая она есть. Неровная, малопонятная. Но всегда – ценная и прекрасная.

Сейчас, когда я пишу эти строки, я тоже смотрю в его полотно. Наверно каждый, кто взглянет на него, увидит что-то своё. Кого-то дорогого именно для него. Я вижу Сайку. Такую, какой она будет нескорю. Лет через десять после выхода книги... Леонид дал мне совет.

И я доверился своим героям. Я стал писать не то, что хочу я, а то, что хотят они. И мои герои выросли, стали взрослыми. У них появились детские цели и детские мечты. Они стали великими. А я закончил книгу.

Какая она получилась? Судить тебе, дорогой читатель...

Александр Магусон

P.S.: Когда я дописывал книгу, когда стало ясно, что всё удалось, у меня появилась мечта, что на основе этого материала снимут фильм. И вроде даже были робкие предложения. Однако когда рукопись была почти готова, моя жена, прочитав её, вынесла суровый приговор: «Это произведение нельзя экранизировать. В нём слишком много души...»

*У нас в издательстве
- творческая
лаборатория.
Мы препарирруем слезу,
придумываем новые
имена и
...летаем на Марс.
Ждем вас, читатели
и писатели!*

ТЕКСТЫ С ПОДТЕКСТОМ

«Это Космос смотрит в тебя», холст, масло, 67X50, 2006-07 г. (Из коллекции «Музей Вечный Космос художника Леонида Л. Смирнова»)

Леонид Л. Смирнов

Это Космос СМОТРИТ в тебя

(Отрывок из книги «Сын Неба»)

Сделать хоть что-нибудь приятное для Игоря Храмцова, хоть как-то скрасить унылое впечатление от общения с представителями земной цивилизации стало для меня страстным желанием. Что я мог для Него сделать? Для Него, который мог больше, чем все человечество. Я повел Его в церковь. С Ним рядом я сумел эти ступеньки, на которые так и не затащила своего сильно изменившегося брата Милочка, переступить. Я часто приходил сюда еще студентом, когда за посещение церкви рисковал быть выгнанным из университета, ведь я учился на идеологическом факультете.

Посещение церкви давало мне силу. Здесь я видел совсем не то, что окружало меня на улице, дома. Я не объяснял, куда веду Его, но Он пошел с интересом, с надеждой, наверное. Он слушал проповедь, опустив глаза в пол. Он оставался невозмутим, когда священник, пузатый, со спутанными волосами, во время речитатива негромко рыгнул, но очень артистично вышел из ситуации, затянув распевно низкую ноту. Две старушки перекрестились и продолжали слушать проповедь батюшки. Одна из старушек подошла к нам и сделала Игорю Храмцову замечание: он держал руки за спиной, оказывается, не полагается держать так руки во храме.

Он послушно переместил руки вперед себя. Мы молчали, боясь снова получить замечание, а сказать друг другу хотелось очень многое. Но Он умел прекрасно слышать без слов. В мыслях врать невозможно, невозможно лукавить. Он Слышал то, что вряд ли я осмелился бы сказать. В земном своем воплощении Он оказался человеком очень открытым и искренним. Эти качества совершенно естественны, когда мысли твои окружающие легко считывают. Скрывать их и лукавить бесполезно – все равно считают. Так же легко, как Он считывал чужие мысли.

Хоть Он и не предполагал создание организации, пропагандирующей Его учение, но то, что она существует и действует, Ему явно понравилось. Он подолгу рассматривал Лики на иконах, будто отыскивал черты дорогих Ему людей. Пусть Он встретит Их еще не раз, там, во Вселенной Волновой, но и здесь происходящее было для Него, похоже, небезразлично.

Особенно Его впечатлила небольшая иконка Богоматери, висевшая скромно в углу. Я знал, что церковь эта была возвращена епархии недавно, десятилетиями в ней был склад, и, похоже, этой иконой просто завесили дырку, зияющую в стене. По старенькой штукатурке из-под иконы шла длинная извилистая трещина. Почему-то именно у этой небольшой иконы Он простоял так долго. Будто бы Он разговаривал с Ней. То, о чем Он с Ней говорил, так и осталось недоступным моему внутреннему слуху.

- Мы – не такие, - вдруг отчетливо услышал я, будто загадочный невидимый рубильник включил звук на том месте, с которого мне Разрешено Слышать.

Не сговариваясь, мы сделали несколько шагов к выходу. Вышли на улицу. Когда мы спокойно уселись в парке, где ничто не отвлекало от беседы и никто, похоже, нас не слышал, Игорь Храмцов долго молчал. Похоже, Он слушал своим внутренним слухом все невысказанное мной: о потерянных поколениях, отлученных от Высшего Знания, о проигранной по дешевке судьбе целой нации.

«Для меня неважно, где мои картины будут висеть - в Лувре или на чердаке крестьянской избы. Для меня неважно купят ли их и за сколько. Для меня важно, для меня ценно, для меня самое-самое: то состояние, в котором я был, когда их делал.» Леонид Л. Смирнов.

(Отрывок из книги «Тайные нити земного могущества»)

Сын Неба. Фантастическо-приключенческая повесть. СПб: Нордмедиздат, 2006. – 164 с.

Тайные нити земного могущества. СПб: Нордмедиздат, 2004. – 120 с.

«Творчество - это форма существования Души. Творчество невозможно без Любви, а Любовь - плоска и мимолетна без Творчества.»

Заказ книг: lesmi@inbox.ru
medizdat@mail.xplus.net

- Обнаружилась страшная вещь: оказывается, все их молитвы обращены... к сознанию! - в Его голосе слышались грусть, сочувствие. - Посмотри, о чем они, эти милые несчастные бабушки в платочках, просят в своих молитвах: повысить зарплату зятю, простить за съеденное яйцо во время поста, «пятерку» просят для внука на экзамене, исцелить от аденомы дедушку просят. Одни рациональные понятия! А вдруг то, чего они просят, пойдет им же во вред? Они, что ли, лучше знают, что им на пользу?

Он помолчал снова и продолжил, вздохнув:

- Смысл молитвы – в том, чтобы заглушить сознание! Когда ты сумел ни о чем не думать, ты – Вошел в Контакт с Богом! С Господом на языке сознания не разговаривают! Они ни малейшего представления не имеют о Вхождении! А без Вхождения разговора с Господом – не будет! Смешные, просят у Бога повысить пенсию, просят избавить от грыжи или запора. А вдруг, пока они на пять минут, даже на минуту из-за своего запора дома побудут, на улице в это время промчится машина с пьяным водителем, которая должна их сбить? А они просили от этого запора – избавить! Бог лучше Знает, что вам дать и что вам на пользу. Научитесь только Войти к Нему.

Наконец, я решил показать Ему то, что не показывал никому. Эта картина родилась случайно, такое не спланировать, не рассчитать, не подстроить. Она пугала меня, она так мощно воздействовала на мое состояние, на самочувствие, на успех или неуспех предпринимаемых действий. Она по-разному вела себя в разное время дня, при разном освещении.

Решившись написать картину на библейский сюжет, я ни разу не назвал, не называю и не назову эту картину иконой. Я знал, что не имею права писать икону, пока ни снизойдет Благодать Небесная, а чтобы снискать ее, нужно поститься не менее года, много чего нужно. Я мог говорить резкие слова по части действий людских, но допустить вольный, неоправданный, кощунственный шаг – написать икону, не пройдя необходимые для такого Допущения этапы, я не смел. Я называл это полотном картиной на библейский сюжет. Не более. Специально в правом нижнем уголке холста поставил свою подпись, что не принято у иконописцев. И я решил показать эту картину Ему.

Картина висела в офисе. Тузовский не раз уже рывкал на меня, мол, превратил офис корпункта редакции в мастерскую живописи, но дома как-то не творилось, а в офисе картины никому не мешали, наоборот, с любым посетителем быстрее возникал столь необходимый для дела внутренний контакт.

- У них такие получились странные лица... - невольно оправдывался я, когда мы остановились перед полотном, тем самым, на библейский сюжет.

- Чем же странные?

- Нечеловеческие какие-то. С такими лицами в книжках по фантастике у нас изображают инопланетян. Я наложил множество слоев краски, и вдруг – у Младенца проступили из пространства глаза. Потом у Его Матери. Но такие странные... Я накладывал краску слой за слоем, но опять проступали те же неземные, неверо-

ятные, необъяснимые глаза... Я еще никому это не показывал. Я боюсь. Боюсь не того, что за такую картину церковные фанаты могут побить меня палками. Я боюсь самой картины. Она воздействует. Она не просто воздействует, в ее присутствии появляется нечто необъяснимое, Иное...

- А как, скажи мне, персонажи Мира Иного можно писать в стиле реализма?

- Но ведь писали! Даже в стиле соцреализма.

- А это что такое?

- Этого лучше не знать.

- Я обратил внимание, еще там, в церкви, что все Лики у них – в земном, понятном для землянина изображении – Игорь Храмцов усмехнулся, но с грустью. - Опять в молитвах своих они обращаются к сознанию, к сознанием мотивированным образам. Иначе бы Малыш на руках у Матери не был таким розовощеким и упитанным. Этот Малыш – прекрасен, не спорю, хорошо, что Он – есть, что люди Так относятся к Нему, что хотя бы стремятся к чему-то, не только земными потребностями продиктованному. Но есть и Нечто Большее. Не только частный случай, приемлемый для данной планеты, не только земная проекция Этого Большого.

Я был искренне благодарен за то, что Он, носитель Высшего Знания, говорит с уважением, даже с благодарностью, о столь дорогой для меня скромной земной проекции Высшего Знания в лице храма, икон и куполов с крестами. Он с уважением относился ко всем религиям, считая, что религия несет Слово Божье, хоть и преломленное в человеческих головах. Сколько разных типов голов – столько и религий, людьми придуманных.

Он сказал тихо:

- Мне надо обойти все храмы в городе. Я хочу найти иконы, в которых есть, уж позволим себе перейти на непонятный для этих милых старушек язык, в которых действуют и Творят тонковолюнные колебания. В такой картине, как та, с глазами инопланетян, они есть. Значит, она писалась в состоянии Вхождения! Надо и по музеям походить. Город-то – удивительный. Чего здесь только нет! Поводишь меня? Я не думаю, что ошибусь в своем отборе. Как у тебя со временем? Я добавлю тебе времени столько, сколько надо. А за картину – спасибо!

Он и так сказал слишком много. Обычно говорил значительно меньше. Мне стало спокойнее: если Господь (Высшие Силы, Вселенная Волн, Глубинный Мир, Пространство Иных Измерений) – за меня, за мое творчество, что могут стоять слова и действия тех, кто против меня, кто против моего творчества? Я не боялся противоречий с церковью (с проекцией, с частным случаем). Я боялся противоречий с Господом.

Следующую фразу Он уже не говорил, но я Слышал Его без слов:

- Не стесняйся своей картины. Это Космос смотрит в тебя.

- На меня?

- В тебя!

Там были Глаза, из которых смотрит Вселенная. Глаза, которыми Вселенная – Смотрит. С холста, покрытого красками, в меня Смотрел Космос.

«Помню, когда закончил чтение «Сына Неба», рассматривал портрет автора с каким-то священным ужасом: ЧТО знает и ЧТО может этот человек!.. Музей рисунков «Вечный Космос» Л.Смирнова подстать его сверхчеловеческой прозе - завораживает, околдовывает! Особенно эта длинная дама с длинной собачкой в сполохах золотого огня!»

Эд. Самойлов

Виктор Плиев

Заказ книги
по телефону:
516-11-69

НАЧАЛО ВОСХОЖДЕНИЯ

Наш мир однополярен. Таковы правила игры, навязанные искаженным Знанием. Когда был СССР, мы задыхались в железных тисках этого мира. Теперь мы другие и готовы присоединиться к «Золотому миллиарду». Но продолжаем задышаться. Нам кажется, что Америка правит миром вечно. Но это не так. Америка лишь вершина айсберга. Ос-

нование его – в корнях искаженного Знания. А как его исправить – написано в романе «Матрица Суждения».

Я долго искал ключ к расшифровке этого явления. Пока не нашел Учителя. Он научил меня особому языку, стилю, живости ума и железной логике. А потом указал Путь. И мне удалось примирить материальный мир с Богом. Это стало началом восхождения. Мир откровений стал близок мне. Но я еще многого не знал. Я следовал за Учителем, внимал его словам и готовился к мозговым штурмам.

Этот Путь привел меня к исцелению. Мои глаза открылись, и я увидел, что миром правит искаженное Знание. Оно коверкает не только наш внутренний мир, но уродует и внешнюю картину мира. Так сформировались однополярный мир и в пику ему, его неизбежное зло – терроризм.

И тогда я начал познавать истинное Знание. Для первого шага определился с истиной: «Все народы равны перед Богом!». Этот принцип незыблем, как Библия, вера в Иисуса Христа и Магомета. Лишь затем я построил современную картину Сотворения Мира и познал истинное Сокровенное Знание.

Но искаженное и истинное Знания существовали сами по себе. Мне же было необходимо соединить их, заставить пульсировать и работать. Я вовсе не хотел, чтобы добро уничтожило зло. Это осуществить невозможно. Так же, как невозможно уничтожить Сокровенное Знание. Но зато можно ввести разумную конкуренцию между Знаниями – искаженным и истинным. Другого пути не дано. Только так мог народиться многополярный мир.

Книга написана. Теперь остается ждать, когда конкуренция в Знании заработает. Терпеливо ждать всему человечеству. Но чтобы приблизить наше духовное возрождение, нужно, чтобы такие книги читали все – ведь эта информация поступила свыше вместе с лучами Солнца, Звезд и Планет.

А попутно я познал Матрицу Общения. Она резонировала во мне всеми своими центрами. Поэтому информация в книге получалась расшифрованной вдвойне.

Не сомневаюсь, что приблизит многополярный мир и это древнее изречение: «Бог не есть Разум, но причина, которой Разум обязан своим существованием; Он не есть Жизнь, но причина, которой Жизнь обязана своим существованием; Он не есть Свет, но причина, которой свет обязан своим существованием». Просто не верится, что этому изречению 7000 лет и принадлежит оно первосвященнику Египта, Гермесу Трисмегисту. Такое представление о Боге и в наши дни звучит современно и не может не вызвать восхищения. Хочется воскликнуть: «Какие глубина мысли и полет фантазии!».

Чтобы понять путь, пройденный мной, читайте книгу «Наследники Гермеса Трисмегиста», СПб, 2006.

Юрий Сергеевич Кучиев. 1977 г.

Светлой Памяти Юрия
Кучиева, покорившего
на атомном ледоколе
«Арктика»
Северный полюс

Дорога к полюсу

Ты устремил на полюс ясный взгляд,
Мечта жила в душе неугасимо.
Попыток было много и преград,
С большой надеждой на тепло Гольфстрима.

Из Мурманска отчалил ледокол,
На мостике стоял ты капитаном.
Исполнить историческую роль
Ты должен был, забыв былые раны.

Нелегким стал ответственности груз,
На подвиг ты пошел, отважный горец!
Твоя судьба и крепкий наш союз
Испытаны вершинами и морем.

А путь на полюс закрывали льды,
Бескрайние, суровые, немые.
Пройдешь иль не пройдешь на полюс ты,
Страна ждала, Осетия, родные.

К тебе прикован был тогда весь мир,
Ты обошел самих американцев.
Дойдешь и будешь всей Земли кумир,
А не дойдешь - разделишь смерть спартанцев.

Мечтал на самолетах ты летать
В лазурной чистоте родного неба,
Делами был Гагарину подстать,
Таким подносят на Руси соль с хлебом.

Ты вспоминал и Диксон, и войну,
И как спасал от бомб с бензином баржу.
За подвиг получил медаль свою,
Тебя за смелость похвалил сам маршал.

А впереди торосов белизна,
И полюс где-то - вот он, под ногами.
Дошли, и трехкратное: «Ура!»
Затихло где-то там, под облаками.

Казалось, это было лишь вчера,
Что ты ходить на полюс будешь вечно,
Но вот среди живых уж нет тебя,
Зато звездой героя путь отмечен.

Ты Арктику любил, как отчий дом,
Вновь побывал на полюсе недавно.
Сказать тебе я не успел о том,
Как написать об этом было б славно.

Над Арктикой развеяли твой прах,
Чтоб навсегда ты среди льдов остался.
Ты горцем был, но получилось так,
Что полюс лишь с тобою состоялся!

Виктор Плиев

**Надежда
Васильевна
Воронова -**

Родилась в Ленинграде. Публиковалась в различных изданиях, сборниках. Автор четырех книг (стихи и проза). Лауреат премии Союза писателей России «Хрустальный стих».

Теперь-то я знаю, что это возможно.
Но трудно бывает других научить
Из пряжи вселенской тянуть осторожно,
и вытянуть ту, ариаднину нить.

И, если захочешь, попробовать можно
все звезды, как бисер, на нить нанизать.
И, если умеешь, то вовсе несложно
Себе удивительный джемпер связать.

Красивый и теплый, всегда будет нужен.
Ах, как же уютно в наряде таком!
Он мне согревает озябшую душу
Своим всемогущим, вселенским теплом.

Надежда Воронова

Я в своеволии моем
сменила множество дорог,
совсем не думая о том,
уйдет ли почва из-под ног.

И все куражилась: могу,
могу любым путем пройти.
И обнаружила не вдруг
пустырь вокруг и впереди.

Над пустырем седая мгла.
Домов разрушенных углы.
Чужих иллюзий зеркала -
осколками из-под золы.

Чуть было не сошла с ума,
пытаясь выбраться сама.
Но появился Поводырь,
провел меня через пустырь.

И вот гора передо мной
с едва заметною тропой.
Тропа крута. Но не свернуть,
возможен только этот путь.

Дарья Одинцова

*Таврическому саду
посвящается...*

Плетеная ограда Таврического,
Не стоит переходить на личности
Тех, с кем здесь проходил.
Просто весенний Таврический,
Студентов бегущие тысячи,
Ты - как всегда не один.

Рядом какая-то улица
Прячется, жмурится, хмурится,
Ежась от мозглого дня.
Просто весенняя улица,
Мило старушка сутулится,
Тросточкой ритм вывода.

Садик, замерзшая лужица.
Прутья брыкаются, кружатся,
Я оступаюсь, скользю.
Просто весенняя лужица.
Крошится. Зеркало рушится,
Что отражало тебя.

2000

Я в той же точке,
Я возвращаюсь -
Пусть другие меня встречают -
Ты под ногами,
Ты в каждой строчке,
Я возвращаюсь,
Я в той же точке.

Я сыплю буквы
В цветы польни,
Глаза открыты,
И чай мой стынет.
Я сыплю звуки,
Ни дня без строчки;
Я как редактор -
Я ставлю точки.

1999

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ АЛЬМАНАХ

Зелёная ветка

Эссеистика

Инициатор издания -

группа Санкт-Петербургских литераторов, художников, артистов, ученых, общественных деятелей, объединенных интересами и проблемами, связанными с защитой окружающей среды, общества, культуры

Мысли вслух

Мы не можем не быть милостивы к природе. Сохранять окружающую среду - наша задача

- Художественная проза
- Поэзия
- Публицистика
- Экологический дайджест
- Эссеистика
- Путевые заметки
- Мастерская

**Дарья
Одинцова**

Родилась в Ленинграде в 1980 г. Университет и аспирантура подарили любимую профессию социолога. Стихи давние. Мирощущение оптимистическое.

А. Измайловский:

После чтения сборника поэта «Серебряный меч» сложилось впечатление, что несмотря на молодость Марина уверенно держит перо в руке. А подражательность кумирам пройдет и настанут СТИХИ.

Марина Ковалевская

Сантименты

Горяча болезненная сладость
в чтении Карамзина.
Невеселая стучится
в двери радость:
«Все она, она, она, она...»

Нежная ты,
скрипичная сладость,
ты поёшь,

Поёшь упорно мне,
что вот эта милая нерадость
всех милей сокровищ на Земле.
2005

Танцую я в огне

Танцую я в воде,
Хрустальный веер брызг
Прохладной чистотой,
Фонтанчиком-змеей
Виется вокруг меня...
Огонь – Я,
Я – вода,
И “Да”, и “Нет”,
И “Нет”, и “Да”!

Танцую я в огне,
Смертельною красой
Сожжет вот-вот меня...
Огонь – Я,
Я – вода,
И “Да”, и “Нет”,
И “Нет”, и “Да”!
2004

Карнавал

Двигается народ особый
По Дворцовой мостовой
Чудо-птицею сверхновой -
Разукрашенной толпой.
Иностранцы, как на бале,
Принаряжены сполна,
И ликует на причале
Мисс Народная Волна.

Можно в волнах карнавала
С песней двигаться вперед,
Только скрипка заиграла,
В круг становится народ.
Всюду пары, пары, пары,
Все смешалось в круг живой:
Чебурашки, львы, гитары,
Клоун вертит головой.

Там артисты на машине
Песни разные поют,
Хорошо, видать, зажили:
Из цветов фонтаны бьют!
Веселитесь, пойте дружно,
Карнавал - он раз в году.
Этот день запомнить нужно,
Чтоб осилить с ним беду.

Валентина Федорова

Горлица

В летнее утро под сенью берез
Воздух прохладен и светел.
Белую горлицу - птицу из грез
Я неожиданно встретил.

С гордой осанкой и дивной красой
Ей бы царицей родиться,
В радуге яркой гореть полосой,
В небе звездой появиться.

**Валентина
Перфирьевна
Федорова -**

постоянный член
литературного
клуба «Приневье».
Пишет в разных
жанрах -
и стихотворных, и прозаических.
Это человек с открытой и любящей душой, умеющей откликаться на все, происходящее вокруг.

Леонид Измайловский

Утренний сплин

Вот еще один день застает как всегда враспloch.
Ощутил, что неслышная кровь неспешно шарит по жилам.
Почувствовал где-то у горла вкрадчивый вздох
И потребность запах впитать туалетного мыла.
Вот глаза разглядели горизонта нечеткую близь,
Но гоняться за ним как в детстве никакой нет охоты.
Ощутил во рту от вчерашнего пива слизь,
Содрогнулся от выпавшей из грудины икоты.
Подтащил с ленцой тепловатое тело к окну.
Неизреченным словом поприветствовал воронье на сучьях.
Непроснувшимся мозгом понял, что крепко прилип ко дну –
Вот уже целый час я дразню этих тварей поштучно...

Черт возьми, пора греть кофе и яичницу жарить на сале.
Одновременно набрал чей-то телефонный номер робко
Положил трубку. Побоялся, что начну прям с утра скандалить.
Удивился: как на дне бутылки оказалась пробка?
Снова телефонный диск неуверенно кручу.
Ты подошла. А из кухни уже подгорелый запах.
Алло! Слышу твой голос, который из тысяч я различу,
А хотелось бы просто смять тебя в собственных лапах.
Отпускаю...А на сковородке уже в который раз
Подгоревшая лепешка. Остался кофейный нектар.
А за окном вороны продолжают столетний свой сказ:
Карр... карр... карр...

Давно уж родилась,
Конечно, училась,
В работе над текстом
не раз пригодилась.
А вирши такие предельно
конкретны
И в качестве этом вполне
конкурентны.

Лада Киревичева

Корректорская рапсодия

Вот слова. Хотя и схожи,
Различайте их поостроже.
Можем мы одеть кого-то
И надеть при этом **что-то**:
Скажем, платье или перчатки,
Или шапку, или тачку...
И обуем наши ноги
Мы в ботинки для дороги.
Мы **ботинки надеваем** –
Наши **ноги обуваем**.
Два предмета различаем,
Друг от друга отличаем.
Компрометировать себя
Нельзя, родной язык любя.
В словах таких вот иностранных
«Н» лишнее звучит так странно!
Чтобы вещи не пропасть,
Ее на место нужно **класть**.
(И не «лОжить», и - не «ложИть»,
Класть или просто **положить**).
Есть слова, которым род
Придают порой не тот.
Род свою имеет соль...
Скажем, тюль, шампунь, мозоль...
Их склоняем день-деньской.
Где род женский, где мужской?
С творительной считаюсь ролью –
Шампунем, тюлем и мозолью.
Что спряженье говорит?
Ты звонишь, и он звонит,
И они звонят. – Внимание! –
Здесь акцент – на окончании.

Валерий Сергеев

Одностийсья

Стрелки часов, словно кисти,
рисуют морщины.
■ И горизонта шрам,
перечеркнул всю жизнь.
Жил для себя?
Однажды обернувшись, увидишь
только собственную тень.
■ Часы споткнулись,
как слепой, о кочку.
Мастер не делает
лишних движений.
■ Хлопнувший дверью,
когда-то в нее постучится.
Горы одни ни пред кем
не снимают белые шапки свои.
■ В бабushках,
словно опятах, скамейки.
Вишне в цвету невдомек,
что зима уже скоро.
■ Белое – лучший магнит
для порока.
Люди не птицы,
коль выгоды ждут от потомства.
■ Тугие бутоны сердец
любовь превращает в цветы.

Зам. глав.врача МУЗ
«Городская станция
скорой медицинской
помощи». Преподает,
занимается спортом,
художественной само-
деятельностью, любит
хорошую литературу,
музыку и театр

Уважаемая Елена!

Пишет Вам Валерий Васильевич Сергеев из г. Калининграда.
Не так давно мне посчастливилось прочитать Вашу книгу «Павлины в моем саду».
Меня буквально очаровала Ваша способность так тонко чувствовать, подмечать сложное в про-
стом и красивое в некрасивом, необычайно умело и красочно описывать нюансы межличностных
отношений, а в неказистом и внешне неприметном событии видеть глубокий и сокровенный смысл.
Вам безоговорочно веришь, а Вашим героям - искренне сочувствуешь, вместе с ними раду-
ешься, грустишь и переживаешь.
Несмотря на кажущуюся простоту изложения, книга согрета Вашим душевным теплом, про-
низана добрыми эмоциями, верой в людей и надеждой на лучшее будущее. Она способна взвол-
новать читателя, а при необходимости подсказать единственно верный выход из внешне безна-
дежных ситуаций.
При чтении некоторых эпизодов меня, каюсь, одолевали приступы «белой зависти»: как
жаль, что это написано не мной!
Я очень надеюсь на то, что наша переписка будет иметь продолжение. А для ее начала хочу
представить на Ваш суд всего один из своих рассказов и небольшую подборку стихотворений.
Для меня крайне важно узнать Ваше мнение о том, насколько они удачны.

Заказ книги: medizdat@mail.wplus.net

8 911 274 04 59

Красивая, удобная одежда
может помочь исполнить
Ваши мечты.

А профессионал-портной
осуществит Ваши идеи
из ткани!

Абсолютно женской - блестящей!
Весной - цветущей!
Летом - изысканной!
Осенью - волшебной!

MIX
ЧАСТНОЕ АТЕЛЬЕ

8-962-687-87-06

Штукатурка + шпаклевка + обои + покраска = ЕВРОРЕМОНТ

Мы сделаем
Ваш ремонт
легким!

Рисунок Ольги Эповой

Ждем отклики:
n_norsen@front.ru
medizdat@mail.xplus.net

Надя Норсен

На качелях СУДЬБЫ

*«Меня не раз сбивали влет,
но именно тогда,
когда Вы лежите лицом в грязи,
Вы видите лучшие
свои перспективы»
Шерон Стоун*

ТЕКСТЫ С ПОДТЕКСТОМ

Над головой вновь загрохотал трэйн. «Опять в Манхэттен, - горько вздохнула Майя, - а на сабвэй недостает целых двух квотеров!» Еще недавно она бы с пренебрежением подумала: не «целых», а «всего» и не двух 25-центовиков, а, скажем, тысяч двух долларов для исполнения ее очередного дамского каприза. Во время дефолта в нескольких банках «сгорели» все ее вклады и рухнул, как почти у всех россиян, ее бизнес. «Альфонсистый» гражданский муж в очередной раз свернув налево, где-то затерялся. А сын... все глубже ввинчивался в воронку бесконечных пьянок. И тут она была бессильна...

Теперь вот стоит эта все еще уважаемая леди на краешке чужого государства, в нескольких десятках шагов от кромки берега туманной Атлантики.

Целую вечность назад, в спокойные времена они с сестренкой играли в «жильки-быльки» про судьбы-перевертыши их героинь-кукол: из бедности в богатство, из горя в радость. Много позже мыльным потоком пошли бесчисленные сериалы – о том же! И вот теперь – на собственной шкуре, на обожженном сердце!

Майино сердце зашлось нешуточной тревогой, когда она почувствовала мерзкий привкус ацетона во рту. Так недалеко и до комы – сахарный диабет и голод несовместимы! Всего пара клементинок за сутки! Голова кружилась, противная дрожь в коленях лишала уверенности. Тремор пальцев уже не прекращался, а над головой снова лязгал и гремел трэйн. Теперь в сторону «Оушен Парквэй» - к Первому Брайтону, где в кривеньком плейсе-местечке спряталась ее крошечная комнатка в темном чреве частного дома.

«Если сегодня не оплачу рент (несмотря на то, что Майя только второй месяц мыкалась в Нью-Йорке, уже и думала на корявом англо-одесском сленге), - утром

Все люди смотрят на меня
И о моих корнях гадают:
- Вы баронесса или княжна?
А что ответить им - не знаю.

Но гены дали жизни строй,
Стать и походку мне наметив.
Не знаю, кто был прадед мой:
Орлов, Нарышкин, Шереметьев?

Мне с материнским молоком
Все лучшее дала Россия.
Пусть наш путь не пряником,
Но я горжусь, что мы такие.

Достоинно жизнь прожить хочу
И, несмотря на бездорожье,
Иду вперед. Да нет, лечу!
В России и во мне - все боже.

Валентина Федорова

Надя Норсен (Надежда Сенькина)

По образованию лингвист (английский язык), филолог (русский язык и литература). Работала помощником режиссера в музыкальном театре г. Якутска, заместителем директора картинной галереи, преподавателем философии, этики, эстетики в Якутском университете, корреспондентом и редактором газеты, генеральным директором рекламного агентства.

Многokrатно проходила стажировки по бизнесу в США, продолжительное время жила в Силиконовой долине (Калифорния) и Нью-Йорке.

Более 12-ти лет является структурным руководителем в крупной американской корпорации, недавно создала собственный тренинг-центр.

Начала публиковаться с 14-ти лет со стихами, рассказами и статьями в республиканской печати.

В настоящее время работает над сборником рассказов и очерков, а также романом-трилогией о хитросплетениях судеб бизнес-леди и их окружающих.

мои пожитки выставят на улицу». Жесткие правила. Жесткая страна.

Майя поднесла к лицу руку, как бы пытаясь снять пелену с глаз, и на блеклом октябрьском солнце сверкнуло какой-то еще неопределенной надеждой... Ее кольцо! 24-каратное золото, где в двойной рамке багета горделиво возвышался почти с карат ромбик бриллианта. Да, кольцо! Которое она когда-то вымечтала еще в полудетских фантазиях. И спустя десятилетия уже в новую эпоху новых возможностей, нет, не купила – солидно приобрела в роскошном и знаменитом на весь мир ювелирном магазине во время очередной поездки в Штаты на корпоративный семинар. Как пятерку себе поставила – результат ее труда и ума.

...ноги уже сами несли, обретая былую твердость, к ювелирной лавке среди других брайтонских лавчонок разного пошиба, внутри и возле которых топтались бывшие советские бабульки, живущие на «вэлфэр» - пособие правительства США, вечно брюзжащие, несмотря на сытую халявную жизнь...

«200 долларов!» - неумолимо уронил из пухлых губ ее экс-соотечественник. «Но оно обошлось мне в три пятьсот, и то только потому, что я брала еще несколько вещей. Дискаунт, сами понимаете!» Глазки мужчины, заплывшие жирком, впечатали в нее две пули: «Таки я же на переплавку ваше золото пушу!» «А бриллианты?! 350 и ни центом меньше!»

И уже через несколько минут – добрый кусок пиццы в итальянской забегаловке напротив. И чай, восхитительный, бодрящий чай горячей кровью вливался в ее жилы!

«Майка, какая же ты дурочка! – орала вечером по телефону Лариса, ее приятельница-землячка - что, у меня занять не могла?! В «Рашке» на него с год жить можно!»

«Так то дома! - вздохнула Майя, - а я сейчас жить хочу! И не в «Рашке», Лар, а в России, мать твою! Да и все равно до тебя двух квотеров не хватило. Давай завтра пойдем в суши-бар? Потом - в музей Рериха. После в Централ-Парк: кофе пить и белок кормить, о`кей?!» А впереди было многомесячное «бемиситерство-хаускиперство-дистрибьютерство» чуть ли не во всех округах супермегаполиса. Но главное – в механической, рутинной, рабской суете – переосмысление всего, что зовется жизнью.

И вот наконец – серая Атлантика под крылом на долгие часы перелета. А до этого – лихорадка сборов, таксист, бывший «наш», с хамскими повадками, бездонное нутро Джи-Эф-Кэй (то бишь, аэропорта имени Дж. Ф. Кеннеди)...

Долой белую карточку из загранпаспорта, да не надо мне ставить отметку, я все равно сюда не вернусь!

Как знать, как знать?.. Ап энд даун, вверх и вниз! Года два прошло. На холеной руке элегантно изогнулась, белым золотом сияя, радужно искрясь бриллиантами, змейка кольца – загадка россиянки: негнибачевой, умной, рискованной – из всех бед и злосчастий перелома эпох – снова – ап! – на качелях судьбы! И бережным жестом – чек с четырьмя нулями – в Фонд одаренных детей. Чтобы с ними, то, что случилось с ней, – никогда, и не в «Рашке», а в гордой России.

Только – ап! - на взлете судьбы!

Но как знать, как знать...

БАНДЖО

(Черномыгрантская песня)

*Я скажу Вам, как в Крыму однажды
На какой-то киевский манер
Тёмной ночью мне играл на банджо
Чернокожий белый офицер.*

*Он казался мне таким отважным,
Он являл мне мужества пример,
Для меня одной играл на банджо
Чернокожий белый офицер.*

*Снился мне Константинополь важный,
Снился кареглазый кавалер,
И в моей душе играл на банджо
Чернокожий белый офицер.*

*Только он чекистом был продажным
И увёз меня в СССР,
Ах, зачем ты мне играл на банджо,
Чернокожий белый офицер?*

*Будь же ты, красавчик, проклят дважды,
Ведь меня подвёл ты под расстрел,
Но прошу тебя сыграй на банджо,
Чернокожий... красный офицер!*

Виктор Плиев

ï î ö å ë é

*Ты сбежала к морю одна,
Разорвав оковы любви,
И любить была ты вольна
Вопреки сужденью молвы.*

*Я запомнил твой поцелуй,
Он был сладок словно вино.
Ты шептала мне: «Не балуй!»
И глядела грустно в окно.*

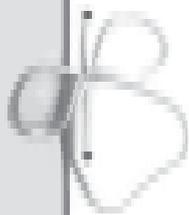
*Нас связала южная ночь,
Аромат морской, млечный путь
И прибой дивная мощь -
Для влюбленных важная суть.*

*Ты сказала мне: «Этих губ
Не дано мне будет судьбой!»
И, меня хватая за губ,
Ты любви казалась рабой.*

*Я запомнил твой поцелуй,
Он был сладок, словно лоза.
Ты шептала мне: «Не балуй!»
И глядела страстно в глаза.*

Независимый иллюстрированный литературный журнал

Девушка с веслом

Колонка редактора

Леонид Костюков. С собой и без себя 2

Малая проза

Алексей Александров. Лесной человек 5

д а й д ж е с т

Главный редактор

Леонид
Костюков

Письмо

Ксения Крапивина. Стихотворения	14
Василина Орлова. Стихотворения	14
Ольга Гришаева. Медвежья колыбельная	14
Евгений Гранильщиков. Чуть выше по руслу реки.. ..	15
Владимир Васильев. Менеджер по покупкам душ	17
Дмитрий Плахов. Под солнечный ритм.. ..	21
Стихотворения	21
Наталья Бесхлебная. Дедушка	22
Ольга Чернецова. Праздник	23

Журнал ориентирован на круг читателей, интересующихся современной литературой, но этот адрес излишне расплывчат, чтобы стать основой какой бы то ни было стратегии распространения.

Так что скажем определеннее: мы ищем своих читателей среди молодых литераторов и студентов гуманитарных вузов. Естественно, если нас находят совершенно другие любители литературы, мы только радуемся.

Журнал «Девушка с веслом» ассоциирован с Институтом журналистики и литературного творчества, а также с премией «Дебют».

«Девушка с веслом» хотела бы познакомиться с новыми авторами, художественными произведениями, а может быть, и идеями по составу и форме журнала.

Ее адрес: lkost1@yandex.ru

Журнал существует в электронном виде (на дисках), его можно приобрести в Москве в магазинах системы «ПирОГИ» (базовыми являются точки на Никольской и на Зеленом проспекте, а также в Санкт-Петербурге - через Дмитрия Румянцева, тел. 496-07-31, моб. 89211849893) или издательство «Нордмедиздат» по адресу Лиговский пр., д. 56/Г, тел. 764-79-31.

Возможна рассылка дисков по заявкам читателей.

Обращайтесь: lkost1@yandex.ru (предоплата),
наложенным платежом: medizdat@mail.wplus.net

ДЕБЮТ

© Фотографы: Боцман, Н.Верещагин, Ю.Гольдина, Е.Заренок, А.Кубрик, Б.Мастеров, Е.Матевосян, В.Нагибин, С.Самойленко.

© Верстка и редакция: Л.Костюков, Е.Кузьмина.

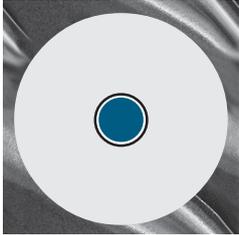
Все права защищены.

Девушка с велосом №8. (CD-диск)
Иллюстрированный литературный журнал
Москва, 2006.

Леонид Костюков

Заказ диска: lkost1@yandex.ru
medizdat@mail.wplus.net

С СОБОЙ И БЕЗ СЕБЯ

Размышления о лирическом и эпическом началах

Есть такие эмблематичные и хорошо узнаваемые фигурки. Пешеход на дорожном знаке. Принцесса, банкир, художник. Немного, конечно, карикатурные за счет выпуклости черт. А вот и поэт. Шевелюра, рассеянный взгляд. Зацикленность на себе. Неустроенность, неуютность. Откровенный, абсолютный (в идеале) эгоизм, от которого, впрочем, и сам носитель не получает никакого удовольствия. Вечное дитя. Неврастеничный изгой.

Реальные поэты могут сильно отличаться от описанного выше значка. Но какой-то повод для заострения все-таки был.

Для сравнения – писатель в типической ситуации практически не опознается. Как, это и есть тот самый НН?.. Неприметный человек среднего роста со стертым лицом. Наблюдается с трудом, потому что плохо вычленяется из фона, из череды второстепенных лиц. Наблюдается с трудом, потому что сам наблюдатель.

Если перейти от человека к занятию, наверное, речь тут идет не о поэзии и прозе, а о лирике и эпосе. Смещение осей статистически незначительно. Поэзия по большей части лирика. Проза по большей части эпос. Так и стрелка компаса смотрит на магнитный полюс, а не на географический. Но, между тем, разница есть.

В центре лирического произведения находится переживание автора. Чтобы точнее передать нам свою эмоцию, автор может подробно описать любимого человека или ландшафт, изложить ситуацию (в итоге которой эта эмоция родилась). Грань между лирическим и эпическим становится трудноуловимой. Но давайте поставим такой мысленный эксперимент. Допустим, лирический автор любит девушку. Может он – в стихах или в прозе – описать с утра до вечера день ее жизни? Почему бы нет. А теперь, допустим, он ее разлюбил. Будет ли он описывать ее следующий день? Конечно, не будет. Но если речь у нас идет об эпическом произведении, то проблема «следующего дня» решается принципиально иначе. Если вчерашний день дал веский повод заглянуть в сегодняшний, если оттуда сюда потянулись сюжетные нити, значит, можно и нужно писать дальше и дальше.

Конечно, эпический автор тоже испытывает эмоции и передает их читателю. Иначе эпос превратится в протокол. Но это эмоции немного другого рода. В каком-то важном смысле эпик любит всех, о ком пишет: мужчин и женщин, положительных и отрицательных героев. И даже все, о чем пишет.

Если попробовать определить ситуацию кратко, то лирик пишет о том, что любит, а эпик любит то, о чем пишет. Порядок имеет значение.

Сверхзадачу лирического автора можно определить как составление индивидуального каталога эмоций, переживаний, настроений, состояний. Не то чтобы мир и другие люди совсем вынесены за скобки. Они необходимы как объект переживания. Любимый человек нужен для того, чтобы испытать любовь. Любовь – для того, чтобы написать стихи о любви. Любимому человеку кажется, что его используют. Поэт-лирик не очень понимает, о чем идет речь. Ведь и он старается не для себя, его точно так же использует безличный культурный механизм. Пчела собирает нектар, преобразует его в мед и откладывает куда надо. Пчела на хорошем счету в улье, висит на доске почета. А цветок, видите ли, обижается...

Вопрос о полноте каталога оставим пока открытым. Одиночество, гордость, обида, надежда, тревога, ужас бытия, нежность, любовь, предчувствие любви, ревность – это, пожалуй, обязательная программа. А еще – измена, вина, сознание собственного ничтожества, ярость, богооставленность. Расширение границ лирического «я» вынуждает автора переступать через скучные нормы человеческого общежития. Если ограничиться историей отечественной поэзии, то именно этот нравственный беспредел стал едва ли не главным внутренним содержанием Серебряного века – вспомним мемуары Бунина и Ходасевича.

Леонид Костюков

Сайт «Вавилон»: Родился в 1959 году. Окончил механико-математический факультет МГУ и Литературный институт (семинар Анатолия Кима). Преподавал в школе литературу и математику. Публиковал статьи, эссе, стихи, прозу в периодике («Дружба народов», «Соло», «Авторник», «Арион», «Еженедельный журнал», «Независимая газета», «Неделя», «Пушкин», «Русский телеграф» и пр.). Женат, трое детей. Главный редактор журнала «Девушка с велосом».

Испытание на себе, пропускание сквозь себя мощных эмоциональных полей сближает лирического поэта и актера. Пережить, чтобы показать. Стоп. А как же нам поступить с базовым тезисом Мандельштама насчет того, что актер и поэт – противоположные профессии?

А поступить очень просто: Мандельштам – не лирический поэт. То есть совсем. Он использует поэзию как инструмент объективного исследования мира. Мандельштам не расширяет спектр авторских переживаний, а, наоборот, фокусирует систему, сужает луч до иглы. Любой неправильный поступок неизбежно искажает оптику; тем самым идет неуклонное выпрямление и сужение жизненного маршрута. Цель – Истина.

Пастернак, в отличие от Мандельштама, охотно путает поэта и актера. Хрестоматийные:

*Но старость – это Рим, который
Взамен турусов и колес
Не читки требует с актера,
А полной гибели всерьез,
или:*

Гул затих. Я вышел на подмостки...

Есть примечательный эпизод в воспоминаниях Ольги Ивинской. Она возвращается из лагеря, где провела четыре года по сути за связь с Пастернаком. Они уговариваются встретиться, но Пастернак ведет себя сухо и напряженно. Ивинская понимает: они встретятся – и чувство либо снова вспыхнет, либо нет. Как порядочный человек Пастернак не хочет обнадеживать свою бывшую любовницу даже интонацией. Он, разумеется, хотел бы, чтобы все кончилось хорошо, то есть не кончилось, а как раз продолжилось, но он не властен над своими чувствами, а чувства тут решают все. По сути, они оба становятся заложниками ситуации.

Все кончается хорошо. Свежий воздух отдаленных мест пошел на пользу Ивинской. Огонь чувства разгорается с новой силой. Любовь побеждает смерть.

Да, вроде бы все правильно. И все же как-то тревожно опираться на зыбкую материю чувств в узловых пунктах своего существования. Усталый священник к вечеру может не испытывать бурного религиозного аффекта, но на вопрос «Есть ли Бог?» спокойно и уверенно отвечает: «Есть». Отвечает, заметим, не только словами, но и всеми своими действиями. Готовится к завтрашней службе.

А если бы наша бессовестная советская власть (которую, заметим, раздражала связь Пастернака и Ивинской) оказалась немного искуснее в своей подлости и выбила подруге поэта передние зубы или четыре года кормила ее такой пищей, от которой пухнет тело и портится кожа?

Отношение к жизни как к эмоциональному полигону порочно еще и тем, что чувства при повторе теряют интенсивность. Родился ребенок (мощнейшее переживание отца). Первый шаг, первый зуб, первое слово. Потрясающе. А как насчет шестого зуба, пятого диатеза, трехсотой пеленки? С точки зрения пополнения эмоциональной палитры – излишне. К ребенку, впрочем, это не относится. Он и в трехсотый раз орет на полную катушку, как в первый.

Сумма обязанностей, сумма повторяющихся полумашинальных поступков образует материю повседневности. Для лирического автора – это ад, из которого он должен так или иначе спастись. Для нормального человека – среда обитания.

В отрыве от повседневности жизнь исчерпывается быстрее, чем проживается естественным путем. Представьте себе, что каждое новое утро вы встречаете с установкой испытать новое ощущение или, по крайней мере, сильнее, чем прежде. По сути, это адреналиновая зависимость. Сколько суток может продлиться такой марафон?

Сейчас, в двадцать первом веке, мы видим вокруг себя какую-то далекую стадию существования христианской цивилизации. Сегодня она – Голливуд, супермаркеты, шоу-бизнес. Массовая культура исправно производит массовых кумиров. Вероятно, подавшись безумию, культура немассовая тоже потихоньку принимается за то же занятие.

Жил в Екатеринбурге молодой обаятельный талантливый Борис Рыжий. Писал хорошие стихи. Пил. Водился с дурной компанией. Выигрывал чемпионат города по боксу. Любил, женился, обзавелся ребенком. Повесился...

Это трагическое событие стало как бы отмашкой для череды безответственных высказываний, начала канонизации. Воспоминания о Борисе Рыжем складываются чуть не в житийную литературу. Отметим на полях, что социум не восстанавливает справедливость: Рыжий и при жизни был вполне воспринят и обласкан.

Если коротко, Рыжий воспроизвел есенинский подход к жизни.

Сергей Гандлевский говорит о Рыжем как о чистом лирике. Точное и примечательное замечание. Борис Рыжий с величайшей честностью проходит путь чистого лирика от начала до конца. Каталог составлен. Интенсивность чувств спадает. Остается, собственно, сделать один шаг – или перейти к эпосу.

В христианстве самоубийство – страшный грех. В современной христианской культуре – своеобразный индикатор последней искренности, веский аргумент в пользу самоубийцы. Фадеев в сознании интеллигенции был то ли хорош, то ли плох. Застрелился – стал скорее хорош. Совесть замучила, значит, не отмерла. Маяковский... ладно, это все страшная эпоха, не нам судить. Но все же – мне приходилось посещать дома, где в комнате родителей висели как бы иконки Есенина и Хемингуэя, а в «детской» – Курт Кобейн.

Наш литературный истеблишмент предлагает Бориса Рыжего в качестве образца для молодых поэтов. Меня, честно говоря, коржит от этого. И не потому что стихи Рыжего недостаточно хороши. А потому что дорога отчетливо ведет в петлю.

И все-таки речь идет о корпусе стихов. Каталог переживаний полон, задача лирики исчерпана, что ж, ни добавить, ни убавить, пора и честь знать. Но стоит изменить ракурс взгляда, и задача поэзии становится неизмеримо шире и глубже лирической.

Чистыми лириками и даже лириками по преимуществу не были: Анненский, Гумилев, Мандельштам, Заболоцкий, Ходасевич, Г. Иванов. Закон о приближительном тождестве поэзии и лирики буксует не на неудачниках и дебютантах (Бог бы с ними), а как раз на вершинах поэзии.

Ребенку его рецепторы сообщают настойчивую весть: вот мир, а вот ты. По ту и по эту сторону ощущений. Потом мозг совершает множество абстрактных операций и сильно корректирует исходную дихотомию. Я оказывается далеко не таким исключительным и превосходно встраивается в разнообразные мы – от грустной шеренги первоклассников до партий, конфессий, профессиональных цехов. А мир получается большой, загадочный и интересный, не нам чета. Но это как бы унылый здравый смысл. А поэт склонен доверять чувствам, рецепторам. Он обращается в зрение, в слух, в боль. В чувствилище.

Они-то, рецепторы, сами собой не перестраиваются. Их баррикада как лежала, так и лежит между вне и внутри. Рецепторное бытие, постоянное раздражение нервных окончаний – вот одновременный рецепт лирической функциональности и вечного детства. Отсюда и прет набивший оскомину инфантилизм поэта в

быту. Только в быту? Конечно, нет. Смещение магнитной стрелки с реальности на переживание реальности – признак детства. Детское проступает в пушкинском Сальери, купающемся в своей зависти, или в пушкинском Скупом рыцаре, купающемся в своей скупости. Заметим – не в Пушкине, а в его героях.

Зрелая сила практически выпадает из поля зрения лирического автора. Понятно почему – она не есть переживание, не есть чувство. Сила проявляется через действие (сюжет, драматическое напряжение, эпос), важным становится ход и результат действия, а не его аффект.

Возможно, «Я люблю тебя, жизнь» занимает такое значительное место в нашей культуре именно потому, что Ваншенкин сумел как-то извернуться и лирически, не вдаваясь в детали, пережить ощущение уверенности, владения жизненной ситуацией. «Я шагаю с работы устало» через пару десятилетий отзовется у Кормильцева-Наутилуса «Здесь мерилом работы считают усталость». Правы оба – лирически пережить повседневную, рутинную работу иначе как через усталость затруднительно, но смысл этого лирического переживания невелик. Это как эпизод из советского кино: чумазые лица, горящие белки глаз, потный чуб прилип ко лбу, что-то из-за границы кадра ловят и за другую границу кидают. Музыка Свиридова или Хренникова. Чувство выполненного долга крепнет, но выполнен ли долг, неясно. Для прояснения надо выглянуть из кадра, что в лирическом дискурсе (извините, вырвалось) невозможно. К середине восьмидесятых становится очевидно: долг не выполнен.

Герой Ваншенкина (= Ваншенкин) еще этого не знает. С какой работы он шагает, мы так никогда и не узнаем. Очевидная безвкусица («Я люблю тебя снова и снова» – что это за поручик Ржевский, да ведь речь к тому же идет о жизни...) прощается автору именно за выполнение лирической миссии в особо неподходящих условиях.

Но вообще-то миссия невыполнима. Взрослая жизнь... скажем, не боясь пафоса, взрослое счастье складывается из добровольно принятых обязательств, взаимных зависимостей, действий. Знаешь, дорогая, когда я кормил кота, внезапно почувствовал укол какой-то неземной... Короче – кот покормлен? Лирическое становится маргинальным, поэт как носитель переживания изгоняется. Просто потому что сейчас будут переставлять мебель и не надо тут мешать.

Подросток становится взрослым. Пожалуй, не в тот момент, когда начинает любить кого-то больше себя. Он и маму еще в колыбели любил больше себя, и девочку-одноклассницу тоже. А когда перестает упиваться собственным чувством, купаться в нем и добровольно встраивается в мир.

Поэт переходит на прозу.

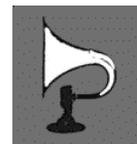
Уточним: в нормальных обстоятельствах лирик переходит к эпосу.

Еще год назад мало кто в Москве знал о Борисе Херсонском. Я, например, не знал. Он появился на осеннем поэтическом фестивале 2005 года и обратил наше внимание – не на себя, а на свои стихи, а через стихи – опять не на себя, а на героев этих стихов, и даже через героев не намекал на себя. Говоря совсем точно, не намекал ни на кого одного. Тут, пожалуй, отличие подлинного эпоса от эпоса бутафорского, по сути, лирического: подлинный эпос говорит о разных людях, за фигурами же бутафорского эпоса угадывается одна...

Очень похожее рассуждение есть у Кундеры в «Невыносимой легкости бытия», о лирических бабниках и эпических бабниках. Но я, говоря о бутафорском эпосе, имел в виду Бродского – его Старший Плиний, и неназванный собеседник Фортунатуса, и капитан Немо – все преломления автора.

* * *

Едет Иванушка на печи.
Валит дым из трубы.
Ухают совы. Кричат сычи.
Хлопает дверь избу.
Скажи: «Если бы да кабы»,
не можешь сказать – молчи.
Опускается гиря. Идут часы.
Кукушка себе на уме.
Подрагивает ушко лисы,
петушок у лисы в суме.
Щуки плещутся. Воют псы.
К покойнику или к зиме?
Яблонька, яблонька, спрячь меня,
речка, укрой волной,
печечка-печка, поддай огня,
тюрьма, стереги за стеной,
кольца-колечки на срезе пня,
кружитесь, играйте со мной!
Скажи: «Я был, текло по усам».
Неправда, не был, не лги.
Скажи: «Не надо, мама, я сам».
Ты сам, а вокруг – враги.
Лицо запрокинуто к небесам.
«Я не могу. Помогите!»

В этом стихотворении Бориса Херсонского ужас существования настаивается в эпическом описании, а затем разрешается выбросом речи. Первый монолог мы связываем с героем, Иванушкой. Источник второго голоса размыт. Назвать его автором – такой же произвол, как, например, архетипической Мамой или Высшей Силой. Можно сказать, что это ответная реакция самого эпического материала.

Вообще, если даже считать непосредственный эмоциональный выплеск лирическим, то сразу видно множество способов привить лирику эпосу. Автор может посреди повествования вдруг заговорить от себя, горячо и открытым текстом, как это часто делает Гоголь или Карамзин в «Бедной Лизе». (Кто бы им запретил?) Лирическим субъектом может стать любой персонаж, в том числе, второстепенный. Само повествование может оказаться вплавленным в живую речь героя, как, скажем, история о генерале и затравленном ребенке, изложенная Иваном Карамазовым.

Вместе с тем эпос становится эмоциональным и без таких прививок лирических черенков. <...>

Впрочем, откровенно эпичен один из ярчайших поэтов современной Москвы Андрей Родионов, издавательно эпичен изящный и точный Валерий Нугатов, явно не собой заинтересована Мария Галина. Перечисление захлебывается обилием примеров. И тут еще одно (последнее) соображение.

По-моему, за последние примерно пятьдесят лет возникла и окрепла возможность быстро рассказать историю. Есть на что опереться, то есть множество культурных заготовок, которые остается чуть подкорректировать. Кинематограф обучил все искусства быстрому монтажу. Далее – вообще ускорилась речь, наработала приемы и ходы сжатия и ускорения. И – эпос стал доступен уже не поэме, а относительно недлинному стихотворению. Попал в формат.

Начиная с «Кинематографа» Мандельштама, через песни Высоцкого и Галича, через виртуозный пересказ «Игрока» у Гандлевского, эпос как бы обживается в поэтической речи.

Потому что все-таки опорное отличие между прозой и поэзией – в физическом объеме высказываемого (объем недосказанного, несказанного, возникающего за текстом в поэзии может быть запредельным).

Девушка с веслом №1. (CD-диск)
Иллюстрированный литературный журнал
Москва: 2005.

Алексей Александров

ЛЕСНОЙ ЧЕЛОВЕК

Заказ диска: lkost1@yandex.ru
medizdat@mail.toplus.net

1.

...Лето тысяча девятьсот девяносто второго года я провел в лесу; судите сами: июнь, июль и без малого август. Далеко-далеко бесилась холера. Я, худощавый, но крепкого здоровья молодой парень, в глуши надеялся избежать эпидемии.

Стараясь не думать о том, что происходит в городе, я и Яков занимались обычными делами: приводили в порядок рыболовные снасти, чистили оружие, обустривали сарайчик. Добыча необходимого для двух человек пропитания была делом времени. Здесь, конечно, основную роль играл огромный опыт Якова. Охотник провел в лесу большую половину своей жизни, однажды решив уединиться и уйти от суеты, характерной для скопления людей. Последние пятнадцать лет он жил в домике на берегу озера, не далеко от могил двух утопленников. Одиночество и близость кладбища нисколько не тяготили этого молчаливого и доброго человека. Когда-то он завел собаку; клички ей не дал; собака погибла в 1984 году, разорванная на части неизвестным лесным чудовищем.

Тем летом часто выдавался подходящий для рыбалки день.

Мы накачивали воздух в резиновую лодку и отправлялись за плотвой. Озеро было совсем небольшое, и нередко мы переплывали на другой берег и там удили рыбу. Ясное дело, на голый крючок много не наловишь. Нужно запастись приманкой. В день рыбалки, рано утром, матерясь и хлопая друг друга лопатами по задницам, разгоняя сон, мы отправлялись за червяками. Яков знал одно место, где черви лежали под землей, сплетаясь в громадный шевелящийся ком, как будто пожирая друг друга.

Ничто первое время так не было мне не по душе, как необходимость просыпаться в пять часов утра, а иногда и раньше. Для студента-астронома ничего хуже не придумаешь, да и для любого студента три часа ночи - не слишком позднее время отхода ко сну. Уже где-нибудь под утро студент засыпает над книжками, держа в руке медную пулю на ниточке - нехитрого устройства будильник.

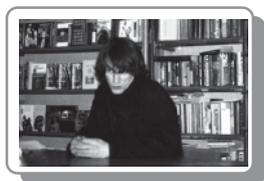
Оказалось, все дело в привычке, и очень скоро после бегства из города я привык просыпаться вовремя. Недолго повалявшись на нарах, я бледным, обнаженным выскакивал из избушки. Иногда я окунался в ледяную воду, другой раз просто брился перед осколком зеркала, прикрученным проволокой к дереву, или сидел на влажном мху, чтобы взбодриться. К этому времени Яков успевал развести костер, согреть немного воды и приготовить чай. Чай был особенный, по-правильному назывался чага. Потому что это был северный чай, заботливо срезанный, раздробленный и высушенный древесный паразит. Так вот, затем мы завтракали, мясом или чем попроще. Помню, часто приходилось колоть дрова. Дрова были нужны, во-первых, для печки в избе. Во-вторых, для костра. В-третьих, для бани. Каждую неделю

«Сентябрьской ночью охотник был разбужен громким стуком в дверь. - Открывай, - говорил кто-то снаружи, - сейчас повеселимся».

Когда бродишь среди карельских сосен вот так, совершенно один, начинаешь невольно задумываться о Боге

Алексей Александров (Листопад)

Одна из самых загадочных фигур современной литературы.

По образованию физик, по роду деятельности связан с альтернативной музыкой.

Автор одного из лучших рассказов, написанных по-русски, - «Лесного человека».

(можно было и чаще) мы парились в маленькой бане. Хорошо после бани! Особенно если оденешься в чистую одежду. Требовалось много, очень много дров, и мы едва успевали их колоть достаточное количество.

Дни не особенно отличались один от другого, разве что погодой. Отдыхать в лесу некогда, тебя ждет рыбалка, колка дров, обустройство сарая и курение табака. Курить как обычно мне надоело. И я начинал просто жевать папиросы, втягивая носом лесные испарения. Любое колебание почвы заметно под ногами в такие моменты. Табак был противен на вкус, я плевался им.

С Яковом я поладил легко и быстро. Разговаривал он мало. По-видимому, он вел дневник: часто что-то записывал в тетрадку, мне читать не давал. По мне так если не вести в лесу дневник, сойдешь с ума. Я тоже вел дневник, но не знаю, чем он мне помог.

12 июня. Около полудня встретил катер из деревни. Вести тревожные: погибла половина населения города. Привезли консервы, леску, рыболовные крючки, папиросы и керосин. Яков отсутствует: бродит по лесу уже вторые сутки (с ружьем). Наверняка выслеживает кого-то.

Переждав эпидемию, я надеялся вернуться в город с тем чтобы продолжить занятия в университете. Многим ли моим друзьям удалось спастись, думал я. Когда я уезжал, творилось такое! Да, право, я старался не думать об этом.

Карельский лес дает мало поводов для радости человеку, попавшему сюда впервые на долгое время. Более того, здесь сразу мерещится скрытое от глаз злодейство. Многочисленные мари, ламбушки, погубившие сотни людей, загадочные нагромождения валунов - все это наводит на мысли о смерти. Я бродил здесь целыми днями и не встретил ни души. Впрочем, завидь я кого-нибудь издали, наверняка постарался бы избежать встречи. Почему - сам не знаю. Почему-то страшно.

Обычно подсознательная часть человеческого мозга представляется нам песчаной косой; в песок врыты прогнившие доски, увенчанные человеческими черепами. Это не так. Пограничная полоса между сном и бодрованием, или, если хотите, между жизнью и смертью - это не что иное, как карело-финская территория, прекрасный заболоченный край, край голубых озер, край лесей, увязших в трясины, - а мне пришлось увидеть одного такого.

Десять тысяч лет назад по этой местности прошел ледник.

Огромные массы наступающих льдов выворотили из земли огромные камни. Рельеф изменился. Тем не менее в Карелии нет слишком глубоких озер и слишком высоких холмов. В конце концов человек разумный обнаружил здесь сотни сотен различных водоемов и нагромождения сырого мха, а еще главную загадку для нас - деревья.

Ты скажешь, это все фантазии и я немного заиклен на мыслях о собственных похоронах. Но я слышал о некоторых случаях, происшедших в разное время с охотниками и рыбаками. Истории эти лишней раз подтверждают, что самая неожиданная беда может приключиться с каждым в этих местах.

Местные жители любят проводить свой отпуск, каждый день уезжая рыбачить на одно из ближайших озер. Особой популярностью пользуются ламбушки. Это озера относительно невеликие, с низкими топкими берегами. Хорошие места для рыбной ловли, где можно попытаться поймать на спиннинг крупную щуку. Если и

ты хочешь попробовать, надевай резиновые сапоги - стоя на одном месте, рискуешь увязнуть по щиколотку в мгновение ока.

Некие пятеро сослуживцев отправились промышлять на ламбушку. Пасмурный день будто предвещал несчастье. Один из рыбаков решил сразу обойти озеро и покидать удочку, пока остальные грелись у костра. Приятели вскоре потеряли его из виду. Прошел час, а он все не возвращался, и это казалось подозрительным. Мужчины посидели у огня, молча покурили, и отправились искать товарища. И на другом берегу они обнаружили страшную картину - из берега коварной ламбушки торчала удочка, а под ней в луже воды лопались пузыри. Человека засосало, такие случаи бывали раньше.

Короткое северное лето не вдохновляет на купание и солнечные ванны. Редкую жару здесь переносить невозможно. В августе - время сбора черники, в сентябре - брусники и морошки. Ягода - скудная растительная пища. Ею трудно прокормиться. Ягоды годятся лишь на варенье.

Зверье избегает людей. Я видел лося, зайца, медведя и белку - каждый раз очень неблизко. Пуганые звери. Видел еще нескольких животных, но затрудняюсь отнести их к какому-либо виду.

Трудно о таком месте сказать, нравится оно тебе или не нравится. Все проще: ты в нем либо жилец, либо не жилец. Зимой, по словам Якова, в чаще царит абсолютное спокойствие. Лес затихает, где-то скрывая свои силы, чтобы очередным летом свести на нет ощутимую часть жителей окрестных деревень.

Дикие заросли таят в себе магию. И если кто-то находит в них источник долголетия, то другой исчезает без следа. Даже опытный охотник Яков вряд ли сможет объяснить, что с ним стряслось, с этим другим.

2.

... Бывало так, что Яков возвращался с промысла за полночь; я просыпался, чтобы отпереть ему дверь. Яков готовил себе ужин, а я спокойно спал дальше.

Белая ночь в городе - явление приятное; слегка навеселе, гуляя по Ленинграду около разведенного моста, все же можно получить по морде. Но сидя один в трехкомнатной столичной квартире, ты можешь спокойно выключить электричество и не бояться мрака, не бояться во тьме крошечной обнаружить под одеялом дюжину мохнатых пауков. Иное дело лес - тут все не так, как в Ленинграде. Ты сидишь в избушке, кушая вареные клубни; все хорошо, в доме имеется настольная керосиновая лампа и радио, которое может бормотать всю ночь. На стене на гвоздике висит оружие труда. Жесткие доски слегка беспокоят прыщ на сиделище. Но ты вымыт, причесан и согрет. Что может нарушить твой покой? Да разве что окошко и вид за ним. Избегай поворачивать голову в его сторону.

Ведь за окошком - сумерки. Шумят раскачиваемые ветром сосны. Вдруг кто-то подкрадется к избушке, проберется между деревьями и быстро, неожиданно заглянет внутрь! У него все преимущества: ночью в окно смотреть лучше с улицы, самого смотрящего при этом почти не видно из избушки. Все равно тебе придется поволноваться, увидев за окном омерзительнейшую харю, внезапно возникшую из темноты.

А потом злоумышленнику ничего не стоит разбить стекло стволом ружья и выстрелить наугад.

Это может произойти в любой момент, и ты, не отрываясь, разглядываешь сосны, окружающие дом. Картошка с трудом лезет в горло; признайся в этом, друг.

3.

Я вспоминаю то лето как сон; лес помутил мой рас-судок.

Он вползал в меня как только мог - торопливо, но не спеша, день за днем - всего около восьмидесяти дней. О чем бы я не думал, это все равно был лес; сегодня я был не такой как вчера, но я был в лесу. Я понемногу прижился в нем. Или мне так показалось.

Однажды Яков, как обычно, пропал с самого утра; я же, сделав все необходимые дела, отправился погулять по окрестностям. Воздух был наполнен писком миллио-нов комаров. Увлечшись прогулкой, я отошел от избушки километром на пять; там приходилось то карабкаться, то быстро сбегать с крутых пригорков. Настроение у меня было хорошее, я даже что-то тихонько напевал. Я и не думал, что встречу в этих местах Якова. Увидев его, я хотел было его окликнуть, но в последний момент прикусил язык.

Прячась за деревьями, я приблизился к поляне, посреди которой высилась большая муравьиная куча. Рядом была разбросана одежда охотника. Его ружье висело на сучке ближайшего дерева. Сам же Яков, голый волосатый Яков лежал прямо на муравейнике. Он был весь облеплен насекомыми, казалось, его тело разрисовано диковинным узором, и узор этот постоянно менялся. Я отчетливо видел, как Яков довольно шевелит пальцами ноги.

Поглядев немного, я тихо отошел прочь, смущенный, будто стал невольным свидетелем некоего интимного акта. Позже я нашел объяснение увиденному. А именно тогда, когда впервые проделал это сам.

Часто мы сидели вечерами в избушке, слушали радио (как правило, государственные радиостанции) и молча пили чай. Иногда Яков разводил спирт, предлагал немножко мне, а сам выпивал прилично. Но помалкивал, если не напивался совсем. А если напивался, лицо у него делалось красное; он закуривал папиросу и начинал посвящать меня во всякие лесные разности.

Меня удивило то, что он, человек дикий и молчаливый, оказался неплохим рассказчиком.

Начал он с того, что стал делиться со мной опытом добычи пищи в лесу:

- Никогда не ешь кору с деревьев, - поучал он, - кора часто бывает ядовитой. Не бери пример с лося. Лосиный желудок груб, лось может питаться даже мухоморами.

- Самая главная еда в лесу - это грибы. Грибы есть мужские и женские. У женского гриба поменьше шляпка, а ножка утолщается поближе к бедрам. Корень у такого гриба раздвоенный. А вот у мужского гриба - у того корней совсем нет. Он шастает туда-сюда, заденешь ногой, и отлетит. Ночью увидишь в лесу зеленый свет - туда не ходи, там грибы спариваются. Они в такое время могут загрызть насмерть. Один укус женского гриба может оказаться смертельным даже для медведя. Да и вообще, чтоб не нарваться, грибы осторожный охотник днем собирает.

Я с изумлением слушал Якова; его рассказы всегда оказывались откровением для меня.

- На ягодах долго не протянешь, - сообщал он доверительно, - а охотись лучше на лесного зверя. Лишь бы здоровью не в убыток. Опять-таки - опасайся крупных хищников. Лучше всего ловить дикого кота. Ну, мы видели одного вчера. Замолаживался.

- Замолаживался?

- Замолаживался, - еще более странным голосом произнес охотник и внимательно посмотрел на меня своими сумасшедшими глазами. Потом вдруг спохватился и объяснил:

- Потому что так говорят: дикий кот замолаживается.

- Когда хочешь напасть на него, нужно зайти сзади, так лучше всего. Кот шевелит ушами, но не оборачивается, виду не подает, что тебя заметил. Тут ты хватаешь его за хвост, поближе к туловищу, так удобнее. И начинается драка. Дальше главное не теряться. Любой человек сможет справиться с котом. Значит, хвост не отпускаешь, хватаешь за голову. Он разевает пасть, воеет, но ничего сделать не может. Другой прием: хватаешь его за задние лапы, за обе сразу, и валишь набок. Потом либо сразу втыкаешь нож ему в брюхо, либо меняешь захват: одной рукой держишь хвост, другой вцепляешься в загривок. Кот пойман, взят голыми руками. Если ты не уверен, что так долго его удержишь (например, сильно кот корячится), делаешь знак товарищу, и он стреляет из ружья. У тебя в руках отличная туша лесного кота.

- Коты, знаешь, дерутся между собой. Метят кашками территорию. Так у них, у котов, заведено.

Во время подобных разговоров бывало, что Яков вдруг замолкал, мрачнел, наливал себе еще, закуривал еще одну папиросу...

На протяжении всего месяца июля меня беспокоили странные ночные шорохи вокруг нашего жилища. Яков говорил мне, что это мыши, что, мол, ночью они особенно шумят. В избушке было несколько мышеловок - трехлитровых банок с куском сала на дне. За ночь в одну такую попадало с полдесятка мышей.

- Но я слышал, как кто-то ночью обходил избушку, и трещал кустами, - говорил я Якову. Он ничего мне на это не отвечал.

Однажды, увидев за окном мелькнувшую фигуру, я разбудил Якова. Он, как полагается в таких случаях, зарядил ружье, и мы вышли наружу. Побродив вокруг, мы ничего не нашли. Только лисица выпрыгнула у меня из под ног. Быть может, она и потревожила нас тогда, не знаю.

Как выяснилось позже, лесной человек был уже совсем рядом. Он только потом заявил нам о своем присутствии.

Я не раз пытался узнать что-то еще, я понимал, что здесь некая тайна, загадка, но Яков упорно отмалчивался. Пока, наконец, на него не подействовал в нужном количестве алкоголь. Я услышал об очень интригующем происшествии, имевшем место в прошлом году, когда охотник жил один.

Сентябрьской ночью охотник был разбужен громким стуком в дверь.

- Открывай, - говорил кто-то снаружи, - сейчас повеселимся.

Яков вскочил с нар и схватил фонарь. Отсыревшие спички долго не зажигались. Стук в дверь тем временем превратился в ужасный грохот. Яков выронил спички, и они рассыпались по полу. На голову его опустилась дубина; охотник рухнул на холодный пол и поднялся не сразу, по-прежнему не понимая, что происхо-

дит. Волосы на голове были в липкой крови, но череп не пострадал. Пошатываясь, Яков встал на ноги. Что-то залезло ему в подштанники, и он с отвращением вытряхнул на пол мышь. Он зажег, наконец, фонарь и поставил его на стол. По полу бегало с полсотни мышей, большинство по кругу, против часовой стрелки. Если какая-нибудь из них выходила из этого движения, она, передвигаясь как пьяная, стучалась о стену и немедленно погибала. «Они считаются, и каждый раз определяют выходящего», - подумал Яков. Грохот не прекращался и становился все сильнее и сильнее, едва перекрывая усиливающийся ровный звук; так гудит электричество.

Дверь едва не срывалась с мощных запоров. Яков схватил винтовку и застыл посреди избушки. Он, однако, не знал, куда стрелять. Ведь в дверь колотили изнутри, иначе она давно бы вылетела. Он здорово растерялся. Все запоры на двери открылись сами собой, и она стремительно распахнулась. Дубина лежала тут же, на полу. От тряски она упала откуда-то сверху, с полка, и огрела Якова.

Он как и был, без штанов, выскочил наружу. Темень страшная, деревьев не разглядеть, и только что светящиеся точки, ползающие вокруг избушки. Из печной трубы в небо расширился алый конус, как если бы там был включен прожектор. Понятно, охотнику тут стало совсем не по себе. Он принялся палить из ружья в темноту, наугад. После последнего выстрела Яков услышал в стороне сдавленный крик, очень похоже было на то, что кричал человек. Он увидел быстро удаляющуюся темную фигурку и в следующую минуту был уверен, что ему померещилось. Ведь то, что он успел разглядеть при свете конуса, было нечто из ряда вон выходящее - огромный торс и невероятно длинные руки, каждая из которых оканчивалась не меньше чем шестью человеческими пальцами, мертвенно-бледными, увенчанными когтями.

Это был он, - сказал Яков, - я уверен в этом. Когда он рядом, померещиться может всякое. Главное - пали из ружья, как только тебе что-нибудь померещится. Может быть, останешься цел. Выпускай все пули, иначе пропадешь. Известно ли тебе, год жизни здесь требует, помимо жратвы, два ящика боеприпасов? То, что я тебе сейчас рассказал, происходило и десять, и пятнадцать лет назад, каждый раз по-разному. Да что говорить! Понадейся на случай, может статься (если тебе так любопытно), увидишь все собственными глазами... Я бы посоветовал тебе научиться стрелять из ружья.

Позволю себе заметить следующее. Спирт меня веселит, но не только. Спирт также усиливает мои страхи; кроме того, я эпилептик всю свою сознательную жизнь.

Глубокой ночью мы выходили покурить на пятачок с тлеющими углями. И я старался держаться поближе к избушке. Яков как будто не замечал моего беспокойства.

В ту же ночь мне приснились огромные красные сверкающие глаза. Я проснулся, покрытый холодным потом, от ровного низкого гула в лесу, который постепенно утих. А потом я подумал: может, мне померещилось?

Так все и произошло. Я поверил в существование невиданного лесного зверя и тайком стал готовиться ко встрече с ним.

4.

Наблюдая за серьезным, сосредоточенным охотником, я чувствовал себя любопытным исподтишка. Это положение постепенно мне надоедало. Я смотрел, как он колет дрова и бреется тупой бритвой. Как вытаскивает из спутанных волос еловые иголки и чистит свою винтовку. Было понятно: он начеку. Ни один шорох поблизости не ускользнул от его слуха. Если что не поевонному - оружие у него в руках, дулом наружу. Однажды он чуть не застрелил заблудившегося грибника, одетого во все черное.

На время подозрительные ночные звуки прекратились. Ничто не беспокоило нас во сне.

Я нашел одну старую высокую сосну и потом каждое утро прогуливался до нее (примерно полчаса ходьбы). Я забирался на нее с помощью веревки и легко долазил до самой верхушки. Чем выше лезешь - тем легче, больше разных сучьев под рукой. С этого дерева можно было посмотреть на город. Мне было интересно разглядывать его издали. Я просто смотрел на город, и никогда не брал с собой бинокль. Я отдавал себе отчет в том, что мне мало охоты разглядывать метающихся по улицам умирающих. Когда дул сильный ветер, сосна здорово раскачивалась, но я был в безопасности. Ее ветви оплетали мое тело, и я засыпал. Мне снилось, будто ветви забираются под одежду и возбуждающе ласкают меня. Я мог проспать на сосне до обеда.

На третий месяц пребывания в лесу я ощущал себя настоящим аборигеном. Мне нравился этот край, я понимал его и даже думал, не остаться ли мне здесь навсегда. Не так это все теперь пугало и отталкивало. Я знал, что зелень меня просто обожает. То было начало короткого и бурного романа с трехсотлетней сосной (я называл ее про себя: Анна). В небе светило солнце, не простое, черное солнце, скупая звезда человеческих болезней.

Яков научил меня стрелять, и я, к собственному удивлению, обнаружил немалые способности к обращению с винтовкой. Вскоре охота сделалась для меня более приятной, чем рыбалка. Стреляя в лисицу, я умудрялся попадать ей в глаз и, тем самым, не портить шкуру для продажи.

Не раз я просил Якова взять меня с собой в его ночную засаду (а выслеживал он, конечно же, лесного человека).

- Ты слишком молод, - просто отвечал мне охотник, - а дело это опасное.

Отмахивался от меня, как от плохого помощника. Ну и пусть, думал я, все равно засады твои бестолковые, раз ты его до сих пор не выследил.

5.

Раза три в неделю, наколов достаточно дров, приготовив в котелке суп, наловив рыбы, короче, исполнив все свои обязанности, я отправлялся на примеченный мной пригорок расставить астрономические инструменты, взятые с собой из города. Я решил не терять навыков в обращении с ними и наоборот совершенствовать свое умение, практикуясь при каждом удобном случае. Я наблюдал за солнцем, это самое сложное. Стало быть, я не рисковал забыть то, чему меня научили. И так, я брал с собой на пригорок несколько накладных ур-

ней, фильтров, деревянных дощечек, собственно, сам инструмент: несильную трубу с вертикальным и горизонтальным кругами; тетрадку, чтобы записывать туда снятые отсчеты и их обрабатывать; хронометр, который перед каждым наблюдением я корректировал по радию. Особенное устройство хронометра позволяло делать это без дополнительных приборов.

По пути мне приходилось поминутно останавливаться и вытряхивать из сапогов траву, которая забиралась туда, чтобы пощекотать меня. Стоило мне стать на тропинке, как сейчас же ко мне тянулись ветви всех деревьев поблизости. А те, что подальше, взволнованно шевелили листьями. То место, по которому я проходил, наполнялось шелестом, и звук этот причудливо смешивался с шумом ветра в кронах сосен. Однажды, проходя по тропинке, я был озадачен отсутствием привычного оживления растительности. Но я понял, в чем дело, когда увидел Якова. Он свисал с сосны вниз головой, в полной экипировке и с винтовкой на ремне. Я услышал его громкий смех и, улыбаясь сам, пошел дальше...

На самой вершине, на ровной площадке я расставлял свои инструменты и, отрегулировав их, начинал наблюдения.

Солнце в своем роде противоположно Луне. Жаль, мне тем летом не пришлось посмотреть на нее из трубы; за день я успевал здорово устать, и просто не оставалось сил для ночного бодрствования. Да и Яков никогда не упускал случая предостеречь меня насчет ночных прогулок по лесу. Луну, правда, можно увидеть и днем, но это совсем не то! Ночью Луна совершенно дырявая в телескопе; увеличение трубы позволяет рассматривать ее как реальное физическое тело.

Кто из нас не восхищался «Лунным светом» Куинджи, лунной дорожкой в океане, или лунными тенями во тьме египетской. Общепринято, что Луна светит лишь отраженным солнечным светом. Но у Луны есть собственный поток: грязные воюющие частицы с громадными скоростями посылает она в окружающее пространство. И то, что кажется нам мягким волнующим светом, на самом деле смрадные смертоносные извержения, фотонная канализация.

Нетрудно представить, что происходит на Луне во время полнолуния. Все нечистоты из ее недр выдавливаются на поверхность приливными силами; пыль стоит столбом, потревоженная зловонными корпускулами.

На обратной, невидимой нам стороне спутника - прямо противоположная картина. Спокойно шелестит лунная роща. Лунная лисица обнюхивает останки раз-

бившегося в 1960-м году советского аппарата. Селенобогр сооружает двадцатиметровую плотину, перегораживающую кратер Беркхофф. Весело резвятся инопланетные звери. Такой лес мало похож на земной; видите ли, он населен антиподами. Их не увидеть ни в какой телескоп. Ведь каждый, кто увидит собственного антипода, неминуемо погибнет; ущербная же Луна будет необратимо двигаться вокруг Земли, нашей матери, немислимым образом вытягивая из нее жизненные соки. Лунная жизнь подобна смерти, лунная же смерть подобна нашей жизни, она как сон, сладостный и мучительный. В смерти - жизнь.

* * *

Когда бродишь среди карельских сосен вот так, совершенно один, начинаешь невольно задумываться о боге. Да, в самом деле, бог один. Он устраивает жизнь так, что обстоятельства, с которыми мы сталкиваемся, навязывают нам нечто скучное, обыденное, без нужного цвета, запаха и вкуса. С этим чем-то мы встречаемся сплошь и рядом: возьмите сцены, разыгрывающиеся в кафе, возле вокзальной кассы, в платной общественной уборной. Ежедневно, с утра до вечера в голове человека гудит отбойный молоток:

- Тр-р-р!

Винить в этом некого, кроме бога. Он не бог, но гнусный божок, не творец, а паскудная тварь. Взгляните на Якова: человек, сам над тем не задумываясь, живет в полном согласии с собственным эстетическим чувством. Недурной пример для антихриста.

Мое восприятие окружающего менялось непрерывно, плавно, на самом глубоком уровне. Тому сопутствовали необычные ощущения. Меня касалась какая-нибудь мельчайшая травинка, и мое тело охватывали волны восхитительного возбуждения. Точно так же камень, брошенный в воду, порождает круги волн. Затем поверхность озера успокаивается. Внизу, на дне, лежит камень; с течением лет он обрастет мхом. Это - твое навсегда. Кому придет в голову доставать камень со дна.

На подобные диковинные сравнения меня навел вид солнечных пятен, не разглядывая я которых, не так развлекали бы меня наблюдения Солнца. Каждый день число Вольфа (включающее в себя десятикратное количество групп пятен на диске и общее число пятен) резко менялось. Я пришел к выводу, что солнечная активность тесно связана с происходящим на нашей планете. Возьмем, скажем, год 1992-й, то есть год длительной эпидемии холеры. Осенью она вдруг прекратилась сама собой. Точно так же менялось усредненное по неделям число Вольфа. Оно, летом довольно высокое, в конце сентября резко снизилось; прекратились разом и все бедствия. Что ж, астрономия будущего наверняка разрешит эту загадку.

Я вертел инструмент почти машинально. Руки делали привычные движения, а голова была занята посторонними мыслями. Я чувствовал смутную угрозу. Вообще-то днем в лесу вроде бы нечего бояться. Кроме того, за плечами на размятом ремне покоилась винтовка с мягким спуском. А все-таки... все-таки все-таки... Ведь что-то должно было нарушить хрупкую идиллию?

...Профессия астронома, как это ни удивительно, сопряжена со множеством неожиданностей. С одной моей подругой на практике произошел несчастный случай. Кстати, также во время наблюдений солнца.

Утомленный, я присел под деревом

Жаркое солнце, в тот день оно палило как проклятое. Светило растопило воск, коим прилепливается к окуляру темный фильтр. Девушка не заметила этого и наклонилась к окуляру. Ей уже кричали:

- Эй, осторожно! Сожжешь сетчатку!

Но поздно. С диким воплем она отскочила от телескопа.

Она повалилась на теплую землю с дымящимся глазом. Шутки в сторону, как говорит Яков. Тут же и скорая помощь, и ошалевшие от внезапного приключения студенты. Без дураков! Левый глаз мне еще пригодится. Я должен изловить лесного ублюдка. Он - враг! Он - враг! (С моего рта капает пена, я вдруг замечаю, что кричу во всю глотку). Он выколол девчонке глаз! Он оборвал жизни двум моим товарищам... Он чуть не умертвил меня самого.

Обадев от этой мысли, я завалил треногу в траву, и лес принял меня в свои объятия.

Через полтора часа я поднялся и отряхнулся.

6.

Он застал нас врасплох.

Случилось это при следующих обстоятельствах.

К середине лета катер из деревни стал приходить очень нерегулярно, а 29 июля пришел в последний раз. Я заметил его с берега, когда стоял в воде с закатанными до колен штанами, с удочкой в руке. Лодка шла не прямо на наш пирс (я узнал ее - катер с черной полосой на борте), но страшно виляла. При одном таком резком повороте из лодки выбросило человека, сидящего на борту. К моему большому удивлению, рулевой не развернулся, с тем чтобы спасти товарища. Катер описывал гигантские круги около одного и того же места.

Я бросил удочку и побежал к избушке. Там Яков обтесывал какое-то бревно. Выслушав меня, он воткнул топор в чурбан и пошел со мной к берегу. Он сам хотел посмотреть, что происходит. Ведь обычно все было не так. Не было раньше ничего такого.

К тому времени, когда мы пришли на пирс, мотор катера заглох, и он качался на волнах метрах в двухстах от нас. Мы накачали резиновую лодку и отправились туда. Едва мы подгребли к катеру, Яков привстал и заглянул внутрь. Затем энергично оттолкнулся от железного борта, и наша лодка дернулась назад.

- Что там?

- Мертвецы.

Ужасная болезнь проникла и в окрестные деревни.

Привязав к катеру длинную веревку, мы отбуксировали его в протоку и там бросили. Позднее Яков, приняв все необходимые меры предосторожности, закопал в землю тех двоих, что были в катере; выловил третьего и тоже закопал. Ничего из провизии мы брать не стали из страха подцепить заразу.

Теперь приходилось рассчитывать только на себя. Впрочем, я уже говорил об этом, в лесу вполне возможно прокормиться. Но вот порох, дробь и пули - всего этого у нас осталось совсем немного. У Якова, готового ко всему, был тайник, устроенный в десяти минутах ходьбы от избушки.

Туда мы и направились на следующий день, чтобы пополнить запасы патронов, а затем поохотиться.

Что и говорить, случай с мертвецами здорово расстроил меня. Я задумался о своем будущем. Что делать? Как возвращаться в город? Что за жизнь меня ждет там?

Птица размером с ворону пролетела у меня над головой...

Мне придется испытать трудности, с другими уцелевшими, восстанавливая город. Холера - это всего лишь болезнь, от которой умирает тот или иной человек, но перед моими глазами стояла страшная картина: разрушенные ударной волной здания, обгорелые крыши, заваленные кирпичами улицы. Многие дети моего поколения очень боялись одной вещи - ядерной бомбы. Мне было семь лет, когда я увидел сон: солдат в зеленой гимнастерке бросает из окопа гранату в форме цилиндра, и через несколько секунд в двадцати метрах от него вырастает гриб, убивающий все живое, как тайфун или цунами, на огромных пространствах. Превращающий человеческие души в раскаленный газ.

По еле видимым зарубкам на деревьях Яков определил, где находится яма. Он аккуратно поддел лопатой дерн. Под ним обнаружили сырые доски. Разобрав их, охотник спустился вниз и подал мне тяжелый ящик. Я с трудом удержал его и опустил на землю.

- В нем все нужно нам, - сказал Яков, заново маскируя свой склад.

Тащить ящик к избушке оказалось нелегким делом. Я здорово вспотел и подумал, что надо бы искупаться. Так что, когда мы пришли и положили ящик в сарай, я сразу же пошел в избушку. (Яков в это время запирает сарай на всякий замок).

Первое, что бросилось мне в глаза, - это мохнатые пальцы, слегка влажные, с комочками грязи на них. Под одеялом лежал некто, кому принадлежали эти коричневые пятки, грубые ступни и дюжина пальцев.

Снаружи доносилось лязганье замка, но в избушке можно было слышать спокойное дыхание спящего существа. Я осторожно приблизился к нему и услышал невыносимый запах; лежащий под одеялом пах не как человек, но как зверь. Поборов отвращение, я зачем-то коснулся ноги, высунувшейся из-под дерюги. Затем тихо вышел из избушки и обо что-то споткнулся, упал.

- Яков... - позвал я.

- А? - откликнулся он и уставился на меня.

Я не успел сказать что-либо. С треском вылетела дверь избушки. У меня уши заложило от страшного шума. Я увидел, как что-то огромное, мохнатое быстро перемещается по пятаку, исчезая в одном месте и появляясь в другом. Укрыться от него было бесполезно, но я вскочил и отбежал к озеру. Краем глаза я заметил, что Яков невозмутимо заряжает ружье, заряжает несколько патронов и стрелять не торопится. Мохнатое дважды возникло передо мной, помаячило и пропало, тут же оказавшись очень далеко от меня.

Я почувствовал, что зверь что-то сделал со мной, навредил, а как - непонятно. Спрятавшись за дерево, я наблюдал, как Яков выпускает из своего ружья заряд за зарядом. Но все пули летели мимо, они поднимали лишь фонтанчики грязи на поляне. Лесной человек, издавая пронзительные звуки, метался среди деревьев. Вдруг все стихло, он исчез.

Я подкрался к избушке, поглядывая по сторонам. Яков, глядя на меня, приложил палец к губам и прошептал:

- Бери ружье, пошли за ним. Он убежал - вот туда! - и он присел перезарядить свою винтовку.

- Пошли!

Но тут произошло нечто, еще более неожиданное. Только мы собрались идти в лес, чтобы преследовать лесное чудовище, как оно с воем выросло из-под земли и сверкнуло глазницами так, что задымили кусты поблизости.

Оно стояло довольно близко, и его можно было прекрасно разглядеть, пусть и времени на то было не больше секунды.

Я видел его мускулистый торс, покрытый густой лоснящей шерстью, его уродливое лицо и уши, зверообразные, заостренные, торчащие кверху. В нем были видны многие признаки принадлежности к человеческой расе. Но имелись также и отклонения от нормы - необычайно массивный череп, огромный рост (около двух с половиной метров), широкие шестипалые ступни, развитые в явной диспропорции с остальными частями тела. Натуральная обезьяна, хотя встретить в лесу около Полярного круга обезьяну - случай исключительный и выдающийся. Или это человек, который живет в лесу с детства, абсолютная бестолочь, которой незнаком даже каменный топор. Он выжил лишь благодаря изменениям в своем теле. У него отросли когти, чтобы он мог обороняться от лесных хищников, и прочные клыки, чтобы закрепить свое существование в природе. Толстая кожа не раз спасала его от холода.

Тридцать или сорок лет назад он лежал младенцем под огромной сосной, и растения проникали внутрь него, сосна вонзила в его крохотную ножку один из своих корней. Он стал получеловеком-полудеревом, а потом о нем позаботились так - он стал скопцом.

Зверь стоял к нам боком и смотрел на избушку. Под моей ногой хрустнула ветка, и он насторожился, повернулся в нашу сторону. Его глаза светились ярко-красным, я был просто парализован его взглядом. Бесконечную Вселенную, звезды, планетные системы увидел я там. Межзвездную пыль и туманность Андромеды. Он двинулся на нас, вытянув вперед свои длинные руки. Они могли достать ему до колен. Еще немного, и он схватил бы меня. Яков оттолкнул меня в сторону и вскинул ружье. Оказалось, он настроен очень решительно, на меня же будто напал столбняк, все вокруг потеряло для меня всякий смысл. Я безучастно наблюдал за происходящим, лежа на своем ружье в неудобном положении.

Яков отчаянно сопротивлялся мощной воле непонятного существа и медлил стрелять. Что-то мешало ему нажать на курок. Лесной человек вытянул руку и, схватив его за одежду, высоко поднял и швырнул в ближайшее дерево так, что Яков чуть не сломал себе шею. Но охотник быстро пришел в себя (он так и не выпустил из рук винтовку) и, наконец, выстрелил в зверя с пятнадцати шагов.

Получив пулю в бок, тот снова взвыл и ввинтился в Землю, посылая направо и налево прозрачные шары, оранжевый свет которых заполнил все вокруг.

От него осталась лишь пустая яма, какую еще не один день рыть будешь. Шары безмолвно носились в воздухе, по одному исчезая. Яма быстро наполнилась землей, и на ее месте за две минуты выросла трава.

Лесной человек появился на другом конце поляны. Он стоял на четвереньках и жалобно всхлипывал, глядя на нас потухшими глазами. Потом быстро-быстро пополз в лес.

В припадке безумия, ощутив снова способность двигаться, я схватил первую попавшуюся палку и, догнав зверя, уселся на него верхом. Я наносил частые удары по черепу животного.

- Не делай этого! Слезь с него! - кричал мне Яков.

Но остановить меня было невозможно. Воющий, стонущий подо мной зверь был беззащитен и в то же время страшен для меня. Так продолжалось, пока он не сбросил меня с себя и не убежал в лес. Я погнался было за ним, но ноги мои подкосились, и я рухнул на землю.

Подбежавший Яков ударил меня по лицу.

- Ты мешал мне его застрелить! - выдохнул он.

Мне нечего было возразить на это. Да и я по-прежнему ни хрена не понимал, слова человека были для меня все равно что пустой звук.

Кровь заливала мне глаза, я вытер ее платком.

Яков отошел от меня, чтобы привести в порядок винтовку...

7.

Потом я долго бродил по лесу, иногда слыша крики Якова, который уже искал меня.

...Мы очень долго смотрели друг на друга - я и дикий кот. Он уши разводил, делал вид, что нет ему дела до меня.

- Ублюдок! - сказал я. Меня опять затрясло, но это быстро прошло.

Когда я очнулся, кота уже не было рядом. Он сбросил когти и убежал.

Я часто задумывался над тем, что заставляет дикое, неразумное животное двигаться в ту или иную сторону. Вот он пошевелил хвостом. Зачем? Зачем он так сделал? Человек, конечно, тоже способен делать нечто беззотчетное. Но если, например, у него есть важное дело в другом городе, он берет билет на самолет и летит туда. Иное дело звери. Что заставляет их бродить по лесу как неприкаянных? И зачем этот кот рассматривал меня? Ведь ему не было интересно, он лишен разума.

Можно возразить: звери бродят по лесу в поисках пропитания, и только. Но возьмем обыкновенного домашнего кота. Он накормлен, обогрет, его сексуальная потребность удовлетворена, но что-то все равно не сидит ему на месте. Он лазит по шкафам, потом выпрыгивает на балкон; наблюдает за прохожими в течение часа. Зачем ему это нужно? Есть ли в этом жизненная необходимость?

Под водой плавают рыбы, я сомневаюсь в том, чтобы это было осознанное ими движение. Рыбы собираются в стаи и плывут несколько десятков километров в одном направлении. Иначе как массовым безумием это не назовешь. Неведомая сила гонит несчастных тварей во все стороны света. Но от смерти не убежишь. Она настигнет тебя всюду, и потому зачем двигаться, вставать, приседать, выворачивать шею, лишь приближая или отдаляя конец.

Воистину, понять, что с нами происходит, невозможно.

Человек, пытающийся это сделать, попадает в положение кошки, которой и хочется и колется лизать горчицу, намазанную на ее задницу. Рано или поздно она слижет всю горчицу и потом еще будет долго отплеиваться.

Страшная сила, умноженная на человеческую хитрость, выворачивает природу наизнанку. Зрелище, достойное великой скорби! Остается только бродить по лесу.

Утомленный, я присел под деревом. В мои башмаки забралась муравья и принялась легонько меня покусывать. Это было приятно, я расслабился и вытянул ноги. Но еще более приятно, подумал я, прийти домой, в свою городскую квартиру, открыть кран и подержать руки под горячей водой. Это одно из преимуществ жизни в городе, пусть у нее много минусов. Но получилось так, что человек сменил среду обитания. В каменном доме, стоящем посреди других таких же, намного безопасней. В лесу твоя жизнь закончится намного быстрее.

В школе нам рассказывали, что дикари жили трудной и короткой жизнью. Они питались сырым мясом и кореньями, выкопанными из земли. Роженицы собственными зубами перегрызали пуповины...

- Привет, - услышал я. - Чего тут разлежся?

Я повернул голову на голос и увидел голого незнакомого мне человека. На нем были резиновые сапоги, и в руке он держал лукошко.

- Да вот, отдыхаю. Ты кто?

- Я Анастас, что означает воскресший. В этом году я умер от холеры и потому меня можно считать призраком нынешней эпидемии.

- А чем ты сейчас занимаешься? - спросил я и сам удивился, как вот так запросто разговариваю с мертвецом.

- Теперь отдыхаю в деревне, ягоды собираю, какие попадутся. А ты кто?

- А я забыл, как меня зовут. Знаю только, что от холеры вроде бы спасся. Как бы нам голову ни морочили, умирать не хочу, и все.

- Ну, теперь-то уже никакой опасности. Эпидемия идет на убыль. Скоро все кончится, да мне до этого дела нет. По той причине, что я покойник.

Я поинтересовался:

- Хорошо быть покойником?

- Даже не знаю, как тебе объяснить, - сказал Анастас, присаживаясь. - Ты вряд ли меня поймешь. С годами люди приобретают опыт, смотрят на молодых снисходительно. Несмотря ни на что, человек совершает те же ошибки, что и до него делали миллионы людей. Сколько опытом ни делись, делу не поможешь. Такие советы суть капля в море. Единственное, что я могу сказать тебе: опыт, который человек приобретает десятилетиями, ничто с тем, что дает ему мгновение смерти. Я бы сравнил это с появлением человека на свет, когда в его маленькое тельце проникают первые лучи света.

- Странновато звучит.

- Я стараюсь говорить так, чтобы все слова были более или менее тебе понятны. Ведь ты глуп, непробиваемо глуп. Но глядишь, когда-нибудь положение поправится. Всему свое время.

- Мертвецы, - продолжал он, - живут совсем по-другому.

- Им не нужна пища или плотские удовольствия. Они постоянно находятся в экстазе; оргазм, который ты испытываешь, не что иное как прикосновение смерти. Я, скончавшись однажды, не хочу ничего больше, кроме как разговаривать, разговаривать, разговаривать...

- Стой, куда ты, - сказал я. Анастас полез на дерево. От него несло:

- ...разговаривать, разговаривать, разговаривать, разговаривать...

Мертвец долез до самой верхушки дерева и там продолжал бормотать. Я встал и посмотрел наверх. Анастас терялся среди ветвей. Просвечивали лишь кусочки синей кожи.

Вдруг сверху полилась какая-то жидкость, и я отскочил в сторону. «Мертвец писает на меня!» Странное противоречие.

Я отошел еще дальше и споткнулся о лукошко Анастаса.

- Эй, полегче! - донеслось оттуда.

Заглянув в лукошко, я увидел нечто, явно не вписывающееся в три измерения нашего пространства. То была внутренность фантастического калейдоскопа, вроде того, что был у меня в детстве. Узор, состоящий из четырех цветов - белого, зеленого, красного и синего, постоянно менялся и передавал мне свои мысли. А иногда он говорил, без важности, как человек, и тогда я слышал голос из лукошка.

- Ты кто?

- Я загробная блевотина.

Я присел на корточки перед лукошком. Стоящие вокруг меня деревья посмеивались и беседовали о своем. Сверху доносилось:

- ...разговаривать, разговаривать...

Делать было нечего, я продолжил беседу с блевотиной.

- Тебе не тесно здесь?

- Как мне может быть тесно, если меня здесь вовсе нет. То, что ты со мной разговариваешь, еще ничего не значит. Да и скучновато мне с тобой беседовать. Спроси еще что-нибудь, пожалуйста.

- Как ты себя чувствуешь?

- Ты забыл, наверное, что все имеющее отношение к жизни после смерти испытывает тысячекратный оргазм.

- А где ты все-таки находишься? - продолжал я задавать вопросы. Непонятно почему, я вознамерился угостить блевотину, подружиться с ней.

- Я заполняю собой подвалы Зимнего дворца в Ленинграде. Колонна, стоящая на площади перед дворцом, сделана из чужеродного мне вещества. Я ненавижу ее и делаю все, чтобы она однажды исчезла. Может, мы выпьем чаю?

- Я долго ходил по лесу и, пожалуй, хотел бы выпить чаю, да где его взять?

- У меня есть. Вот, держи термос.

Я взял термос и налил в пластмассовый стаканчик совершенно обычного чаю. В кармане у меня нашлось несколько сахарных кубиков.

- Хочешь сахару? - спросил я и сам удивился интонации вопроса.

...Однажды я пришел в гости к одному парню. Он включил магнитофон, и я услышал незнакомую, сумасшедшую музыку. Он спросил: «Нравится?», и звучало это точно так же, как я спросил лукошко: «Хочешь сахару?»

- Да, - ответила блевотина, - я люблю сахар. К чаю это подходит.

Я выбрал самый маленький кусочек и нерешительно бросил его в лукошко. Яркая вспышка озарила все вокруг.

- Отлично. Это было бесподобно. Знаешь, есть такие люди, они едят землю, питаются ей.

- Ну и что?

- А то, что они сделали свой выбор. Ты когда-нибудь пытался представить себе тропические леса, уссурийскую тайгу, Беловежскую пуцу? Это - разнообразные ландшафты нашей планеты. Природа развивалась не один миллион лет. Хотел бы ты видеть, как выглядела наша планета миллиарды лет назад?

- Да, очень.

- Еще бы. Тем более что я сделаю это бесплатно. В смысле - отправлю туда на пятнадцать минут. Ты ведь скорее всего хотел бы вернуться, привык тут жить...

Любой нормальный школьник однажды испытал на себе различные забавы, чтобы развлечься в перерывах между уроками. Игра в слона, например. Или в тесную бабу. Или старшеклассник подходит на перемене к какому-нибудь шкету и говорит:

«Хочешь, Москву покажу?». «Да», - говорит шкет, непонятно на что надеясь. И старший товарищ поднимает его за уши.

Но самое серьезное - это когда ты стоишь у стены, задержав дыхание, а твой коллега по перемещению души давит тебе на грудь. И ты оказываешься в стране, где времени нет, потом возвращаешься оттуда и приходишь в себя.

Я вспомнил эти школьные забавы, все вместе, после того, что проделала со мной блевотина...

...Не хватало воздуха, и я старался дышать чаще. Я стоял на песчаной косе, считая волны доисторического моря. Оно окружало мою косу гигантским водоворотом. Под моими ногами из песка торчали белые черепа. Происхождение их мне неясно до сих пор. Постояв на одном месте, я увяз по щиколотку в песке и поспешил выбраться. Дул быстрый ветер, но разреженный воздух едва шевелил мою одежду. По небу стремительно неслись фиолетовые облака. Изредка в море ударяла какая-нибудь молния.

По горизонту надменно шагал серый слон. Я пожалел, что у меня нет с собой подзорной трубы. Птица размером с ворону пролетела у меня над головой и уселась на кресте, врытом в песок совсем неподалеку. Как я раньше не заметил его! На нем висело иссушенное солнцем тело.

К кресту была приставлена лестница. Я залез по ней наверх, чтобы рассмотреть останки распятого. Он оказался огромного роста... с волосами на теле... на руках и ногах по шесть пальцев... Я с удивлением признал лесного человека. В его груди торчал осиновый кол. Я обернулся и увидел, что кресты стоят в ряд, один за другим, и конца им не видно. Неужели это - прошлое нашей планеты?

Я слез вниз и постоял немножко, глядя на море, а затем очутился в лесу, на нежных ветках сосны Анны. Они закрыли мое лицо, залезли мне в ноздри, проникли в голову и долго шарили там. Остальные ветки поглаживали меня.

8.

Яков еще раз смочил тряпочку в ковшике, и вода в нем приобрела алый оттенок. Охотник тщательно промыл рану на моем лбу. Зверь, очевидно, успел полоснуть меня своим когтем. Кожа была глубоко поцарапана.

- Больно?

- Ничего, пустяки.

Он смазал рану йодом и обмотал мою голову бинтом.

- Будем надеяться, он не впрыснул тебе яд. Если завтра будешь чувствовать себя нормально, значит, все обошлось.

9.

Насколько я могу судить сейчас, все обошлось. Через неделю я должен был возвращаться в город и прощался с Яковым. Я соврал ему, что обязательно навещу его. Я знал, что ничто не заставит меня вернуться в эти места. Они по-своему прекрасны. Посмотрите на оленей. Как вы думаете, чем они занимаются? Они щиплют ягель, олений мох. А вон медведь перебирается через болото, скоро заберется в свою берлогу и будет спать там всю зиму. А вон заяц пробежал, бестолковый, конечно, но зато родной такой.

На прощание Яков приготовил мне сюрприз. Я уже собирался садиться в лодку, но Яков загадочно подмигнул мне и поманил рукой, как будто хотел что-то сказать. Я скинул с плеча рюкзак и пошел за ним. Он привел меня к избушке и жестом остановил.

Затаив дыхание, я смотрел, как земля посреди пятка оседает, и яма наполняется дурно пахнущей зеленой массой. Всплыли ярко-красные глаза лесного человека, а затем и его обезглавленное тело. Мы вытащили все это из ямы и, раздевшись, окунулись в жижу...

Теперь я живу в городе и доучиваюсь в университете, собираюсь жениться и завести двоих детей, как предполагается. У меня все нормально, хочу вот только решить жилищные и финансовые проблемы.

10.

- Лето 1992-го года я провел в лесу...

- Ты часто проводишь лето там?

- Нет, что вы. То был особенный, холерный год, и каждый спасался как мог. А я вот решил отсидеться в лесу.

- Твой приятель тоже отсидивался?

- Нет, если вы говорите про Якова. Он провел там почти всю свою жизнь. И сейчас там живет, наверное. Вы задали странный вопрос. Конечно, он жил там.

- А что еще за лесной человек? Откуда он там взялся?

То, что ты рассказал мне вчера, слишком бессвязно. Попробуй сегодня сделать то же самое, но более аккуратно.

- Пожалуй, я готов начать.

- Кто-то стучится, стой... Кто там?

- Я приготовила тебе кофе.

- Так я могу начать?

- Да.

- Осторожно, кофе очень горячий.

- Лето 1992-го года я провел в лесу...

- Нет, не уходи, садись, милая...

- Судите сами...

- Да! Войдите.

- Здравствуйте. Я зашел сюда случайно, возвращаясь из магазина.

- Присаживайся.

- Да, чуть не забыл тебе сказать...

- Как тебе нравится мой новый жакетик?

- ...настройщики придут завтра... или послезавтра.

- Ладно, продолжай. Это действительно интересно.

- Конечно, я постараюсь не забыть.

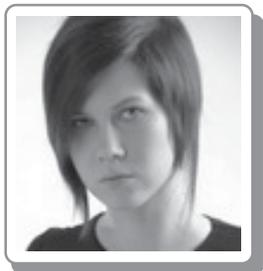
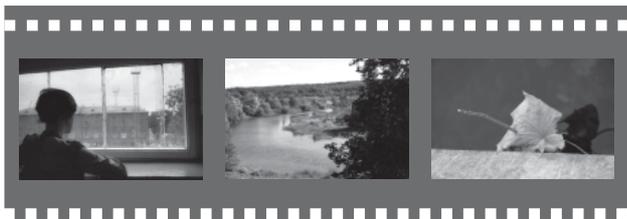
- Я бы тоже выпил кофе.

Ксения Крапивина

Небо остановилось. Не приносит облако.
Я разбегаюсь, прыгаю, падаю около,
Не встаю, лежу в форме «вежливо»,
И как небо – звездами, полностью надеждами...
Вот бы я была не я, а река, которая
Скользкая, нежная, женская, голая
Из всего вытекая, во всем останется.
Мне можно самой о себя израниться,
Изныть в попытках, совсем измучиться,
А так, как она, у меня не получится:
Надменно, холодно, неотразимо
Течь за сентябрь, впадая в зиму.

В сердце моем наболело странствие,
Меня гнет, трет и убьет пространствами,
Но я полностью надеждой на образ новый:
Вот бы я не я, а хоть лист кленовый.
Сухой, одинокий и рыжий в крапинку
Каждый день остался на нем царапкой.
Он оторван, летит в никуда, по воле осени,
Но желает думать, что он все сам, а не что его бросили
Ощущая как с моей спиной вошли в общение
Асфальт, и земля под ним, и ее притяжение.
Тихо шепчут мне: посмотри, как листок куражится,
Только время придет, и он, как все, на земле окажется;
Как ни быстро река бежит, не сбежать из русла ей.
Я лежу, и мне видно все, и ужасно грустно мне
Поднимать свое тело и морщины одежд рукой разглаживать
И тоску изживать и жалея себя выхаживать,
жизнь умея принять такую как есть, оседлую,
Все же, реку из русла спасать... хотя бы ведрами...

Ксения Крапивина

Родилась в 1981 году.

До 2004 г. жила в Литве.

Закончила гуманитарную гимназию (Висагинас) и Христианский колледж (Клайпеда). Сейчас живет в Лондоне, учится в университете на факультете истории искусств.

Победитель Турнира поэтов «Пушкин в Британии – 2004»

в Лондоне в номинации «Надежда Турнира».

Публикации в журналах «ТОПОС», «Дети РА», «Футурум АРТ», «Пролог», «РЕЦ», «Новая литература», «Имена любви».

Рассылка «Поэзия Ксении Крапивиной - стихи как жизненная необходимость»:

<http://subscribe.ru/catalog/lit.poetry.kravivina>

Василина Орлова

Обшарпанные ботинки
Тупыми ступают носками,
Тяжёлыми
каблуками
Хрустят по дырявым льдинкам.
По гравию шаркают громко,
Грохочут щепенкой гремучей,
Ступают с треском по сучьям,
Бредут по каким-то обломкам.
Шнурок на ботинке левом,
Как всадник на лошади, скачет,
А правый – влачится клячей.
Ботинки из детства,
где вы?
Особенно левый.

Василина Орлова

Родилась в селе Дунай Приморского края осенью 1979 года в семье военного моряка.

В 2003 году окончила философский факультет МГУ. Работала в общественно-политической газете, на телевидении (РТР). Член Союза писателей России.

Ольга Гришаева

Медвежья
колыбельная

Этой ночью не уснуть.
Хочешь сказочку под утро?
Я ведь был когда-то мудрым,
Ты поверь мне на чуть-чуть.

Был я сильным, как медведь,
Строил я берлогу где-то,
Это было наше лето,
Помнишь? Нет? Ответь, ответь.

Ты в берлоге у меня
Вышивала вечерами
В легкой ситцевой пижаме.
Где она? Забыл и я.

Целовала, как дитя,
Называла «косолапый»,
Я в ответ мохнатой лапой
Прижимал к груди тебя.

Ты тихонечко сопишь
На краю другого света.
И не нужно мне ответов,
Все забудь. И спи, малыш.

Ольга
Гришаева
(Силавина)

Родилась в селе Седельниково Омской области и жила там до 17 лет.

Закончила Литературный институт в Москве.

Девушка с веслом №8. (CD-диск)
Иллюстрированный литературный журнал
Москва, 2005.

Евгений Гранильщиков

ЧУТЬ ВЫШЕ, ПО РУСЛУ РЕКИ

Заказ диска: lkost1@yandex.ru
medizdat@mail.wplus.net

Август подходил к концу. Двое мальчишек сидели на берегу реки и в третий раз распутывали леску. В том месте берег был каменистый, и попасть сюда можно было, лишь скатившись с горы. Оттуда доносился шум листвы. А на том берегу, чуть выше по реке слышались два мужских голоса.

- нам до дождя убраться бы отсюда, - сказал уставший Никита.

Андрей старательно распутывал леску.

- с чего бы ему начаться?! Целый день не было, а тут вдруг начнётся!

- чувствуешь, какой сырой воздух!

Андрей закусил губу и попросил держать крепче.

- помнишь, вчера мы поймали огромную саранчу? – морщился сквозь оправу очков Никита, глядя на запутанный клубок.

- ну?

- зачем ты ей крыло оторвал?

- чтоб не улетела! – и Андрей посмотрел на слабые глаза Никиты.

С того берега слышался разговор, Никита взглянул в ту сторону, откуда он доносился, но ничего не увидел. “Этот разговор, - подумал он, - произошёл гораздо раньше, чуть ли не вчера, а река переправляет его на своём медленном пароме только сейчас, как бы с задержкой. Возможно, - размышлял он, - те люди могли умереть, может, их уже похоронили, а я сейчас слушаю предсмертный разговор, жаль только разобрать ничего нельзя. Или же нет! Этот разговор произойдёт в будущем, может, даже через сотню лет. Но о чём могут говорить люди через сто лет?”

Он пытался прислушаться. Слева журчал маленький ручеёк. За спиной и на другом берегу шумели деревья покрывавшие холмы.

- а что ты с ней сделал потом? – спросил Никита, вспоминая о саранче.

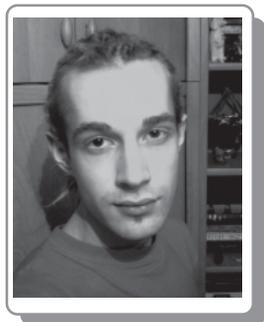
- отпустил.

- врешь, она убежала!

Андрей как раз распутал леску и молча повернулся к реке, чтобы закинуть. Блесна мелькнула в воде, а он сказал:

- я ещё таких сотню поймаю!

Он закидывал снова и снова, а Никита стоял рядом и наблюдал, как колышется осока, как стайками по отмели носятся рыбки, а ветер порывами налетает на дубы, как хищник. Прислушивался к голосам; ему хотелось перелететь. “Если бы я был саранчой, - подумал он, - то непременно бы перелетел, если бы смог, но, похоже,

Я, Евгений Игоревич Гранильщиков, родился 23 июня 1985 года в городе Москве. В 2001 году поступил в лицей кинематографии №333, где учился рисованному мультфильму. Там же я увлёкся фотографией. В 2002 поступил в детскую музыкальную школу №1 им. Прокофьева по классу фортепьяно. В лицее помимо выпускного диплома больше мультфильмов не создал. В 2003 поступил в институт журналистики и литературного творчества (ИЖЛТ). В первый год обучения занимался в литературном классе Анатолия Кима. Во второй увлёкся классическим кинематографом и сценарным ремеслом. Сейчас я жив-здоров и делаю зарядку по утрам.

и у меня крыла недостаёт. Какие-то мы все бескрылые, будто бы всё человечество, лишённое когда-то одного, рассматривает второе – бесполезное, оставшееся как напоминание о том, что все мы когда-нибудь летали”.

- слушай, - негромко сказал Никита, - расскажи о своей главной мечте.

- о самой главной?

- да.

Андрей задумался, снял водоросль с крючка и снова закинул.

- одну тину ловим, лучше бы ботинок.

Он постоял молча не больше минуты, не отвлекаясь от ловли, и заговорил:

- было бы здорово погулять по звёздам, изучить их получше, пересечь пространство, чтобы оказаться там одному. Глядя ночью на звёзды, мне хочется жить в небе, стать космическим, бестелесным разумом, созерцая красоты сияний. Командовать строем планет, зажигать звёзды и гасить, – потом тихо добавил, - я могу подчиняться лишь тому, что подчинено мне, что любит меня.

Пока Андрей говорил, Никите казалось, что где-то там далеко за спиной кто-то играет на флейте, потом он вспомнил, как первый раз в этом месте переплыл реку, и, вырвав на другом берегу клок травы, поплыл обратно. Он вспомнил, как с друзьями прыгал в воду, чуть ниже по реке, а ещё ниже - захлебнулся и чуть не утонул.

Ещё совсем недавно купавшихся здесь Никиту, Андрея и ещё нескольких ребят застала гроза, они повискакивали из воды, боясь, что туда непременно ударит молния. Хлынул дождь, и вот тогда все они действительно чувствовали небо и свою уязвимость.

- а ты о чём мечтаешь? – спросил Андрей и почувствовал, что леска за что-то зацепилась. Он тихонько дёрнул, но это не помогло, тогда начал ходить то вправо, то влево, меняя угол. Всё было тщетно. Леска уходила под воду в метрах семи от берега.

- по-моему, она зацепилась за корягу, – расстроился Андрей.

Он сделал ещё несколько попыток.

- я не полезу, - сразу заявил Никита.

Андрей дал понять, что леску обрезать не собираются и что вода там не такая уж и холодная.

Пока они спорили, Никита периодически слышал те голоса и иногда даже вслушивался, отвлекаясь от спора. Наконец он согласился, снял очки и полез. Взяв в руку леску, медленными шагами он приближался к тому месту, где она скрывалась, и ему становилось боязно. Когда он добрался, вода касалась подбородка, а руки уходили вглубь, подёргивая леску. Он выставил ногу вперёд и нащупал то ли затонувший пенёк, то ли ещё что-то. Стало очень неприятно. Рядом плавали водоросли.

Он нырнул, поведя леску вперёд, и она отцепилась. Назад он возвращался как можно быстрее - подальше от затонувшего пня.

На берегу было решено завершить на сегодня рыбную ловлю.

Пока Никита высыхал, Андрей разбирал, сматывал и упаковывал, а голоса на том берегу возникали, пропадали, становились громче, затихали. Ему казалось, что с того берега всё это время за ними кто-то наблюдает. “О чём они говорят, - думал он, - о чём угодно, но только не о созвездиях, не о параде планет и, может, даже не о космическом разуме.”

- да откуда же это!? – и Андрей повернулся к реке.

- ты о голосах?

- ну да.

В этот момент голоса затихли, даже ветер унялся, и стало очень тихо. Андрей с Никитой молчали и слушали. После недолгой тишины голоса на том берегу возобновились. Андрей сел рядом с Никитой.

- у меня такое чувство, - начал он, - что нас они тоже слышат.

- может, крикнуть им?

- ты чего, зачем!? – чуть испугался Андрей.

Никита отряхнулся и стал искать плоские камушки, и кидать их в реку.

- кажется, я придумал! - остановился он, - давай я крикну твоё имя, чтобы те, на том берегу, не догадались.

Андрей помотал головой:

- а если они всё-таки на этом берегу?! – сказал он.

Никита согласился; некоторое время они сидели молча.

- а мне бы свой остров, - прервал тишину Никита.

- ты про что это?

- о своей мечте рассказываю. Но сперва нужно стать каким-нибудь известным человеком, например, художником или музыкантом. Вот тогда этот остров и понадобится! А взять туда надо лишь друзей и родителей. Или пусть только на выходные приезжают.

- что ж ты там делать собираешься?

- варить суп из ракушек, а, может, и толстые книжки писать.

Голоса всё говорили. Так же порывисто дул ветер, Андрей уже было хотел что-то сказать, да тут Никита как закричит.

Вокруг стало тихо, голоса прекратились. Лишь река текла так же непринуждённо, как и раньше, унося этот крик далеко-далеко. Казалось, на другом берегу кто-то так же прислушивается, может, даже присматривается, глядя вниз по течению, туда, откуда был крик.

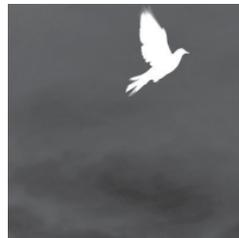
Девушка с веслом №8. (CD-диск)
Иллюстрированный литературный журнал
Москва, 2005.

Заказ диска: lkost1@yandex.ru
medizdat@mail.xplus.net

Владимир Васильев

МЕНЕДЖЕР ПО ПОКУПКАМ ДУШ

Игорь Старцев, уволенный по собственному желанию своего руководства, уже целых четыре дня наслаждался возможностью не лицедреть иуд-коллег и ирода-шефа. Однако же, не имея ни родственников-олигархов, ни состоятельной дамы сердца, он понимал, что голодный желудок рано или поздно заставит его вновь включиться в офисные тараканы бега. В поиске очередной работы имелись три привилегии – диплом о высшем образовании, девятилетний стаж работы и московская прописка. Имелись и три препятствия – ум, талант и чувство собственного достоинства в одном флаконе, являющиеся гремучей смесью для любого карьериста. Задумчиво отхлебнув красного вина и вынув из-под головки спящей юной блондинки пульт от телевизора, Игорь начал пробег по телеканалам, надеясь найти хоть одну жемчужину в навозной куче под гордым названием «Российское ТВ». Не найдя ни одного наслаждения для души, Игорь, вздохнув, решил переключиться на телесные удовольствия. Будить утомленную блондинку было уже бестактно, поэтому Старцев решил насладиться вокальными данными группы «Блестящие» по МузТВ, предварительно выключив звук. Неожиданно голосистых псевдопевцов сменило изображение черного силуэта на абсолютно белом фоне. На экране вспыхнул красный текст – «Без души жить можно, а без денег – нельзя!» Заинтересованный Игорь включил звук.

- ... заработать деньги из воздуха? Это возможно! – прокричал радостный голос известного шоумена, считающего себя писателем и журналистом – ООО «Избавление» дает всем жителям столицы шанс продать свою душу за живые деньги! Никаких предварительных взносов! Получение наличных прямо в офисе по факту продажи!

Владимир Васильев
Живет в Москве,
пишет прозу,
работает менеджером.

На экране появился знаменитый бард, некогда смеивший талантливые, будящие душу песни на оды Госдуме и Гарри Поттеру.

- Я сначала думал – мистификация, обман, – доверительно улыбаясь, начал он – Но когда мне за мой автограф, пусть и написанный кровью, заплатили четыре тысячи евро, я просто обалдел! Конечно, мои автографы для некоторых стоят денег, но чтобы столько...

Послышался новый хит барда «Я вижу свет» и под звуки песни в кадре появился человек в черном костюме. Его поистине мифистифелевская улыбка и царственная манера держаться впечатляли.

- Мы покупаем, а не продаем, – сдержанно и несколько холодно начал он. - Многие известные люди уже побывали у нас.

В кадре появился известный политик, совсем недавно кричавший на другом канале об отстреле всех птиц на границах России.

- Смотрите, как расфрантился я пестро, – радостно начал он – Из чистой шерсти с золотой ниткой костюм Версаче, на лице улыбка! Всего-то расписался я пером, и дали бабки! Это же потеха! И - хочешь знать? Вот мнение мое: сам облекись в такое же шитье, чтобы в одежде, свойственной успеху, изведать после долгого поста, что означает жизни полнота!

- Всего лишь за вашу подпись на контракте, не имеющем никакой юридической силы, – ласково проговорил человек в черном костюме, – ООО «Избавление» готово заплатить от двух до тридцати тысяч евро.

На экране вновь появился переливающийся красным слоган – «Без души жить можно, а без денег – нельзя!» и надпись «подробности на сайте www.dushi.net».

- А это для кого и зачем? – ошеломленно спросил Игорь у телеэкрана.

- Ты первый! – запел экран, озвучивая дурацкий слоган-аутотренинг очередного приторного рекламного ролика. Игорь, сморщившись, переключил канал.

- Но почему же ты оказался первым учеником, скотина? – грозно спросил Абдулов-Ланселот.

- Гоша, зачем ты меня разбудил? – капризно протянула блондинка.

- Это не я, это дурацкий ролик. На кой его показали? И ведь дорогой... Я понимаю, когда КГБ раскручивали, а тут такие бабки пустить на банальный розыгрыш – чересчур нелепо даже для нашего театра черного абсурда.

- КГБ никто никогда не раскручивал, – злобно сказала блондинка. – Книжки надо читать! И при чем здесь какой-то театр?

- Где уж мне, убогому, книжки читать, деточка, – весело сказал Игорь, выключив первоисточник зарождающегося скандала – Между прочим, КГБ – это Коррумпированный Голем Березовского, а лучшим доказательством того, что живем мы именно в театре черного, как июльский сумрак, абсурда, является твое, деточка, местонахождение в моей холостяцкой постели...

- Хорош, блин, умничать, гоблин, – заорала блондинка – Ты сам ко мне клеился!

- Приходится компенсировать отсутствие качества количеством, дорогая моя, – нежно протянул Игорь. – Кстати, ты знаешь, что только в России людей попрекуют умом?

- Урод, ты меня достал за эту неделю! – завопила блондинка.

- Фекла, ты только не бросай меня! – моляще простонал Игорь.

- Я Диана, идиот!

- Да? – поскреб затылок Игорь. – А выглядишь, как Фекла...

Блондинка с чувством залила всю квартиру Старцева потоками трехэтажного мата, моментально оделась, разбила хрустальную вазу и гордо покинула холостяцкое жилище бывшего топ-менеджера по продажам финансовых услуг.

Побывавшись минуты две по поводу разбитой личной жизни и стильной хрустальной вазы Игорь решил заглянуть на сайт из заинтриговавшего его ролика.

Утонченный дизайн и суховатый текст «ООО «Избавление» покупает души в Москве и других городах России по цене от 2 до 30 тыс. у.е. с учетом НДС в зависимости от категории души. Наши менеджеры будут Вам рады!», а также подробный прайс-лист на 13 категорий человеческих душ, покупающихся в зависимости от группы интеллекта, несколько ошеломили даже выдавшего виды циника Старцева. На сайте также были указаны подробные адреса сети офисов ООО «Избавление» по всей России и еще более интригующий раздел «Вакансии». В разделе «Вакансии» был следующий текст – «Мы постоянно расширяем штат сотрудников компании. Нам требуются инициативные профессионалы на вакансию «менеджер по покупкам душ». Обязанности:

- ведение и заключение договоров по покупке души;
- поиск новых клиентов;
- первичная бухгалтерия.

З/п от 1000 у.е. + % от заключенных договоров. Опыт работы в сфере продаж и наличие высшего образования приветствуется. Количество вакансий ограничено!

- Шутка, блеф, афера, – радостно протянул Игорь. – Но ведь афера масштабная, необычная, непонятная! А заставить сына юриста перевернуть Гете могла лишь Личность с большой буквы! К стандартно хамящему серому быдлу я всегда успею, а если неординарному и умному аферисту требуются помощники – я с дорогой душой! Во всех смыслах этого выражения. Нет, если выбирать нового шефа между добрым дураком и умным негодяем, я естественно, предпочту последнего...

На следующий день Старцев, при костюме, галстуке и кожаном кейсе с солидным резюме отворил дверь главного московского офиса ООО «Избавление».

- Здравствуйте, чем я могу вам помочь? – равнодушно-заученно спросил амбал с холодными глазами и профессионально выработанной вежливой улыбкой.

- Я по вопросу вакансии «менеджер по покупке душ», – иронично ответил Старцев.

- Вы уже являлись клиентом нашей компании? – заученно продолжил цепочку вопросов громила.

- Вы, знаете, душу еще никогда не приходилось продавать, – издевательски ответил Игорь.

- Много сарказма, мужчина, – неодобрительно заметил амбал. – Если вы хотите работать у нас, вам необходимо пройти электронный тест на наличие души и, в случае ее обнаружения, заключить с нашей компанией договор на ее продажу.

- Тест платный? – весело спросил Игорь, несколько разочарованный, что все оказалось так примитивно.

- В нашей рекламе ясно сказано – никаких предварительных взносов! – коротко отрубил мордovorot. – И вообще, мужчина, для соискателя вы задаете слишком много вопросов!

- Все понял, готов приступить к процессу продажи своей бессмертной красавицы, – обезоруживающе улыбнулся Игорь. – Где мне расписаться кровью?

- Не умничай, мудила! – глаза амбала не сулили ничего доброго. – Собираешься продавать – пройди на третий этаж к свободному менеджеру в порядке общей очереди. И паспорт сдай при входе!

- Да как ты, шестерка дворовая, на меня гавкать смейся! – так и не побежденный обилием жизненного опыта проорал Игорь.

- Грезиль, какие-то проблемы? – по лестнице спустилась симпатичная женщина, красоту которой очень портил безвкусный офисный костюм и злой замученный взгляд.

- Бенсозия Владимировна, тут очень нервный соискатель, – несколько подобострастно сказал Грезиль.

- В чем дело? – глаза Бенсозии Владимировны, казалось, пронзили Старцева насквозь.

- Грубият, многоуважаемая, а я внаглую позволяю себе ответную грубость, – ласково сказал Игорь, почуяв главную. – Существует две категории людей – одна в принципе признает только вежливое отношение к себе, а вторая – только хамский подход как к себе, так и к другим, считая вежливость проявлением слабости. В данном случае вы наблюдаете конфликт ярких представителей этих групп.

- Вы еще не заключали с нами договора, – утвердительно заметила Бенсозия. – И претендуете на вакансию менеджера по покупкам душ.

- Совершенно верно, – не менее утвердительно заметил Старцев.

- Пройдите со мной, – Бенсозия повелительно махнула наманикюренной ручкой. – Паспорт оставьте Грезилью.

Старцев послушно последовал за Бенсозией, которая провела его в свой кабинет.

- Меня зовут Бенсозия Владимировна Пламенеева, я старший менеджер по кадрам, – наконец соизволила представиться дама.

- Игорь Валерьевич Старцев, двадцать девять лет, образование высшее, стаж работы девятилетний, между прочим, холост. Ваша вакансия меня очень заинтересовала. – Игорь постарался добавить в улыбку как можно больше обаяния.

- Для начала вам нужно пройти электронный тест на наличие души, – холодно заметила Бенсозия.

- Простите, а разве души изначально может не быть? – подыграл ей Старцев. – Или вы считаете, что я уже продал свою бессмертную частицу конкурирующей организации?

- Конкурентов по покупкам души у нас нет, у нашей компании абсолютная монополия на данный товар, – еще более холодно сказала дама. – А душа приблизительно у семидесяти процентов москвичей уже отсутствует, причем еще до обращения к нам. Души, мой друг, вовсе не бессмертны, и, как и человеческое тело, могут умереть от голода, в данном случае – от недостатка духовной пищи. Поэтому наиболее выгодными для нас клиентами являются дети, а лучше всего – новорожденные. Жаль только, что группа интеллекта у данных клиентов, как правило, последняя, что несколько снижает ценность души...

- И вам приносят младенцев? – удивился Игорь.

- У нас огромные очереди из молодых мам, молодой человек, – отчитываясь проговорила Бенсозия. – И вообще, несмотря на то, что вся процедура продажи души занимает не более получаса, люди стоят в очередях месяцами. Именно поэтому мы постоянно расширяем штат, хотя количество сотрудников нашей компании уже свыше тысячи человеко-единиц.

- Именно человеко-единиц, не людей? – иронично подметил Игорь.

- Люди с наличием души не имеют права работать в нашей компании, – озабоченно сказала Бенсозия и вдруг вынула откуда-то из-за спины небольшую медную пластину. Ткнув пластиной прямо в Игоря, она изумленно подняла брови и уставилась на цифры 2 и 3, высветлившиеся из ниоткуда на корпусе пластины.

- Потрясающе, – проговорила она. – Это первый случай в Москве за этот год!

- А что случилось? – заинтересованно спросил Игорь, стараясь понять цель разыгрываемого перед ним балагана.

- Вторая категория души! – с пафосом произнесла дама. – И это в двадцать девять лет, да еще и при наличии третьей группы интеллекта!

- А по-русски? – спросил Игорь, которого этот спектакль забавлял все больше и больше.

- А по-русски – вы наш VIP-клиент, крайне редкое исключение из общего правила! – радостно сказала Бенсозия. – Обычно люди вашего склада не ищут подобных сделок, но, я думаю, от предложения получить двадцать три тысячи евро за одну свою подпись вы не откажетесь?

- А в чем фокус? – недоуменно спросил Игорь.

- Вы знаете, с VIP клиентами у нас работает либо генеральный директор нашей компании, Асмодей Адамович Адов, либо финансовый директор Офис Сергеевич Польшаев. Эти... господа смогут объяснить вам более подробно суть наших операций.

- Наамочка, – нажала Бенсозия кнопку селектора, – Офис Сергеевич у себя?

- Нет, Бенсозия Владимировна, – раздался бойкий девичий голос. – Он на встрече с Маммоном Борисовичем.

- А Пифона Абрамовича на встрече не будет? – невинно поинтересовался Старцев.

- Ого! – уважительно произнесла Бенсозия. – Вам следует приступать к работе в нашей компании как можно быстрее, вы человек достаточно квалифицированный, я бы даже сказала, чересчур. Я сейчас проведу вас к Асмодею Адамовичу.

- Вашему супругу, я полагаю? – уточнил Игорь.

- Ваше знание мифологии не означает, что вам все позволено! – гневно отрезала Бенсозия. – Закройте эту тему, и постарайтесь не поднимать ее в разговоре с Асмодеем Адамовичем! Или вы уже забыли, как шесть лет назад провалили собеседование, указав генеральному директору, что слово «генеральный» пишется через «е»?

Игорь сглотнул, ущипнул себя за локоть, и, поняв, что не спит, благоразумно замолчал.

Кабинет Асмодея Адамовича был выполнен в абсолютно стандартном офисном стиле – добротная мебель, стеклянные перегородки с опускающимися жалюзи, и даже фотография президента, на которой гарант конституции радостно пожимал руку хозяину кабинета.

Сам хозяин кабинета выглядел внушительно – огромный рост, густые черные волосы, по-татарски раскосые хитрые глаза, тоненькая полоска усов и ухоженная бородка.

- Оставь нас, – кивнул он Бенсозии и она послушно вышла.

- Итак, вы хотите работать у нас? – приветливо улыбнулся Асмодей.

- Прежде всего, – осторожно заметил Старцев, – мне бы хотелось узнать поподробнее о характере работы...

- Практически то же самое, чем вы занимались последние девять лет, – пренебрежительно махнул рукой Асмодей. – Торговля воздухом! Ведь финасовые услуги, оптовая перепродажа товаров и, извините за выражение, сетевой маркетинг, которыми вы столько лет промышляли, суть одно – торговля воздухом, мистификация, спекуляция, короче говоря – бизнес! Только теперь вам придется не продавать, а покупать – разница небольшая.

- А в чем афера в данном случае? – твердо решив ничему не удивляться, спросил Игорь.

- После подписания контракта и получения вами двадцати трех тысяч евро вы будете полностью проинформированы, – ласково сощурился Асмодей. – Это против правил – посвящать нового сотрудника во все

аспекты нашей работы, но для вас я сделаю исключение...

- После того, как вы обманете меня, вы расскажете мне, как обманывать других? – весело рассмеялся Игорь. – И потом глупый Буратино переквалифицируется в Базилио? Нет, я в эти игры не играю!

- И вы откажетесь от двадцати трех тысяч евро и перспективной работы? – улыбнулся Асмодей. – Бросьте, Старцев, я не узнаю вас! Ваши девизы «лучше быть одному, чем вместе с кем попало» и «лучше умереть стоя, чем жить на коленях» я глубоко уважаю и принимаю, но здесь явно не тот случай. Я вам не роль безмозглой куклы предлагаю, а роль режиссера кукольного театра! Игорь, я знаю, что все люди вам неинтересны, так вот – я не все, и вы не все. Выбор за вами – но поверьте мне – после вашего отказа вам впервые в жизни станет стыдно за самого себя!

- Вы действительно демон? – почему-то не удивился и не испугался Старцев.

- Никакой я не демон, что за детский бред, – успокаивающе улыбнулся Асмодей. – Ваше предположение абсолютно правильно – я крупномасштабный аферист с экстрасенсорными способностями. Я аферист, который не будет вас обманывать, поскольку мне выгодно иметь вас своим союзником, а не врагом! Деньги настоящие – Асмодей щелкнул пальцами, и в его руках появилась пачка евро в золотом зажиме и свиток пергамента. – Мне нужна от вас только подпись, подпись кровью! Доверьтесь себе, я вас обманываю? Да и что с вас взять, кроме долгов и алиментов?

Игорь улыбнулся. Асмодей Адамович был ему симпатичен. Жулик, экстрасенс, интеллеktуал, которому нужны союзники в непонятной афере, жертвой которой уже стала часть всей нашей Азии! «Была не была», – залихватски решил он, уколол предусмотрительно лежащей на столе Асмодея золотой булавкой палец и расписался на пергаменте...

- Чувствуешь, Гоша, как стало легко? Не правда ли, настоящее избавление от всего, что мешало тебе жить, что служило причиной нелюбви и неуважения современных чу-ва-ков? – вкрадчиво спросил Асмодей.

- Мы по типу, че-то про работу терли, – артистичность и красота слога Старцева моментально испарилась. Мысль тоже куда-то ушла, полностью уступив место физиологическим ощущениям.

- Да, да, про работу, – деловым тоном сказал Асмодей. – В ваши обязанности будет входить оформление договоров и привлечение новых клиентов. Инициатива у нас приветствуется, хотя и наказуема. Можете получить собственный тестер и фирменную иголку, а также набор пергамента и бейджик. Впрочем, вас будет курировать ваш инкуб-супервайзер, вы уже вопрос не моего уровня...

- А рай тоже как бы есть? – неожиданно спросил Игорь.

- Дурацкое место, – брезгливо сощурился Асмодей. – От постоянного звука арф испытываешь не меньше мук, чем от раскаленной лавы. С такой душой в рай бы ты не попал – как минимум, чистилище...

- Кошмар! – схватился за виски Игорь. – Ведь действительно афера! Жуткая, масштабная афера! А вы вот так... открыто, общедоступно давно?

- Чтобы на экране, да на общих основаниях – года четыре, – недоуменно и с некоторым беспокойством посмотрел Асмодей на Старцева. – Четыре года назад

россияне дошли до такого уровня, что восприняли это как нечто само собой разумеющееся, как обычную часть их и без того бредовой жизни...

- Не хочу, – твердо сказал Игорь. – Не хочу превращать и без того жалкие остатки умных, интеллигентных, благородных людей, осознающих весь абсурд, мерзость и идиотизм сегодняшней жизни, в часть серого, безликого стада, послушно выполняющего ваши незримые указания!

- Невероятно, – прощентал Асмодей, – последний раз такое было с Володей Маяковским... Ну у тебя душа, ну птица Феникс! А как ты считаешь, изменивший себе должен с самим собой расстаться?

- Не понял, Асмодей Адамович? – затуманенно посмотрел на архидемона Игорь.

- Это хорошо, – удовлетворенно кивнул Князь инкубата и, молниеносным движением достав пистолет, разрядил в Старцева всю обойму.

- Толя, Сережа, зайдите ко мне! – спокойно сказал Асмодей в селектор.

В кабинет вошли двое молодых людей в элегантных костюмах и галстуках.

- Вызывали, Асмодей Адамович? – осведомился один из них.

- Естественно, – рассеянно кивнул архидемон и показал на тело Старцева. – Уберите это!

Менеджеры по покупкам душ взяли труп Игоря, привычно и аккуратно завернули его в уже имеющуюся в запасе черную ткань, и дружно взяв, понесли покойника в сторону лифта.

- Слышь, Серый, – осведомился Толя, – а Офис нам вискарят проставит?

- Да ну на хрен эту самогонку! Ты скажи, ты, блин, на депутата счет-фактуру оформил?

- Да не вопрос, че тебя с этим счетом колбасит? Слышь, прикинь, вчера Ларка у нас Киркорова изображала, я по типу чуть не кончил от ржачки!

И оба достойных представителя ООО «Избавление» кинули труп современного Фауста в мусорный контейнер и, гогоча, ушли.

Старцев открыл глаза и увидел двух мерзких рогатых существ с ногами козлов и лицами быков, тыкающих его тело вилами. Он поднял голову и увидел беспредельную пустыню, покрытую огненно-красным песком. Рядом ним была выкопанная яма, заполненная кипящей лавой. Существа подняли Игоря и окунули его с головой в пузырящуюся, словно заходящую в предвкушении лаву. Старцев громко заорал от невыразимой, воистину адской боли. И заорал еще громче, когда понял, что на эти муки он обречен навечно...

Девушка с велослом № 8. (CD-диск)
Иллюстрированный литературный журнал
Москва: 2006.

Дмитрий Плахов

ПОД СОЛНЕЧНЫЙ РИТМ

Заказ диска: lkost1@yandex.ru
medizdat@mail.wplus.net

Босанова

я боялся к тебе не успеть и поэтому резал киноплёнку на кадры, и каждый из них был не резок, вот идёшь ты бульваром, бульвар непричёсан и мерзок, я хотел ухватить этот миг, и поэтому резал

я заметил – зимой никогда не цветут гиацинты, в переулках отчётливый запах гриппозной вакцины, горожанин редееет и прячется в ящик из цинка, в атмосфере такой не желают цвести гиацинты

несмотря ни на что, ты идёшь по бульвару босая, мандарина янтарную кожу под ноги бросаю, пред тобою бессильны и грипп, и дефолт, и Басаев, потому что ты ходишь бульваром босая, босая

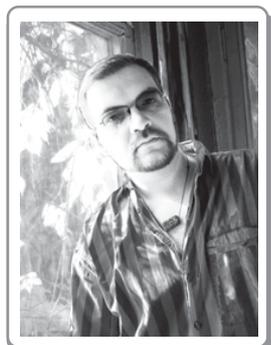
на засвеченной плёнке, под солнечный ритм босановы, эту жизнь ты подносишь к губам, как напиток кленовый, мне в ботинках никак не успеть за тобой, босоногой, ты уходишь бульваром, под солнечный ритм босановы

Returning

вот дорога пошла под уклон
огибая березовый лес
день причудливым согнут углом
глаз рябит от стрекозых телес
их избыточна роскошь и стать
и рукою мне их не достать

вот блаженная нега и тишь
накрывает меня с головой
закрываешь глаза и летишь
над зеленой волной луговой
этот плотный дремотный покой
мне никак не потрогать рукою

среди обильных природы даров
так лежать и лежать на спине
травяной не тревожа покров
ты подходишь неслышно ко мне
по дороге грунтовой ко сну
не коснуться тебя не косну...

Дмитрий Плахов

Вкратце - родился на Украине во Львове, в год Олимпиады переехал в Москву. Учился в педагогическом институте на географа, потом в театральном училище, оба заведения не окончил. Был дважды женат - с браками такая же ситуация, как с учебными заведениями...

Несколько лет жил в Новодевичьем монастыре, являясь там неким хозяйственным рабочим. Пробовать писать стихи начал три года назад, от скуки, после длительного нахождения в больнице. Сейчас вольнослушатель семинара Игоря Волгина. Вот, пожалуй, и все.

Девушка с веслом № 8. (CD-диск)
Иллюстрированный литературный журнал
Москва: 2006.

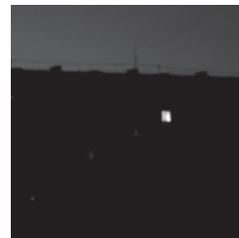
Заказ диска: lkost1@yandex.ru
medizdat@mail.wplus.net

Наталья Бесхлебная

Дедушка

Из цикла «памятник неизвестному герою»

День седьмого ноября

Дедушка хотел пойти на демонстрацию в своей парадной форме с медалями и орденами. Мы уговорили его так не ходить и одеть куртку, потому что скоро зима и в пиджаке холодно. Он согласился и вообще не пошел. Сидит в комнате.

А на поле до сих пор васильки. Было бы красиво, если бы их снегом засыпало.

В стране пьяных конфет

Дедушка сегодня долго искал тапочек. Потом долго искал второй. Потом третий.

У нас хорошо

Маму очень рано утром разбудил телефон, мама сказала ласково:

- Доброе утро.

- Кому - доброе, а кому и нет. - мама сразу решила, что со мной что-то случилось, например, меня раздавил парашютист. Но оказалось что это звонит какой-то алкоголик и мама легла спать дальше.

Но вскоре ее разбудил дедушка. Он сказал:

- С праздником.

- С праздником, - сказала мама. - а разве сегодня праздник?

- А разве нет?

- Нет, - сказала мама.

Наталья Бесхлебная

Родилась в Подольске в 1981 году, закончила литературный институт им. Горького, работает в телестудии «Лучший из миров».

Тогда дедушка разбудил бабушку и спросил ее:
- Ты кто?
Бабушка не растерялась и ответила:
- Так. Свободная дама. Можно жениться. Если ты не женат, конечно.

Дедушка задумался, а потом сказал:

- Нет, я не женат. Моя жена давно умерла.

- А, - сказала бабушка и пошла на кухню.

А потом я пришла.

Мама еще спала, дедушка листал свой паспорт, бабушка готовила чай.

Дедушка

...Каждый полдень в нашей квартире, может, минуту продолжается ужасный грохот - это дедушка пообедал и пытается выйти из кухни. В общем, там, конечно, тесно, и еще совсем недавно он как все только пару раз обо что-нибудь стучался и выходил себе, а теперь каждый день целую минуту бьется, как мотылек.

«Смерть прекрасна и так же легка, как выход из куколки мотылька»

Девушка с веслом № 7. (CD-диск)
Иллюстрированный литературный журнал
Москва: 2006.

Заказ диска: lkost1@yandex.ru
medizdat@mail.wplus.net

Ольга Чернецова

ПРАЗДНИК

Шестой палец

В тот день был праздник. Это было наше прощание со студенческой жизнью. Мы все закончили свои университеты и строили планы на будущее. Вот и выбрали день, чтобы собраться и отпраздновать это событие. Мы набрали с собой продуктов и пошли в лес.

Нас было четверо: я, мой молодой человек и два наших приятеля. Они были близнецами, как две капли воды похожими друг на друга. (Иногда даже сами себя не различали.)

Кот держал меня за левую руку, а братья шли сзади и о чем-то увлеченно болтали. На левой руке у меня было шесть пальцев: большой был раздвоен.

- Ты любишь меня только за мой шестой палец? – спросила я.

- Нет, я люблю твой шестой палец за то, что он часть тебя.

Мы расстелили покрывало, положили туда продукты и сели. Братья что-то жарили на костре и пили вино. Кот играл на гитаре и пил ром, а я слушала его песни и пила шампанское. Он совершенно гениально пел.

Они обсуждали, что будут делать дальше, хотели добиться чего-то. Кот со своей группой, братья со своими каскадёрскими штучками. Все хотели прославиться. А я ничего не хотела, мне было и так хорошо. Я не хотела, чтобы Кот был знаменитым, мне казалось, что он меня тогда забудет. Но в его таланте у меня сомнений не было.

Костёр догорал. Мы были пьяны. Все собирались домой. Но так и не пошли – заснули.

Я проснулась оттого, что дул сильный ветер. ОЧЕНЬ СИЛЬНЫЙ. В лесу темно. Ничего не видно. А время близилось к рассвету. Я стала искать Кота на ощупь, звать его, но он не откликнулся. Ветер уносил все наши вещи. Я слышала, как они ударялись об деревья. Всё было очень быстро. Мне в лицо летел какой-то мусор, листья. А потом я ничего не помню. Всё куда-то исчезло.

Исчез лес, пикник, Кот с братьями...

Я проснулась оттого, что шторы гладили меня по лицу. Кровать стояла так близко к балкону, и от ветра они танцевали.

Я была в незнакомой комнате. Там на стенах очень странные обои. Казалось, что фигуры, которые на них нарисованы, двигаются и вообще, живут какой-то своей отдельной жизнью. Кровать стояла как-то неправильно, и вся мебель стояла неправильно. Только шторы висели ровно. Старые жёлтые.

Я вышла на балкон и не поняла, где я. С балкона мне был виден какой-то парк. Я решила сходить туда.

Когда шла по дорожке, я смотрела на свой новый дом. Он был слишком велик для меня одной. Очень старый дом из красного кирпича в два этажа. Там был всего один балкон, как раз тот, на который я выходила.

«Всё это как-то странно, - думала я, - вот живёшь так, живёшь, и вдруг оказываешься неизвестно где, непонятно зачем».

Вокруг меня люди какие-то ходили, разговаривали на непонятном языке. Но, как я потом выяснила, они многие знали английский.

А я его только в школе учила, и то плохо. Я у них стала спрашивать, где я. Они отвечают, а я не понимаю. Очень быстро они говорят. Так и не выяснила.

Вот и ходила два дня просто по улицам. Сначала гуляла, смотрела всё и спрашивала у прохожих. А потом поняла, что не помню, где мой дом. Только ключи в кармане были и сигареты.

Я не курила никогда. Тут поняла, что курю. Полеза за спичками, а их нет. Спросила у кого-то. И вдруг смотрю на свою руку левую, а там пять пальцев. И такая красивая она. Я удивилась. Но всё-таки когда было шесть, лучше.

Ольга Чернецова
Пишет стихи и прозу,
живет в Москве.
Член клуба «Дебют».

Это уже на второй день было. Я на лавочке спала. Просыпаюсь, смотрю: кто-то монеты вокруг меня разбросал. Много этих монет было. Такие красивые все... Наверное подумали, что я - нищая. Так оно и было, впрочем. Я эти монеты собрала, и - в карман.

Пошла в магазин за едой.

Поела и стала дорогу домой искать. Нашла всё-таки до вечера каким-то чудом.

Не знаю, сколько дней я там жила просто так, ничего не делала. Потом работу стала искать. Было трудно, я же языка не знаю. В конечном счете, нашла всё-таки: я пуговицы стала делать сама. У меня очень красиво получалось. Тогда очень модно было, все эти вещи ручной работы. Поэтому денег мне вроде хватало.

Когда встала на ноги, я твёрдо решила искать Кота с братьями. Я не знала ни где они, ни что с ними. В телефонном справочнике их номеров не было. Я ночами сидела в интернете, рыскала повсюду.

Братьев я нашла только через восемь лет. Я смотрела по телевизору какой-то фильм. В одном эпизоде (там исполнялся сложный трюк) я увидела руки одного из братьев. Я была точно уверена, что это руки кого-то из них.

Я начала узнавать всё про этот фильм. Но фамилии братьев там не оказалось. Они работали и жили под другим именем, как я потом выяснила...

Кончилось всё тем, что я оказалась у них в гримёрке. Меня долго не хотели пускать. Я назвалась, но братья меня не вспомнили. Я всё равно вошла, они меня не узнали. Я начала говорить, рассказывать что-то, но они ничего не понимали. Сказали, что меня не знают, и выставляли вон.

Я не знала, что мне делать. Не понимала, почему они забыли всё. Они стали совсем другими, хотя внешне всё те же...

Братья так больше и не стали со мной говорить. Как будто тот эпизод прошлой жизни был вырезан из их памяти.

Когда я приходила к ним в третий раз, они вызвали охрану, и меня чуть не арестовали. Я кричала что-то про Кота. Но они не понимали, о чём речь.

Тогда я бросила это дело и стала искать Кота. Я искала его всю свою оставшуюся жизнь. Но встретила лишь после смерти...

Я вхожу в огромный лес. Кот идёт мне навстречу. Он берёт меня за левую руку и смотрит на неё. На ней шесть пальцев. Большой раздвоен.

- Ты любишь меня только за мой шестой палец? - спрашиваю я.

- Да, я люблю тебя за шестой палец. Но я люблю именно тебя, только за то, что он у тебя есть.

Всё исчезает.

Кот

Я оказываюсь в огромной комнате, происхождение которой мне не известно. Я не помню, что было до, не знаю, что будет после. У меня ни работы, ни друзей. Только гитара. Через несколько дней я обнаруживаю, что отлично играю.

Каждый вечер я выхожу на бульвар петь, зарабатываю себе на жизнь. Мне было, конечно, несладко. Я начал пить.

Проходит несколько лет. Я набираю себе группу, и мы выступаем по дешёвым клубам, но довольно успешно. До тех пор, пока я не спиваюсь, начинаю пропускать репетиции, и меня выгоняют из группы.

Я знал. Все дело было в той женщине. Она мне всё время снилась. Я любил её. На левой руке у неё было шесть пальцев.

Я стал искать её. И искал всю жизнь. Пока не умер. Я твёрдо верил, что найду её. И нашёл. Но только после смерти.

Она спросила меня:

- Ты любишь меня только за шестой палец?

Я не знал, что отвечать. Всю жизнь искал, а теперь не знал, как с ней говорить.

- Да, я люблю тебя за шестой палец. Но я люблю именно тебя, только за то, что он у тебя есть.

Братья

Я не знал, ни где мы, ни откуда мы взялись. Иногда казалось, что у меня вообще нет брата, что он плод моего воображения, моя тень, моё второе «я».

Наша странная жизнь началась в 23 года по паспорту. Мы долго искали работу. Сначала был цирк, потом нас взяли в кино. Мы исполняли разные трюки.

Когда я нашёл себе жену, я боялся, что брат спит с ней. И переехал. Наши дома находились в разных концах города. Но я ловил его мысли на расстоянии. Мне это сильно мешало.

И вот однажды, исполняя один трюк вдвоём, мы думали о разных вещах. Я думал о женщине, которая как-то пришла к нам в гримёрку и устроила истерику, говоря о том, что мы с ней знакомы. Мне казалось тогда, что она говорит правду, хотя я не мог её вспомнить...

А он думал о том, как он хочет трахнуть мою жену. Когда я поймал эти мысли в его голове, у меня от злости потемнело в глазах. Противная слабость растеклась по всему телу. Рука стала медленно соскальзывать...

Я разбился насмерть. Мой брат умер вместе со мной.

Перед нами огромный лес. Мы стоим с ним рядом. Ветер дует в спину. Я вижу ту женщину, что была у нас с братом в гримёрке. Говорит с каким-то парнем.

Я смотрю на брата, он на меня. И понимаю, что мой брат не был моим раздвоением, он правда существовал. И та женщина. Я вспомнил её. И парень, с которым она стояла. Всё это было. Из глаз моих потекли слёзы. Я посмотрел на брата. Он казался моим отражением.

Всё исчезло.

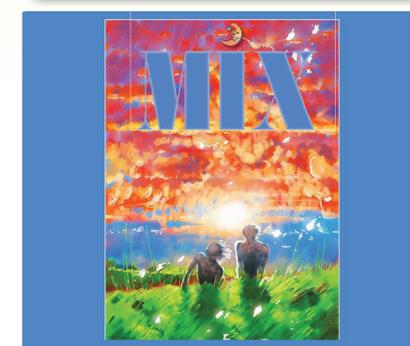
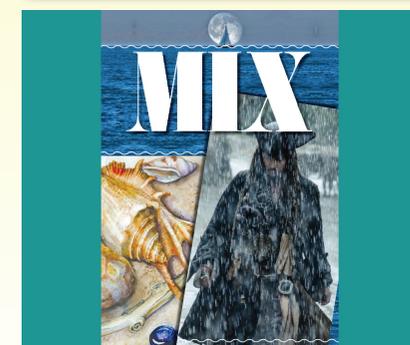
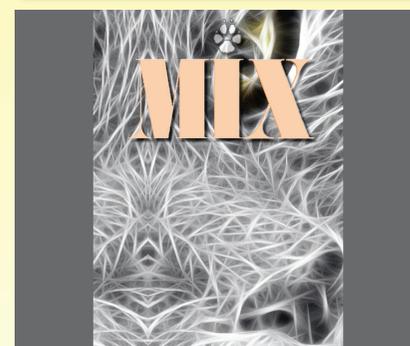
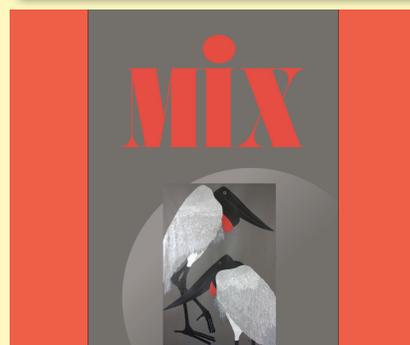
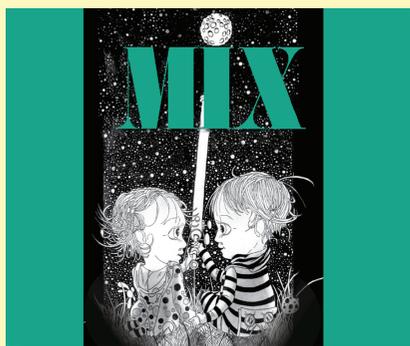
ЭНТЕРПРАЙЗЫ

ММХ

Приглашаем авторов, рекламодателей, распространителей!

«Литературный Микс»: главное – задать точку отсчёта

Когда мы готовим очередной выпуск в печать, мы стараемся применять новые технологии. Например, первые номера журнала у нас были на пружине, что позволяло делать у издания две обложки. Подобно тому, как мы перелистываем блокнот, под первой обложкой можно было найти подборку произведений авторов из Петербурга, а под второй обложкой – авторов из Москвы. В издании другого номера мы использовали новую полиграфическую технологию – печать выборочным лаком, получилось очень красиво, так как лак был с блестками. Еще в одном из журналов мы предложили читателям закладку – в виде рисунка на ленточке.

Но самое главное – это то, что внутри журнала. Ведь мы объединяем творческих людей – писатели не могут оформить рукопись без художников, а художникам нужен текст, чтобы их картины тоже читались. Материалы публикуются в разных жанрах, отсюда название – MIX (микс - смесь).

Мы стараемся сделать так, чтобы журнал было приятно взять в руки, а обложка была яркой, индивидуальной и привлекательной у каждого выпуска. В качестве иллюстративного материала для блока всегда – книжная графика, авторские фотографии, иногда даже детские рисунки.

Литература, книги – это всегда модно, это вечно и это интересно!!! Любая нация в первую очередь гордится тем, что привнесла в мировую копилку цивилизации. И, если бы страны, планируя бюджет, под номером один писали слово “Литература”, то все остальные сферы поднялись бы на уровень выше – и образование, и здравоохранение. Люди без духовной пищи болеют.

Так будем здоровыми!

www.artlitmix.ru

Информацию о мероприятиях
литцентра можно узнать на сайте

www.litcenterspb.com

и через группы в соцсетях

[litcenterspb](https://www.litcenterspb.com) [cslik](#)

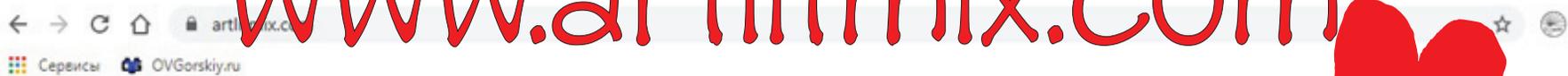

Дамы и господа!

Приглашаем прогуляться по нашему интернет-магазину!

www.artlitmix.com

Интернет-магазин

- Звоните: + 7 (812) 934-79-05
- Пишите: artlitmix@mail.ru
- Заказать обратный звонок

Товаров 0 (0р.)

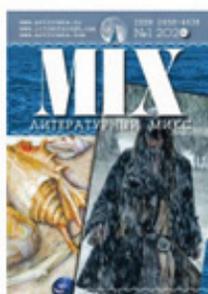
[Главная](#)[О нас](#)[Прайс-лист](#)[Новости](#)[Как заказать](#)[Контакты](#)[Книги](#)[Антологии](#)[журнал Литературный Микс](#)[Издательские услуги](#)[Продукция Фитолон-Мед](#)

Новости

08.11.2017
Санкт-Петербург,
наб.Макарова, д.10/1
[читать далее](#)

Рекомендуемые товары

ЛИТЕРАТУРНЫЙ МИКС №20 2020

«Литературный МИКС» – это современный литературно-художественный журнал, на страницах которого публи...

[подробнее >](#)

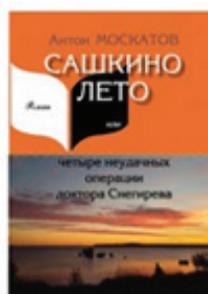
БРУСАКОВ ВАСИЛИЙ. ЭТО БЫЛО В АНГОЛЕ

Серия: Неизвестные войны. Санкт Петербург: Центр современной литературы и книги на Васильевском. ...

[подробнее >](#)

МОСКАТОВ АНТОН. САШКИНО ЛЕТО

ПОТОМОК ЧЕХОВСКОГО ДОКТОРА ДЫМОВА. Может ли практикующий врач оставаться романтиком, ценителем красо...

☆☆☆☆☆

[подробнее >](#)

ТИТОВ АЛЕКСЕЙ. КЕЛЛИ

Формат А5, мягкий переплет, ламинат, обложка 4+0, 184 стр...

☆☆☆☆☆

[подробнее >](#)